

51
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

151

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ
КОЛХИДЫ И ИБЕРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

151

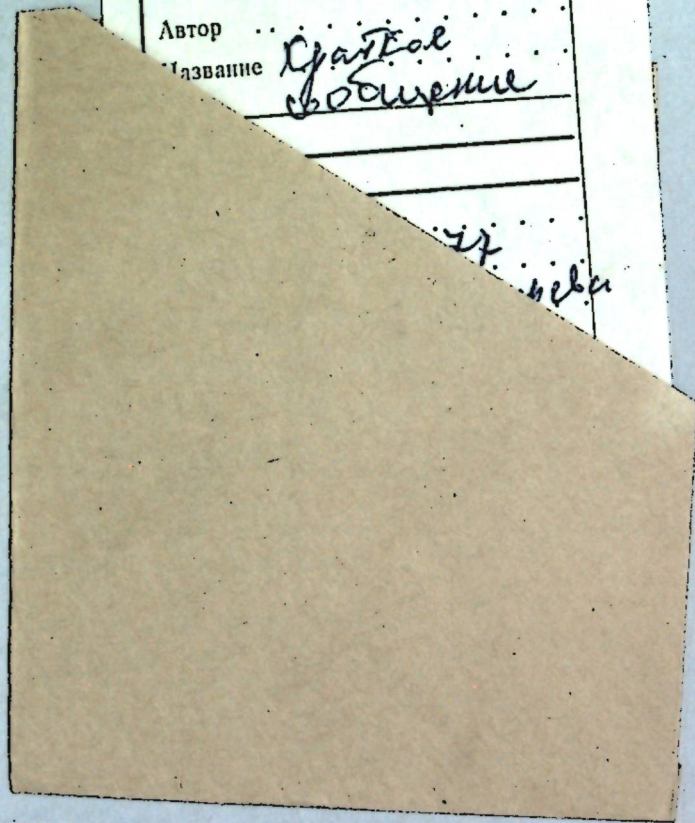
АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ
КОЛХИДЫ И ИБЕРИИ

М 89688

Писать разборчиво	М-86
Шифр	151
Автор	
Название	Краткое сообщение

47

ОТ РЕДАКЦИИ

Открытия последних лет, сделанные грузинскими археологами на территории Колхиды и Иберии, обогатили науку уникальными материалами, позволяющими по-новому взглянуть на историю восточной части Причерноморья, на роль античных государств в истории народов этих территорий в I тысячелетии до н. э. и в первые века нашей эры, когда местные причерноморские племена столкнулись с античным средиземноморским миром. Имеется много общего в процессе исторического развития Восточного и Северного Причерноморья, и лишь параллельное изучение этих территорий позволит решить многие проблемы, связанные с колонизацией Причерноморья, с ролью античной культуры, с взаимовлиянием культур Средиземноморья и местного населения, с ролью торговли и др.

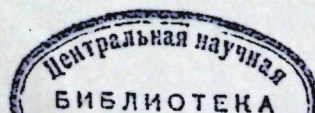
Доклад заместителя директора Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР О. Д. Лордкипанидзе на заседании Президиума АН СССР о новых открытиях грузинских археологов, так же как и доклады на пленумах и в секторах ИА АН СССР других археологов, статьи которых публикуются в данном сборнике, показали необходимость более широкого ознакомления советских ученых с результатами археологических открытий, сделанных на территории Грузии. Это тем более необходимо, что упомянутые материалы нашли отражение только в грузинских изданиях и не всегда доступны для ученых других советских социалистических республик.

Все эти соображения заставили редакцию «Кратких сообщений» посвятить данный выпуск публикации материалов об археологических исследованиях на территории Колхиды и Иберии, относящихся главным образом к античному периоду.

Редакционная коллегия:

И. Н. ВОРОНИН, О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
К. Х. КУШНАРЕВА, А. Ф. МЕДВЕДЕВ, И. Я. МЕРПЕРТ,
Р. М. МУНЧАЕВ, П. А. РАППОРТ (зам. ответственного редактора),
В. В. СЕДОВ, Д. Б. ШЕЛОВ, А. Л. ЯКОБСОН

189686

© Издательство «Наука», 1977 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОЛХИДЕ

А. Ю. КАХИДЗЕ

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ПИЧВНАРИ

Среди памятников Восточного Причерноморья античного времени особое внимание привлекает городище Пичвнари. Оно находится в 10 км севернее г. Кобулет. В последнее время здесь ведет полевые работы археологическая экспедиция Батумского НИИ АН Грузинской ССР, в которой участвуют и сотрудники Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили¹.

На территории городища Пичвнари открыты культурные слои доантичной, классической, эллинистической и раннефеодальной эпох². Прослеживаются жилые и культовые места, ремесленные участки, открыт довольно обширный могильник. Отдельно располагались колхский могильник раннеантичного времени, греческий некрополь V—IV вв. до н. э. и погребения эллинизированного населения конца IV—III в. до н. э.³

Колхский могильник расположен в западной части городища, на левом берегу р. Чолоки (холм Напурвала). Раскопки здесь проводились в 1966—1967 гг. В первый год были выявлены 38 погребений, а во второй — 34. Грунтовые погребения расположены близко друг к другу, иногда ранние могилы нарушены более поздними. Большинство погребенных ориентировано головой на север или северо-восток, некоторые имеют восточную ориентацию. Все погребения содержат труположения, но остатки деревянных гробов и человеческие кости в условиях местного грунта не сохраняются.

Размеры погребальных ям различны: максимальная длина их 2,95 м, ширина 1,25 м; иногда встречаются небольшие четырехугольные или округлые ямы размером 0,80×0,60 м; глубина могил — от 0,70 до 1,5 м.

В погребениях в больших количествах обнаружены керамические изделия, привлекающие внимание разнообразием, изяществом форм и орнаментом (рис. 1, 1—4). Эти находки доказывают, что керамическое производство в Пичвнари в классическую эпоху находилось на высоком уровне. Обнаружен местный сосуд, изготовленный в подражание греческим ойнохоям. Очень редко встречаются чернолаковые килики, ионийские ойнохон, лесбосские, хиосские и протофазосские амфоры. Найдено много украшений: серебряные, золотые и бронзовые серьги, браслеты, перстни, колокольчики и разнообразные бусы (рис. 1, 5—8).

Довольно часто попадаются местные монеты — колхидки. На одной из них изображена голова льва. Хорошо датируемые погребальные комплексы, в которых найдены колхидки, дают возможность установить сравнительную хронологию колхидских монет, являющуюся пока еще спорным

вопросом грузинской нумизматики. Особо следует отметить первую находку ранней синопской монеты первой половины V в. до н. э.⁴

Могильник относится к концу VI—V в. до н. э. Обнаруженные в нем материалы являются ценнейшим источником для изучения западногрузинской (колхидской) культуры. На материале могильника Пичвнари хорошо прослеживается процесс классовой дифференциации колхского общества: наряду со сравнительно богатыми погребениями встречаются и безынвентарные.

Особенно обильные и разнообразные археологические материалы удалось получить во время раскопок греческого некрополя V в. до н. э. Чисто греческий могильник в Восточном Причерноморье найден впервые, поэтому научное значение его очень велико. В 1967—1968, 1972—1973 гг. были обнаружены 32 погребения, некоторые из которых сопровождалась тризнами. Большинство могил содержит труположения, только три — кремационные. Погребенные ориентированы головой на восток (с некоторыми отклонениями).

После снятия гумусного слоя (мощность 35—40 см) обнаруживаются площадки для тризы со значительной прослойкой золы, где в большом количестве находятся разбитые ионийские, аттические, а иногда и местные сосуды, обожженные кости птиц, скорлупа каштанов и орехов.

Как правило, остатки тризы встречаются к северо-востоку от погребения. Сохранность погребений в могильнике прекрасная, что дает возможность их тщательного изучения. Из 32 погребений разграбленным оказалось только одно (20-е погребение с каменной кладкой), но и там обнаружены амфора Менде (рис. 2), бронзовое зеркало, серебряные браслеты, чернолаковый амфориск, золотые бусы и пуговицы, а на площадке тризы — десятки ионийских и аттических битых сосудов.

И здесь погребения расположены близко друг к другу: все 32 погребения и несколько площадок для тризы (размеры такой площадки иногда достигают 4×4 м) были открыты на раскопе 24×20 м.

Величина некоторых погребальных ям довольно значительна — 5×3 м, а самые маленькие имели размеры 1,5×0,7 м. Глубина их от современной поверхности — 0,3—1,6 м. Покойников хоронили в деревянных гробах, а может быть, в саркофагах; многие погребения — с деревянными перекрытиями. Единственное вышеуказанное разграбленное погребение имело каменную кладку и надгробную плиту. В южной части погребения 5 обнаружена жертвенная яма, бофр. В бофре нашли два лекфа: краснофигурный и простой чернолаковый.

Богатые и сравнительно бедные греки были захоронены вместе. Со всем безынвентарные захоронения не встречались, даже в самых бедных погребениях находились три-четыре предмета, а в отдельных богатых могилах встречено 23—26 предметов. По расположению инвентаря и по аналогии с другими греческими некрополями можно предполагать, что покойники лежали на спине, с вытянутыми руками и ногами; иногда руки могли быть сложены на груди.

Для более ясного представления о характере и составе погребального инвентаря, закономерности распределения отдельных предметов в погребениях опишем некоторые из них.

Погребение 1 (рис. 3). Длина погребальной ямы 5 м, ширина 3 м. По расположению железных гвоздей можно восстановить размеры деревянного гроба: длина 2,5 м, ширина 1,5 м, высота 1,25 м. Верхний ряд гвоздей расположен острием вниз, а нижний — наоборот. Размеры гвоздей указывают на то, что доски, из которых делали гроб, были довольно толстые. Кости не сохранились, но по расположению погребального инвентаря видно, что покойник лежал головой на восток с отклонением к северу на 20—25°.

Покойника снабдили богатым инвентарем: у головы лежали четыре хиосские амфоры — две целые и две разбитые. По правую сторону головы

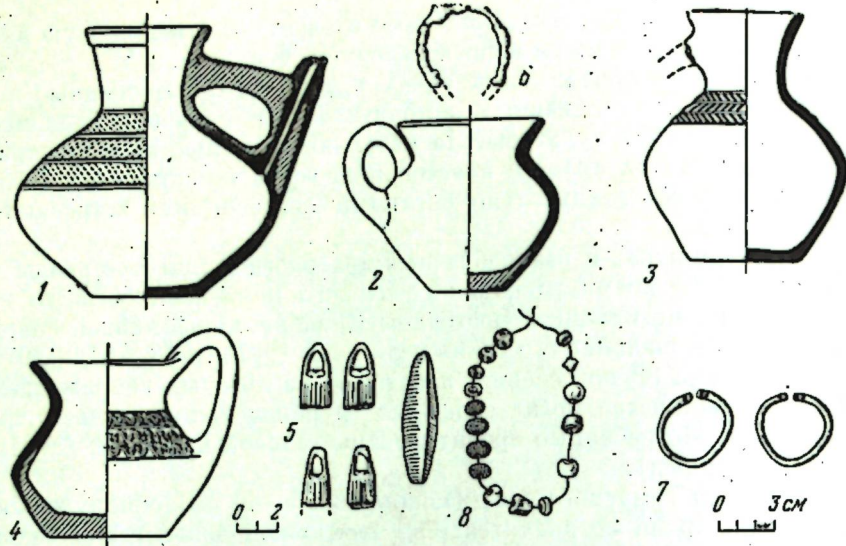

Рис. 1. Пичвинский могильник
1-4 — местные сосуды V в. до н. э.
5 — бронзовые колокольчики;
6, 7 — браслеты;
8 — бусы

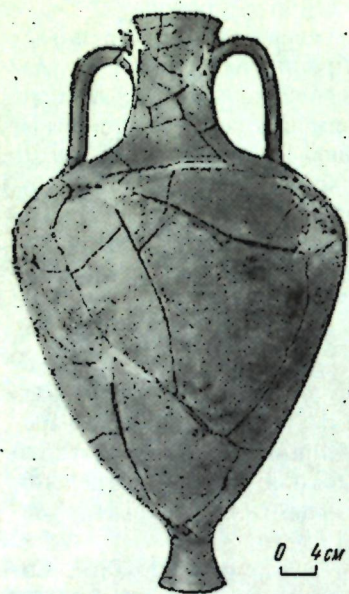

Рис. 2. Амфора Менде
из погребения 20

были найдены серебряные кольца, простые и орнаментированные чернолаковые сосуды — три чаши, два килика и краснофигурный аск. У правой руки обнаружено единственное золотое кольцо. Здесь же были орнаментированный амфориск и чернолаковая солонка. Самые интересные материалы найдены в западной части погребения — у ног: краснофигурный кратер, который был поврежден крышкой гроба, три одинаковые котилы, бронзовый стригиль, черпак и ситечко с лебедиными головками и бронзовый сосуд.

По характеру инвентаря можно сказать, что здесь был захоронен знатный мужчина. Среди добытых материалов особый интерес представляет великолепный краснофигурный кратер, который является блестящим образцом древнегреческой вазовой живописи (рис. 4). Он полностью реставрирован из больших обломков. Высота кратера 50 см, ширина венчика 49 см. Подставка довольно широкая, дискообразная, с двумя уступами. Ручки в сечении круглые, снаружи покрыты лаком. По нижнему выделенному краю венчика идет краснофигурный орнамент из чередующихся пальметок и пышных цветов лотоса, тесно посаженных друг возле друга и соединенных между собой короткими волютами.

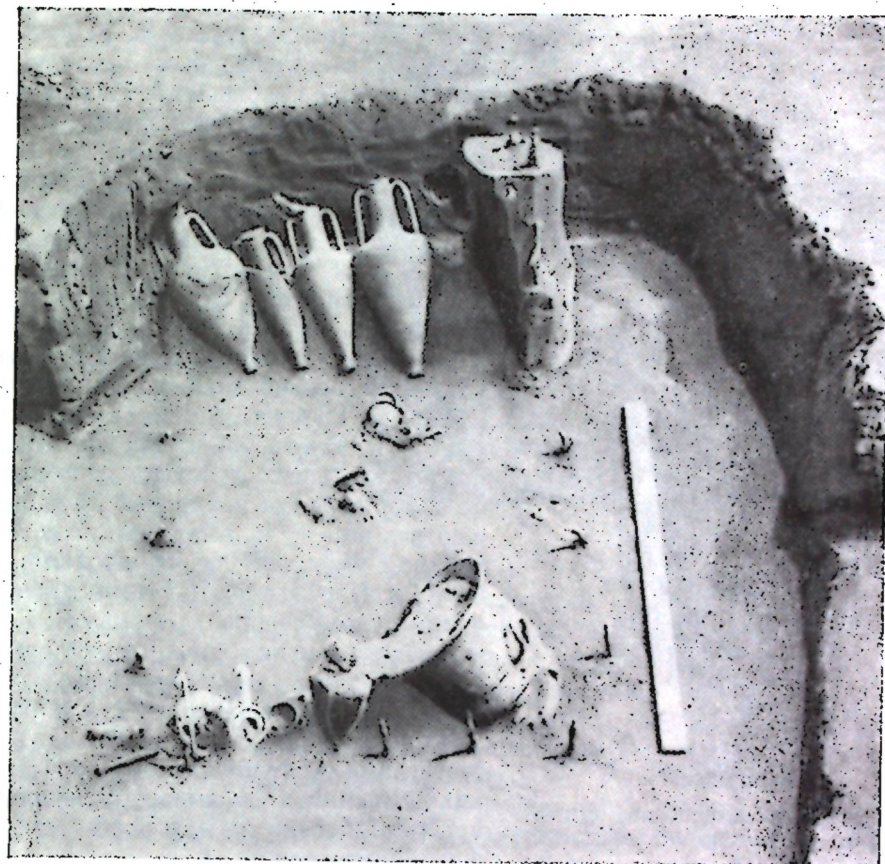

Рис. 3. Погребение 1

Рис. 4. Краснофигурный кратер

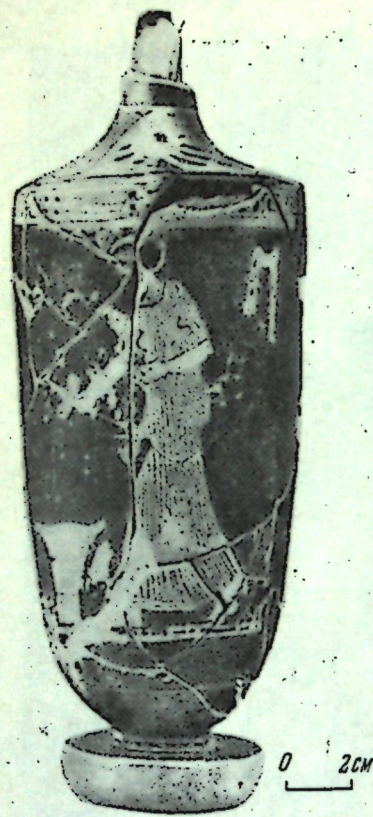

Рис. 5. Краснофигурный лекиф
V в. до н. э. из погребения 6

Тулово сосуда покрыто двухфривозой краснофигурной росписью; передающей сцены из греческой мифологии. Верхний и нижний фризы росписи разделены узкой полоской ов. Под нижним фризом тянется полоса меандра, прерываемая через три переката (в одном случае через два) косыми и прямыми крестами. Под каждой ручкой помещен орнамент из двух противопоставленных пальметок с длинными отходящими в сторону стеблями и завитками.

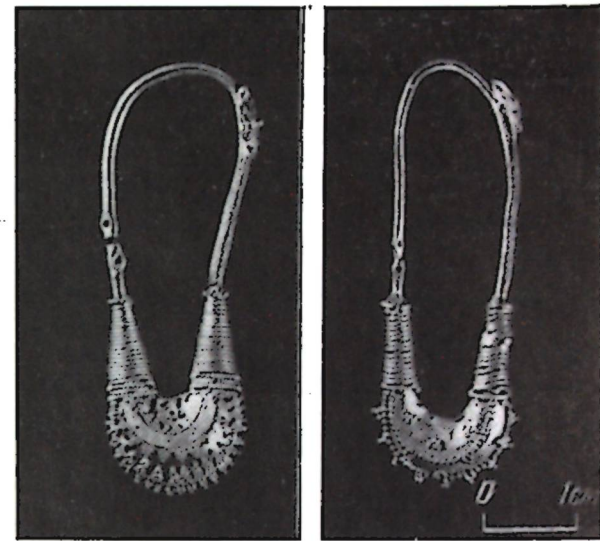
Роспись тулова кратера: Сторона А. Верхний фриз: похищение Тезеом Елены. Действие происходит в храме Артемиды Ортин, где на празднестве Артемиды Елена танцевала со своими подругами. Место действия ясно указано изображением дорийской колонны и жертвенника с конийскими волчатами. Нижний Фриз: миф о Триптоleme, Деметре и Персефоне. Действие происходит в храме Элевсина. Сторона Б. Верхний фриз: сцена, очевидно, является продолжением сцены верхнего фриза стороны А. Не исключено, что в общий сюжет включена сцена музыкального состязания Аполлона и Марсия. Никаких сомнений не вызывает определение крылатой богини победы Ники. Нижний фриз: симпозиум.

Кратер датируется 460—450 гг. до н. э. Под находкам в Орвието (Луврский кратер) и в Спина нам удалось определить художника пичвнарского кратера — мастера Ниобида, который является одним из основоположников греческой монументальной краснофигурной вазописи. Здесь же стоит отметить, что пичвнарская находка дает возможность определить одного из персонажей, изображенных на Луврском кратере мастера Ниобида. Пичвнарский краснофигурный кратер вместе с другими краснофигурными вазами имеет большую научную ценность не только для выяснения торгово-экономических и культурных отношений древней Колхиды с античным миром, но и для изучения истории греческой вазописи³.

Погребение 6. Длина погребальной ямы 5,25 м, ширина 1,75 м. К северо-востоку от погребения была препарирована площадка тризны толщиной 50—60 см, где найдена масса разбитых сосудов. В самом погребении обнаружены две целые фассосские амфоры, лежавшие у головы покойника. В восточной части погребения найден электрический статер Кизика. Вес монеты 16,05 г, размеры — 2,15×1,8 см, на лицевой стороне изображена голова нимфы Клите (супруги эпонима г. Кизика) влево, под ней тунец влево; на оборотной стороне — quadratum incisum. Монета датируется 460—440 гг. до н. э. Здесь же лежала серебряная чаша с омфалом. Вблизи правой руки найден золотой перстень с изображением Афродиты и Эроса. Перстень представляет собой высокохудожественное ювелирное изделие, в нем тонко переданы все детали, в особенности же одежда и прическа.

У ног покойного обнаружен высокий цилиндрический краснофигурный лекиф (рис. 5), на котором изображена женская фигура у корзины с шерстью. Лекиф относится к произведениям круга мастера Бовдиона и

Рис. 6. Золотые серьги
V в. до н. э. из погребения 15

датируется первой половиной V в. до н. э. Близ лекифа находилась чернолаковая солонка. Погребение датируется серединой V в. до н. э.

Погребение 15. Погребение коллективное, поэтому яма была довольно велика. Деревянное сооружение для погребенных имело также большие размеры — длина около 5 м, ширина 2,20 м. После снятия гумуса появилась эшара четырехгранной формы, сделанная из белого известняка; в центре ее было отверстие, через которое, как видно, производили возлияние жертвенного вина подземным богам.

По характеру инвентаря можно сказать, что в южной части могилы был погребен мужчина: при нем оказались бронзовый черпак с лебединой головкой, сито, ойнохой, целая фассосская амфора, чернолаковый клик, гут с чернофигурным орнаментом.

В северной части могилы была погребена женщина с богатым инвентарем. У изголовья были обнаружены местный разбитый кувшин довольно большого размера и 18 наконечников стрел скифского типа, расположенных в форме треугольника и, как видно, лежавших в свое время в колчане. Из золотых украшений найдены два массивных височных кольца, две серьги (рис. 6), золотые бусы (91). Здесь же найден второй статер г. Кизика. Слева от плеча лежала вверх дном прекрасно сохранившаяся серебряная чаша с омфалом. Ее поверхность украшена едва заметными каннелюрами. При этом же погребении найдены две чернолаковые чаши, вставленные друг в друга, и высокодонная чаша с граффиито. Рядом с чашей лежал разбитый местный сосуд.

В северо-западной части могилы обнаружены серебряные и железные браслеты, бусы из пасты и золотая серьга. Создается впечатление, что вместе со знатным греческим купцом и его женой был захоронен слуга или рабья.

Научную ценность археологических памятников Пичвнарского греческого могильника V в. до н. э. нельзя недооценить. Находки красноречиво доказывают, что Пичвнари в классическую эпоху был важным центром античного мира.

Не менее интересные материалы были обнаружены на территории Пичвнарского греческого могильника IV в. до н. э., раскопки которого велись в 1967, 1968, 1972 гг. параллельно с изучением колхского и греческого некрополя V в. до н. э. Всего было раскопано 60 кв. м, где обнаружено 15 грунтовых погребений с труположениями (рис. 7). При некоторых из них имелись площадки для тризны. Глубина могил от современной поверхности — 0,8—1,5 м. Ориентация костяков восточная, откло-

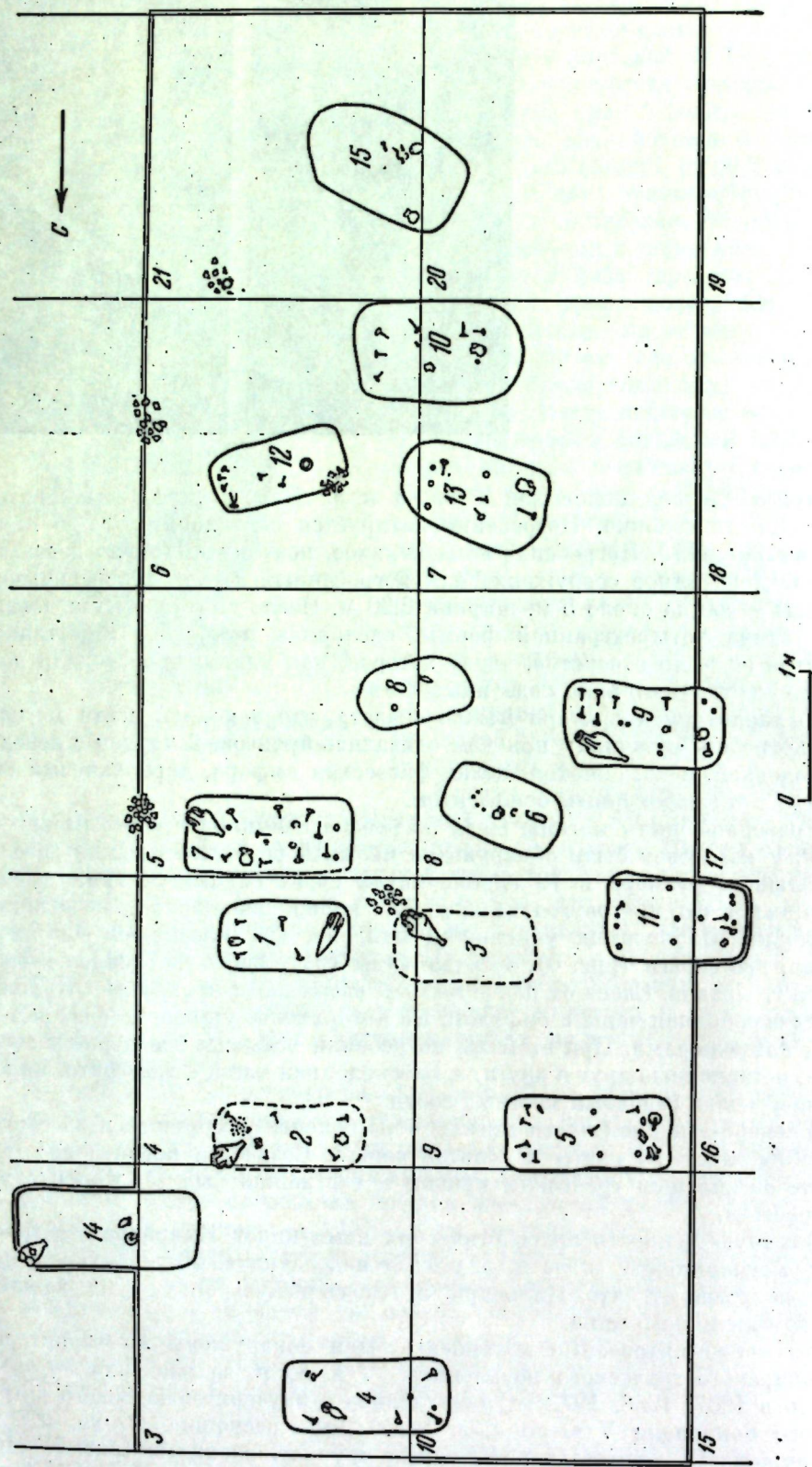

Рис. 7. План греческого могильника IV в. до н. э.

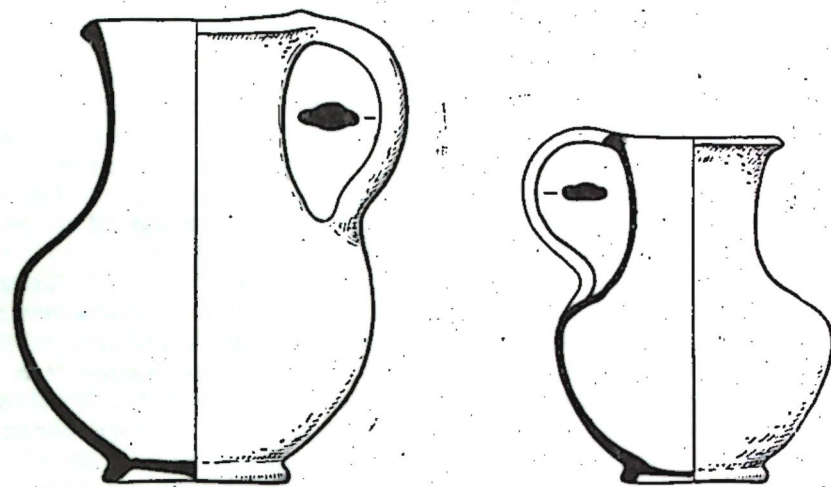

Рис. 8. Сероглиняные кувшинчики IV в. до н. э.

Рис. 9. Сосуд IV—III вв. до н. э. из погребения 27

нения незначительны. Размеры погребальных ям: максимальная длина 2,6 м, ширина 1,37 м; минимальная — соответственно 1,6 и 0,75 м.

Погребальный инвентарь по сравнению с инвентарем могильника V в. до н. э. гораздо беднее. В погребениях и на площадках для тризны найдены чернолаковые и сетчатые аттические лекифы и амфориск, килики, скифосы, солонки, гераклейские амфоры (некоторые из них имеют энглифические клейма), блюда для рыб, чаши, простые и орнаментированные местные сосуды, бусы, железные браслеты и перстни.

Большой интерес представляют сероглиняные кувшинчики (рис. 8), впервые найденные в причерноморской Грузии. Они аналогичны сосудам из Северного и Западного Причерноморья, считавшимся специфическими местными изделиями. Новые находки на Пичвнари ставят под сомнение этот взгляд. Большая близость их по форме, орнаментации и по глине указывает на изготовление кувшинчиков в одном производственном центре. В Пичвнари они появляются одновременно с гераклейскими амфорами. Мы не исключаем возможности производства сероглиняных сосудов в Гераклее и вывоза их вместе с керамической тарой в Восточной, Северной и Западной Причерноморье. Ареалы гераклейских амфор и сероглиняных сосудов совпадают. Конечно, окончательный ответ на этот вопрос мо-

гут дать только археологические раскопки Гераклен — современного турецкого города Эрегли.

Раскопки могильника Пичвари IV в. до н. э. показывают, что в связи с поражением Афин в Пелопонесской войне аттический импорт в Восточное Причерноморье постепенно сокращается. Происходит активизация городов южного побережья Понта, особенно следует отметить роль Гераклен в торгово-экономической жизни городов Восточного Причерноморья. В погребениях IV в. до н. э. уже не встречаются аттические расписные сосуды, ювелирные изделия, образцы торевтики.

Совсем иначе выглядят материалы раннеэллинистической эпохи. Багумской археологической экспедицией 1965, 1973, 1974 гг. были выявлены 42 погребения этого периода. Погребенные ориентированы на восток. Размеры погребальных ям почти совпадают с размерами погребений IV в. до н. э., но погребальный инвентарь богат и разнообразен. Преобладают керамические изделия, часть которых изготовлена в древнеколхидской традиции; появляются новые формы и подражания греческим образцам. В 1974 г. был обнаружен местный расписной сосуд, на котором изображены листья и грозди винограда (рис. 9); как видно, культ Диониса проникает и на территорию Грузии. Вновь возрастает аттический импорт (канфары, лекифы, блюда, кувшинчики с каннелюрами и т. д.). Часто попадаются так называемые унгентарии, бальзамарии, найдены алабастры из цветного финикийского стекла, серебряный килик высокохудожественной работы, многочисленные бусы и подвески, браслеты, кольца, золотые украшения, колхидские и синопские монеты и пр.

Новейшие археологические данные показывают, что в античную эпоху Пичвари играл значительную роль в сфере торгово-экономических и культурных взаимоотношений между эллиским миром и странами Понтийского побережья. Необходимо продолжить и расширить полевые исследования этого интереснейшего могильника, дающего обширный материал для изучения древнейшей истории и культуры Причерноморья.

¹ В разное время в раскопках могильника Пичвари участвовали: А. Ианишвили (общий руководитель), Н. Вашакидзе, Л. Чхадзе, С. Гогитидзе, А. Джавелидзе, Р. Микеладзе, Г. Библишвили, Д. Хахутайшвили, А. Рампшвили, Г. Григолна, И. Гримальендорф, О. Кирова-Бедукадзе. Полевые работы велись под руководством автора.

² О раскопках городища см.: *Кахидзе А. Ю.* Города Причерноморья Грузии в античную эпоху. Тбилиси, 1971.

³ *Кахидзе А. Ю.* Основные результаты археологического исследования пичварского могильника IV века до н. э. — В кн.: Памятники юго-западной Грузии, IV. Тбилиси, 1974.

⁴ Об пронемных монетах см.: *Кахидзе А. Ю.* Привозные монеты из могильника Пичвари. — ВДИ, 1974, № 3.

⁵ *Кахидзе А. Ю.* Краснофигурный кратер Пичвари. — «Сообщения АН Грузинской ССР», 1973, 69, № 2; *он же.* Памятники античного искусства в Пичвари. — «Советское искусство», 1973, № 9.

Т. К. МИКЕЛАДЗЕ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЙ VI—V ВВ. ДО Н. Э. В РАЙОНЕ УСТЬЯ Р. РИОНИ (ФАСИСА)

Последовательное археологическое исследование окрестностей устья р. Риони началось в 1961 г. Работы проводила сначала (1961—1965 гг.) Потийская археологическая экспедиция Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР, а с 1971 г. — Колхидская археологическая экспедиция того же института.

Основной задачей экспедиции в этом районе было обнаружение следов древнего портового города Колхиды — Фасиса, а затем изучение его истории, культуры, экономики, характера и особенностей. Обследование территории г. Поты, соответствующего позднему Фасису¹, путем археологических исследований и геологического бурения не дало должных результатов. Дальнейшие археологические исследования и геоморфологические наблюдения привели нас вслед за рядом специалистов к заключению, что в древности берег Черного моря у устья р. Риони находился несколько восточнее современного. Поэтому и г. Фасис, который, по сведениям античных источников, был расположен у устья р. Фасис, на левом его берегу, следовало искать восточнее Поты². С этой целью начались археологические исследования восточных окрестностей г. Поты. На левом берегу р. Риони, на окраине с. Сакорхо в местечке Симагре, в 15 км от современного устья реки (а по прямой линии и того меньше) был обнаружен соименный местечку холм. Археологические исследования на холме Симагре велись в 1961—1965 гг., а затем возобновились в 1971 г. и ведутся до настоящего времени (рис. 1).

Холм Симагре представляет собой искусственную насыпь полусферической формы площадью в 3224 кв. м, максимальная высота которого от современной поверхности земли равна 1,24 м, а от уровня воды — 4,65 м. Насыпь, как выясняется, соорудили в XII—XIII вв. н. э. из земли, принесенной, по-видимому, с близлежащего поселения VI—V вв. до н. э. Глинистая насыпь холма содержала в перемешанном виде множество керамического материала как местного, так и импортного происхождения. Примечательно, что в насыпи была найдена более древняя керамика (например, древнейшие фрагменты хисских амфор), нежели в зафиксированном непосредственно под насыпью 1 культурном слое³.

Таким образом, холм Симагре был воздвигнут с целью осушения оказавшегося под ним заболоченного древнего поселения. На этом поселении было зафиксировано три культурных напластования с остатками деревянных построек и многочисленной домашней утвари. В настоящее время

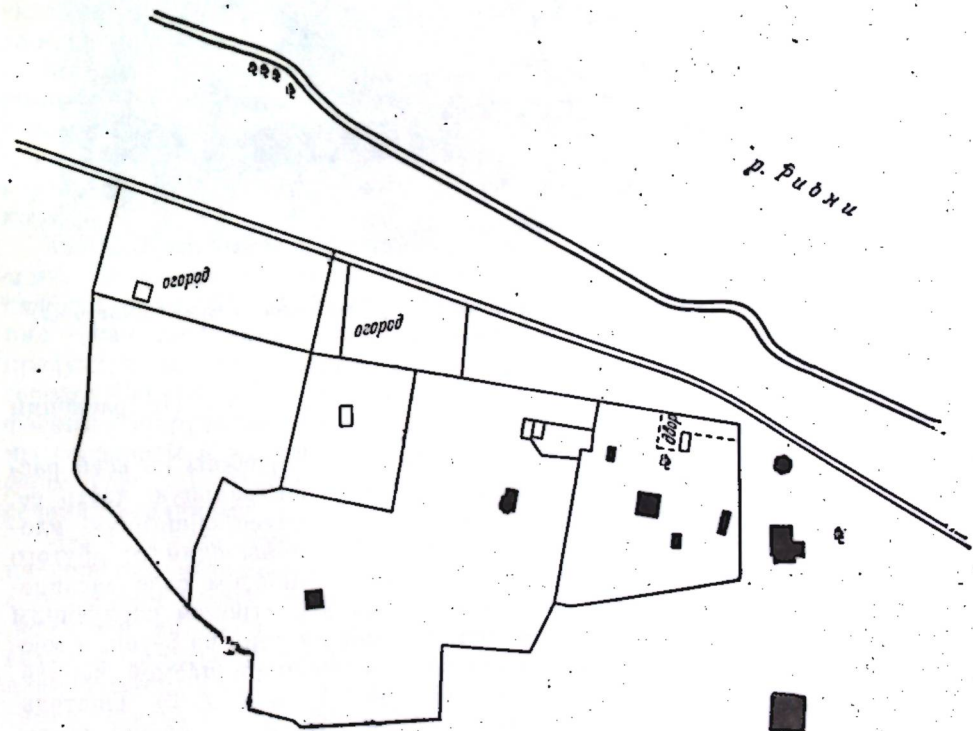

Рис. 1. План раскопок левобережной террасы р. Риони

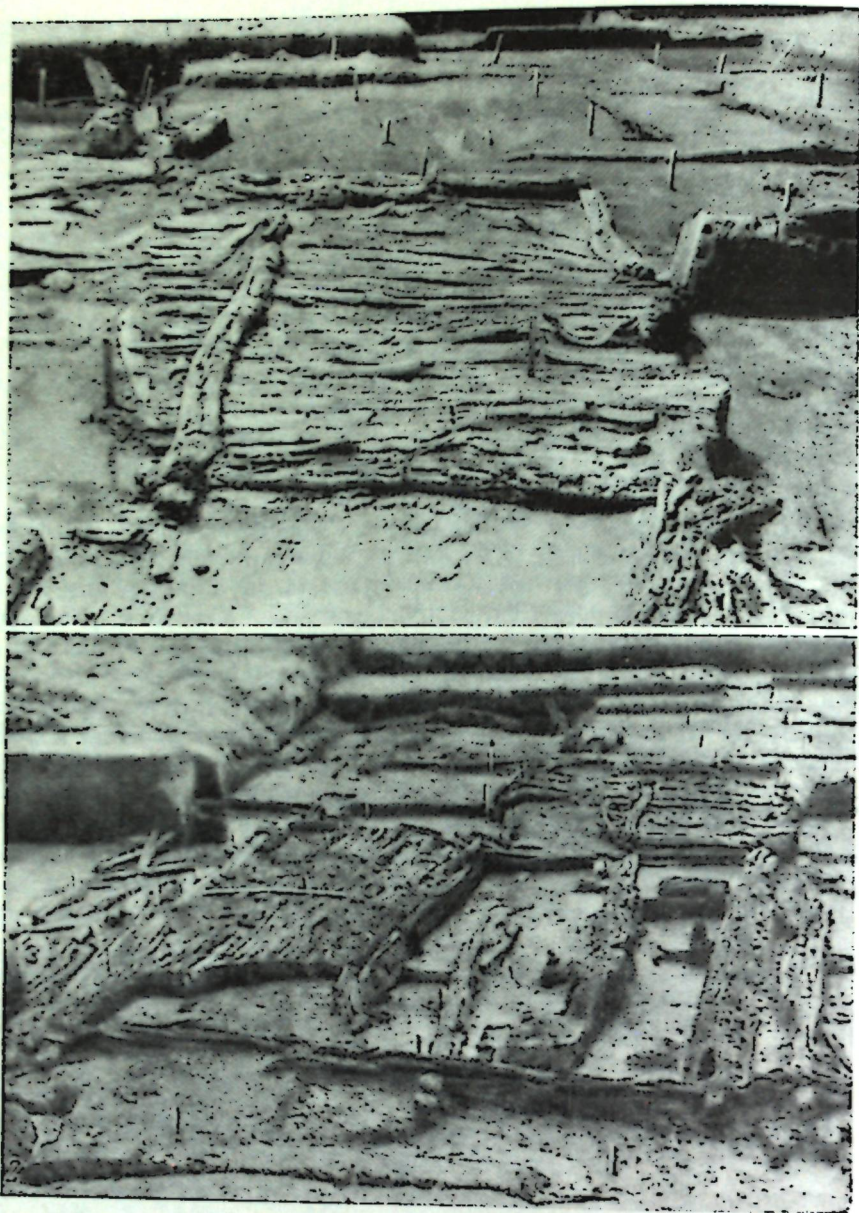

Рис. 2. Деревянный настил пола (1) и помещение 2 из второго слоя Симагре (2)

поселение раскрыто почти по всей площади холма, хотя его раскопки еще не завершены.

Лишь первый и второй культурные слои зафиксированы на всей раскопанной площади, третий же занимает только центральную часть ее. По-видимому, последующие поселения занимали более обширную площадь, чем первое, древнейшее. Все три слоя отделены один от другого почти стерильными глинистыми прослойками. В каждом слое засвидетельствованы остатки деревянных домов. Дома эти строили следующим образом: на сероватую суглинистую почву клали плетень из веток, а местами настил из досок, который покрывали водонепроницаемой черной, с органическими примесями, земляной обмазкой (рис. 2, 1, 2). Тщательно утрамбовав полученную площадку, на ней воздвигали срубы домов. Площадки служили одновременно полами в домах.

Планы этих домов не всегда могут быть выяснены из-за полного их разрушения или, по-видимому, последующего использования срубов для постройки более поздних домов. Однако за последние годы в северо-западной части раскопа расчищены лежавшие друг на друге остатки трех зданий, планы которых более или менее различимы. Дома эти четырехугольные, по углам имели специальные бревенчатые узлы, которые служили им основанием, несли на себе тяжесть сооружения и препятствовали оседанию дома. Строительство подобных домов в Колхиде имело, по-видимому, многовековую традицию. Один из домов (№ 2) из второго слоя поселения, общей площадью до 100 кв. м, состоял из трех помещений: центральной квадратной формы комнаты и продолговатого строения в западной части дома, перегороденного на две части (рис. 2, 2). Функциональное назначение каждого из этих помещений не совсем ясно. Судя по материалу, обнаруженному внутри здания, мы имеем дело с жилыми помещениями. Не исключено, что самая маленькая, юго-западная комната служила для совершения каких-то культовых действий, о чем, быть может, свидетельствуют найденные здесь вырезанные из цельного дерева колоды.

Подобные дома существовали в разных уголках низменной Колхиды непрерывно, начиная с самого начала II тысячелетия до н. э. Факт сам по себе примечательный, указывающий не только на преемственность строительной традиции и бытовых особенностей в течение многих столетий вплоть до настоящего времени, но и на наличие однородной этнокультурной среды. В этом отношении привлекают внимание и другие, чисто этнографического характера детали: бытование виночерпалок из специально для этого выращиваемой тыквы, точно таких, какие применяются в Западной Грузии и поныне; плетеных из веток корзин; плетеных заборов (рис. 3; 1, 2), огораживавших отдельные части двора и весь двор усадьбы, и т. д.

Все три культурных слоя, в которых были зафиксированы описанные выше остатки сооружений, по содержащемуся в них материалу относятся к одной эпохе, отражают разные этапы жизни поселения и укладываются в промежутке времени от середины VI до середины V в. до н. э.

Материал представлен в основном деревянными изделиями (мешалками для гоми, ложками разных размеров, гребешками (рис. 4 и т. д.), керамикой, отдельными металлическими предметами и украшениями. Среди них и по количеству, и по разнообразию ведущее место занимает керамика; ее можно разделить на две большие группы: местную и импортную.

Местная керамика представлена в первую очередь колхидскими пифосами. По форме и декоративной обработке выделяются три типа этих пифосов (рис. 5). Пифосы помимо непосредственного своего назначения — как хранилища — использовались и в качестве тары при перевозке продуктов, на что указывает их неоднократное обнаружение в античных городах Северного Причерноморья⁴. На поселении Симагре наряду с пифосами обнаружены также и другие местные сосуды: небольшие кувшины со сливом и изящные кубки, отличающиеся большим многообразием форм (рис. 6), блюда разного размера с массивными треугольными в сечении венчиками.

Эта керамика, называемая нами среднеколхидской и являющаяся специфическим материалом VI—IV вв. до н. э., появление которой связано с развитием новых отраслей хозяйства, а именно культурного виноградарства и виноделия⁵, хорошо представлена и стратифицирована на поселении Симагре. Хронологическому определению этой посуды способствуют более или менее хорошо датированная греческая импортная керамика, самая богатая коллекция которой среди колхидских находок обнаружена именно здесь.

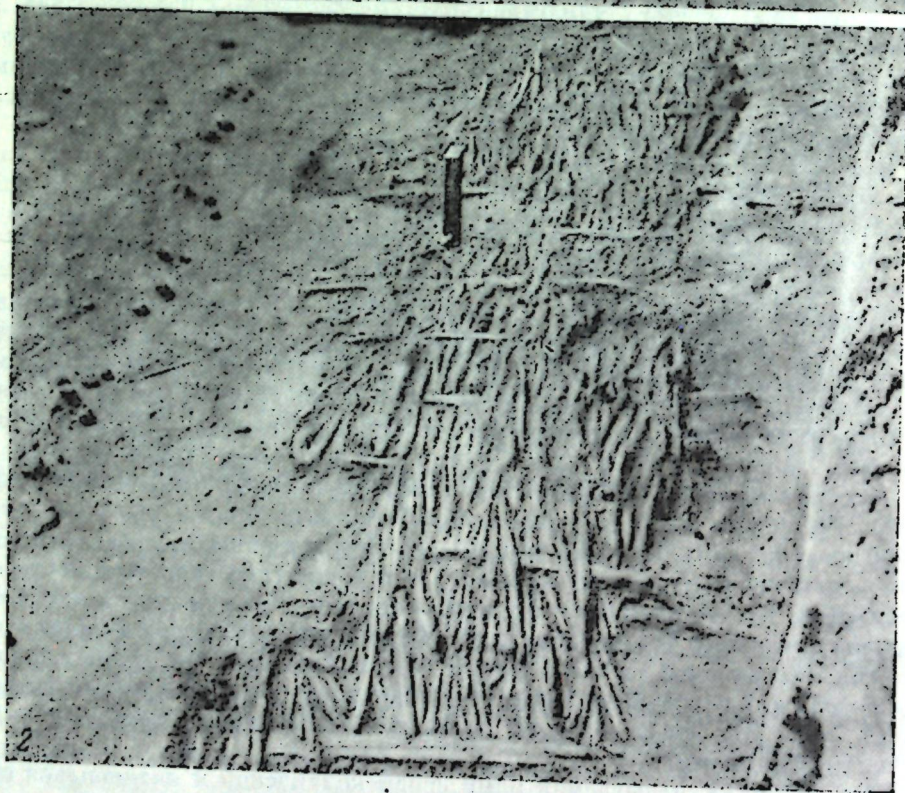

Рис. 3. Плетеная корзинка (1) и забор из второго слоя Спмагре (2)

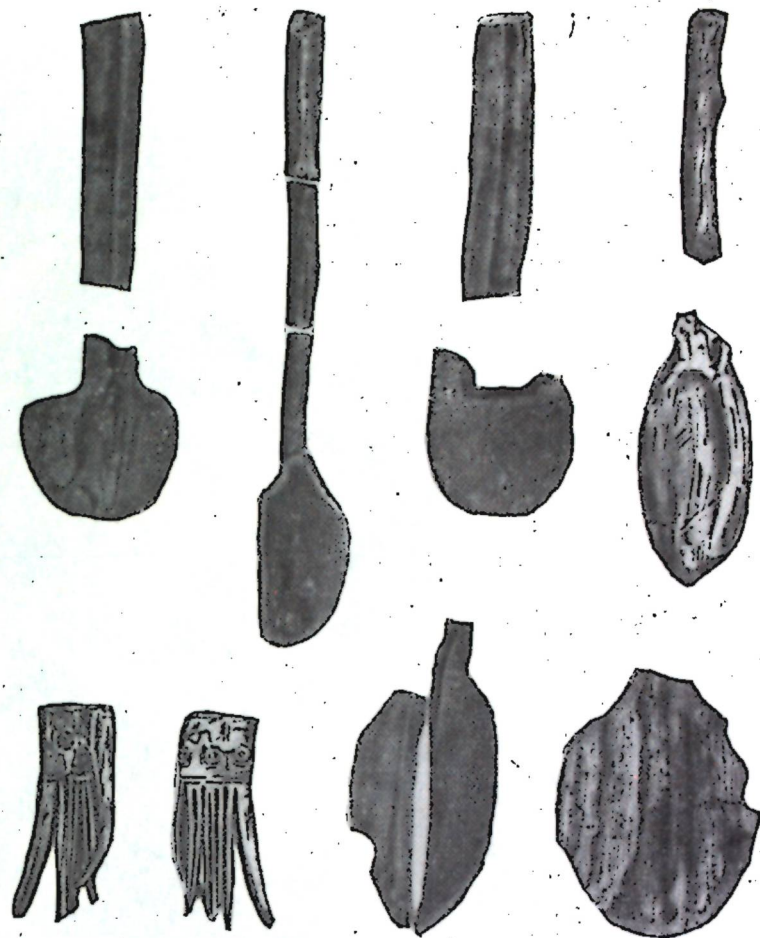

Рис. 4. Деревянные предметы

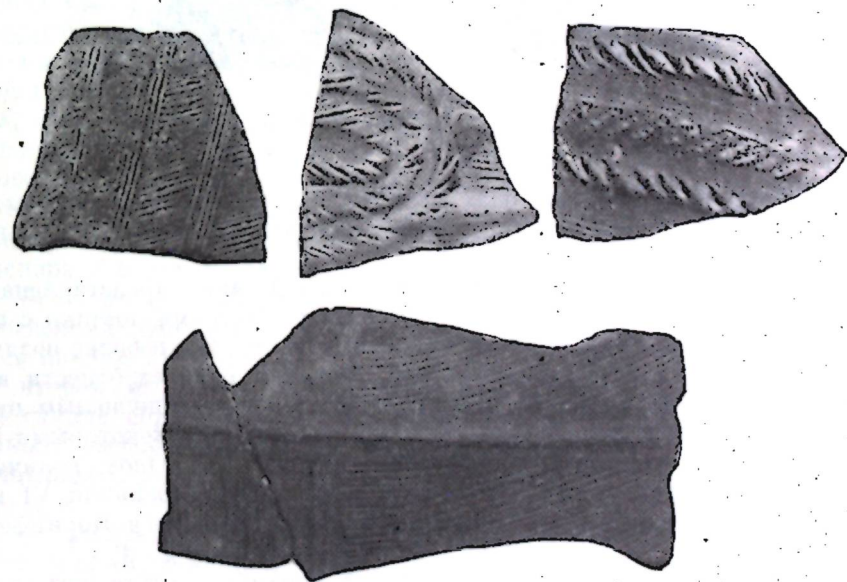

Рис. 5. Фрагменты колхских пифосов из Спмагре

Рис. 6. Колхские кубки из Симагре

На поселении Симагре засвидетельствованы две большие группы греческой привозной керамики: так называемая родосско-понийская и аттичская.

Родосско-понийская и простая понийская керамика представлена как наиболее древними экземплярами (килики с розетками, килики с полихромными и пурпурными поясами на темном фоне), так и более поздними сосудами. К древней группе понийской керамики следует отнести и коричневоглиняные светильники с выступающим посередине полым патроном и загнутыми внутрь боками. Хотя эти светильники некоторыми авторами признаются типично коринфскими, так как в большом количестве были обнаружены именно в Коринфе и датированы серединой VI в. до н. э.⁶, но более вероятным следует считать мнение, что в Коринфе эти светильники были импортными и известны уже к 600 г. до н. э.⁷

Вторую группу греческой архаической керамики составляют аттичские чернофигурные сосуды. Эта группа представлена в основном киликами мелкофигурного стиля (рис. 7). Такие килики датируются третьей четвертью VI в. до н. э.⁸ Следует отметить, что они зафиксированы

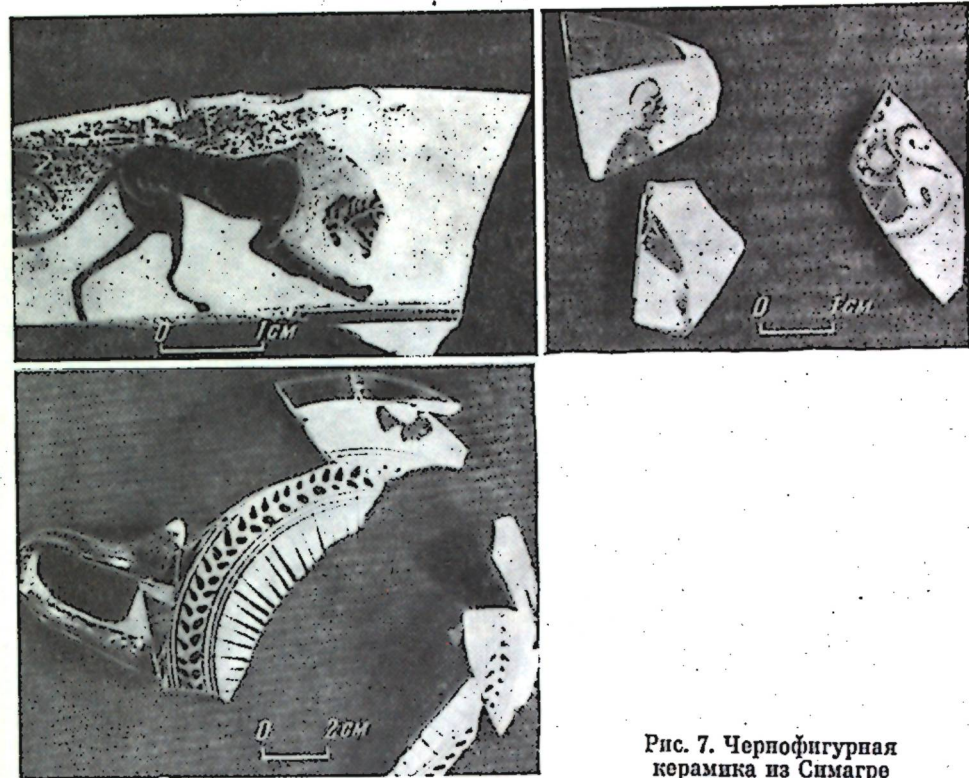

Рис. 7. Чернофигурная керамика из Симагре

во втором слое поселения вместе с родосско-понийскими чашами с розетками. Последние, как известно, на основании ряда данных относятся к первой половине VI в. до н. э., а то и к более раннему периоду⁹. Количественное соотношение родосско-понийских чаш и чернофигурных киликов явно говорит в пользу последних. Подобная картина наблюдается в Ольвии, где «основной керамический материал относится ко времени после середины VI в.»¹⁰

Среди импортного материала, обнаруженного на поселении Симагре, особое место занимает керамическая тара. Она представлена несколькими группами амфор. Наиболее древними из них являются хиосские амфоры первой половины VI в. до н. э. Большая часть этих амфор, как указывалось, была найдена в насыпи холма, а несколько доньев — во втором слое поселения. В этом же слое были найдены и обломки архаической толстостенной амфоры с красными полосами, с высоким горлышком и массивным валикообразным венчиком. Эта амфора напоминает амфоры, распространенные по всему побережью Черного моря от Истрии до Боспора и обнаруживаемые всегда вместе с материалом первой половины VI в. до н. э. Подобная амфора в Пантикапее была найдена в хозяйственной яме дома эмпории вместе с родосской ойнохоей конца VII или начала VI в. до н. э.¹¹

Во втором и первом слоях поселения Симагре засвидетельствована также группа сероглиняных лессоских амфор и красно-бурых и сероглиняных амфор лессоского круга, окрашенных черной краской, встречающихся в городах Северного Причерноморья в слоях VI — начала V в. до н. э.¹²

Особо следует остановиться на светлоглиняной амфоре с массивным валикообразным венчиком, цилиндрическим горлышком, овальными в сечении ручками, широким округлым корпусом и низкой массивной кольцеобразной с гранением ножкой (рис. 8). Эти амфоры напоминают протофасосские амфоры, которые обычно встречаются в комплексах конца

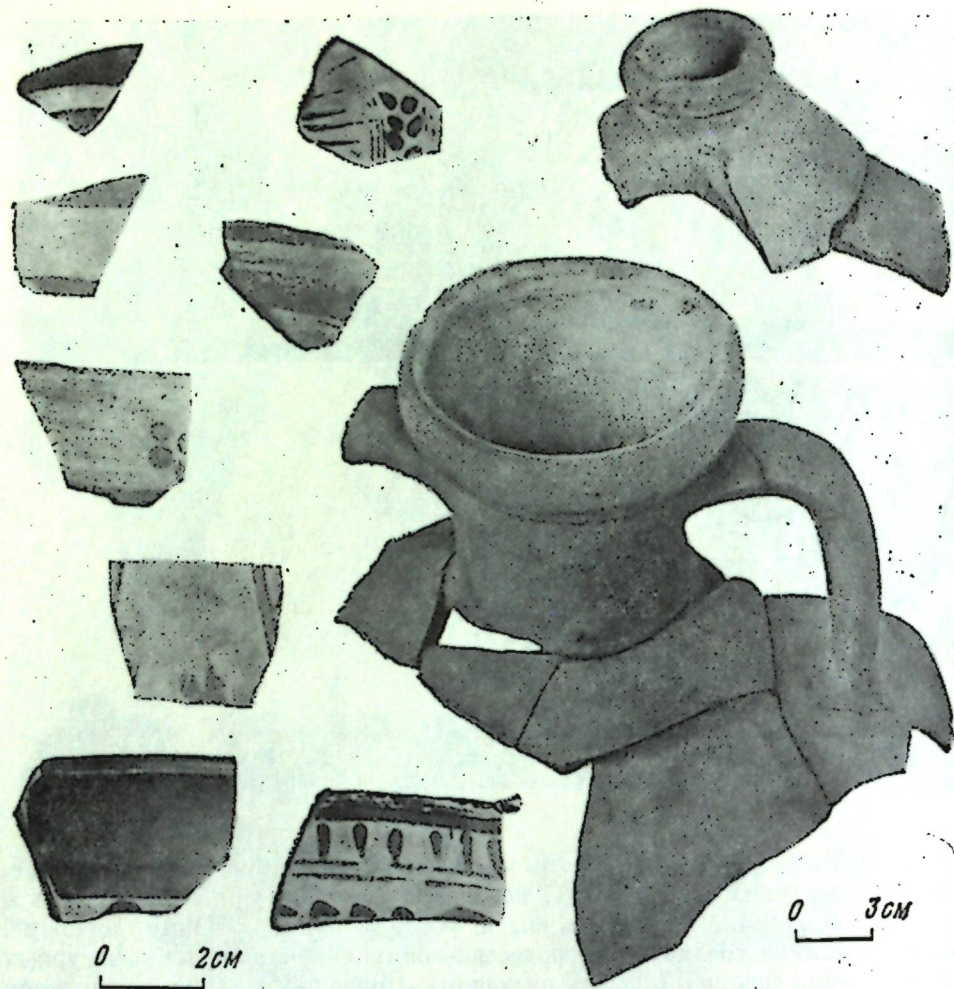

Рис. 8. Импортная керамика из Симагре.

VI и начала V в. до н. э. Однако прямой аналогией нашей амфоре считают амфору, обнаруженную в 1909 г. в Ольвии в погребении 38 с материалом второй половины VI в. до н. э.¹³

Описанная выше греческая архаическая керамика в основном обнаружена во втором слое и в сравнительно малом количестве — в третьем. В первом же слое архаической родосско-ионийской керамики уже не было, и весь импортный материал здесь состоял из обломков аттических чернолаковых сосудов и отдельных фрагментов поздней ионийской простой керамики. Из тары, кроме упомянутых выше амфор протофасосского типа, лесбосских и лесбосского круга, следует отметить фрагменты амфор со стаканообразными доньями.

Исходя из этих данных следует отнести древнее поселение Симагре к VI—V вв. до н. э. Оно возникло, по-видимому, к концу первой половины VI в. (третий слой), неоднократно реконструировалось и расширялось в третьей четверти VI в. (второй слой, самый поздний материал которого составляют чернофигурные килики и отдельные фрагменты упомянутых выше амфор) и продолжало существовать в первой половине V в. до н. э. (первый слой). Поселение возникло, видимо, как пригородная усадьба и несмотря на то, что впоследствии расширилось вдвое, а может быть, и больше, оставалось поселением усадебного типа. На это указывает сравнительно малая площадь, занимаемая им, и то, что нигде поблизости подобного синхронного памятника пока не удалось найти. О том, что оно было пригородным, говорит не только его близость к

предполагаемому местонахождению Фасиса, но и урбанизированный характер быта его жителей. Несмотря на чисто колхидские бытовые особенности поселения, о части которых говорилось выше, на поселении Симагре мы встречаем тонкую и дорогую греческую посуду, употребляемую обычно состоятельными жителями городских центров и в эллинизированных кругах. Об эллинизации жителей поселения Симагре не может быть речи, против этого говорит весь характер памятника, все его содержание, в том числе и соотношение количества предметов местного и греческого происхождения. О состоятельности же людей, живших в поселении, говорят отдельные, правда немногочисленные, украшения, часть которых была также привозная, а в особенности золотая подвеска, найденная в минувшем году во втором слое.

Подвеска эта изготовлена из двух спаянных между собой треугольных золотых пластин, два нижних конца украшены выполненными зернью головками быков. Такими же изображениями бычьих голов, тоже выполненными зернью, покрыта вся площадь одной поверхности подвески, обрамленной каймой из зерни. Другая поверхность подвески также сплошь украшена зернью, передающей меандровый орнамент (рис. 9). Подвеска является одним из древнейших золотых изделий из Колхиды, отражающих высокую технику колхидского ювелирного искусства. Эта техника находит свое дальнейшее развитие в золотых вещах из Вани, Носири, Тагилони, Урки, Гонцо и других центров исторической Колхиды. Очень важно, что подвеска найдена в слое, относительно хорошо датированном третьей четвертью VI в. до н. э. Однако эта подвеска отражает не только высокий уровень колхидского златокузнечества в VI в. до н. э., но и вкусы и социальную принадлежность людей, живших в поселении Симагре.

В середине V в. до н. э. поселение Симагре прекращает существование. В непосредственной близости от него появляется новое довольно обширное поселение, расположенное, по-видимому, на обоих берегах Фасиса (Риони). На левой террасе Риони раскопаны остатки девяти домов (рис. 1), погибших, по всей вероятности, одновременно от пожара. На правом берегу реки, напротив этих домов, в центре с. Чаландиди, был зафиксирован культурный слой с остатками глиняной обмазки таких же домов и с фрагментами инвентаря V—IV вв. до н. э.

Исследования показали, что дома этого поселения были также деревянными, только они строились, по-видимому, не из бревен, а из досок, которые с обеих сторон покрывались глиняной обмазкой; вследствие пожара фрагменты глиняной обмазки оказались хорошо обожжены. Дома эти, подобно срубным домам раннего поселения, четырехугольные и довольно обширные (6×12 м). Восстановление более детальной планировки строений, их характера и особенностей пока не удастся, так как все дома, которые до сих пор раскопаны, сгорели дотла. Лишь в отдельных случаях удалось зафиксировать самые нижние обугленные доски стен, иной раз углы, по которым приблизительно восстанавливается общая планировка строения и его площадь. Все дома почти точно ориентированы по странам света, в отдельных случаях с отклонением примерно на 20°, в зависимости от их расположения по отношению к берегу р. Риони.

При раскопках этих домов было найдено много керамического материала как местного, так и импортного происхождения. Местный материал представлен среднеколхидской керамикой, бывшей в употреблении в VI—IV вв. до н. э. Несколько уточняет дату поселения импортная посуда (амфоры со стаканообразными доньями, амфоры фасосского круга V—IV вв. с массивной ножкой, напоминающие протофасосские амфоры, аттические чернолаковые скифосы, лекифы и т. д.), которая датируется V и началом IV в. до н. э.

Таким образом, судя по найденному здесь материалу, и это поселение теснейшим образом было связано с г. Фасисом. В быту, во вкусах, в по-

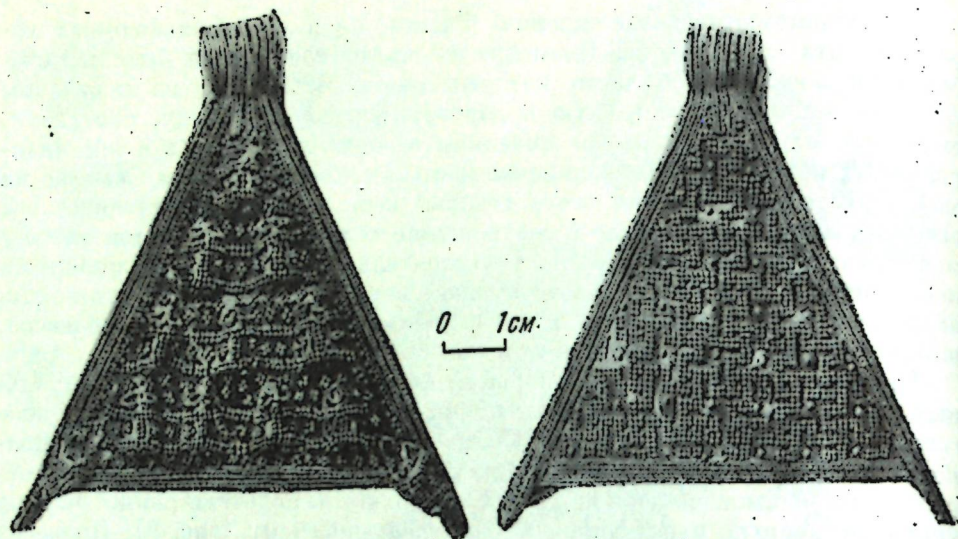

Рис. 9. Золотая подвеска из второго слоя Симагре

требностях жителей поселения и их предшественников в Симагре чувствуются определенные урбанистические влияния. Во всяком случае, импортный материал этих поселений, вполне заслуживающий специального изучения, в какой-то мере отражает характер жизни Фасиса, сферу и особенности его внешних торговых отношений.

Описанные поселения, являвшиеся пригородами Фасиса, особенности их быта, жилья, инвентаря, соотношения местной и импортной продукции и т. д. создают определенное представление и об общем характере города, о его возможной структурной типологии. В настоящее время, когда еще не найден древний Фасис, исследование городской хоры, ее сопоставление с известными хорами греческих полисов — единственный правильный путь для раскрытия типологической сущности Фасиса, и в этом отношении значение рассмотренных поселений трудно переоценить. Характер этих поселений уже теперь подтверждает выдвинутое недавно предположение, что в пределах предполагаемой хоры Фасиса не будут наблюдаться те предпосылки (наличие греческих поселений, сильной эллинизации местного населения, греческих изделий, изготовленных в Фасисе, и т. д.), на основании которых возникают и существуют греческие полисы, и что археологические данные (топография поселений, типология жилищ, материальная культура) в окрестностях исторического Фасиса будут полностью повторять картину, археологически многократно засвидетельствованную во внутренних районах Колхиды¹⁴.

В то же время следует учесть и то, что результаты изучения рассмотренных выше памятников дают довольно надежные сведения о древней топографии берегов Фасиса в районе устья и об уровне дневной поверхности засвидетельствованных здесь поселений VI—V вв. до н. э. Эти данные в условиях радикальных морфологических изменений, имевших место в районе устья р. Риони, могут помочь в определении степени опускания того возможного уровня земной поверхности, на котором протекала жизнь Фасиса.

¹ О соответствии форм названий Фасис и Потис см.: *Джанашиа С. И.* Фасис.— Труды, II. Тбилиси, 1952, с. 271—281 (на груз. яз.); *Меликишвили Г. А.* К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965, с. 60—61 (на груз. яз.).

² Об этом подробнее см.: *Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К.* Проблема историко-археологического изучения Фасиса. Научная сессия, посвященная проблеме локализации г. Фасиса, доклады. Тбилиси, 1973, с. 17—36 (на груз. яз.).

³ На поселении Симагре счет культурных слоев ведется сверху вниз.

- ⁴ См.: *Скуднова В. М.* Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее.— ВДИ, 1952, № 2, с. 238 и сл. В некоторых отчетах фрагменты колхидских пифосов называются колхидскими блюдами: *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.— МИА, 1962, № 103, с. 12, рис. 5; *Зеест И. Б., Марченко И. Д.* Типы толстостенной керамики из Пантикапея.— Там же, с. 154—155.
- ⁵ *Микеладзе Т. К.* Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974, с. 61, 62 и сл. (на груз. яз. с русск. и англ. резюме).
- ⁶ *Roebuck M. C.* Excavation at Corinth 1954.— «Hesperia», 1955, v. XXIV, N 2, p. 152, tab. 60, fig. 17—20.
- ⁷ *Weinberg S. S.* A Cross-section of Corinthian Antiquities (Excavations of 1940).— «Hesperia», 1948, v. XVII, N 3, p. 228—229, tab. LXXXIV, D—81.
- ⁸ *Шмидт Р. В.* Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тирпак.— МИА, 1952, № 25, с. 246.
- ⁹ Там же, с. 231—232.
- ¹⁰ Там же, с. 232; ср.: *Левин Е. И.* Ольвийская агора.— МИА, 1956, № 50, с. 51; она же. Материалы ольвийского теменоса. Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, с. 134—166.
- ¹¹ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора (МИА, № 83). М., 1960, с. 69 и сл., табл. I, л.; *Блаватский В. Д.* Указ. соч., с. 8—10, рис. 4.
- ¹² *Зеест И. Б.* Указ. соч., с. 72—74.
- ¹³ *Лордкипанидзе О. Д.* Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, с. 75—78 (на груз. яз.).
- ¹⁴ *Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К.* Указ. соч., с. 36.

Г. К. ШАМБА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАБОТ НА ЭШЕРСКОМ ГОРОДИЩЕ

Эшерское городище расположено в 10 км к юго-западу от современного центра г. Сухуми. Памятник впервые зафиксирован более 40 лет тому назад¹, но настоящих раскопочных работ на нем никогда не производилось.

В конце 1967 г. по инициативе М. М. Трапша были начаты разведочные работы на городище, превращенные впоследствии в стационарные раскопки с участием Г. К. Шамба (руководитель), М. М. Гунба, И. И. Цвинария².

Городище площадью 4 га занимает один из прибрежных холмов в с. Нижняя Эшера Сухумского р-на на расстоянии более 1 км от берега моря и на 113 м выше его уровня. Западная сторона холма почти неприступна; с северо-востока городище было хорошо защищено большим оврагом. Наиболее уязвимыми местами являлись южный и северный склоны холма. У подножья холма и сейчас бьют два родника.

В результате проделанной работы удалось зафиксировать три культурных слоя, которым соответствуют ранняя античность, ранний и поздний эллинизм до рубежа пашей эры. Такую стратиграфию удастся проследить на северном участке городища. Максимальная глубина залегания от нулевой поверхности самого раннего культурного слоя III — 2,30 м, наибольшая его мощность — 0,4—0,45 м, наименьшая — 0,05—0,1 м. С этим слоем связано скопление булыжников, по всей вероятности остатков каких-то жилищ. Находки, сделанные в слое, многочисленны и разнообразны.

Каменные орудия (более 15) представлены скребками, нуклеидными орудиями, скобелями, резцами, отщепами и т. д.; изделия из кости — иглой, наконечником дротика, а также антропоморфной фигуркой, изображающей, по всей вероятности, какое-то местное божество.

Керамику можно разделить на две группы: привозную и местную, по форме и орнаменту продолжающую традиции местной керамики пред-

античной и раннеантичной эпох (Сухумская гора, Красный Маяк). Среди находок имеются обломки пифосов из серой глины с включением крупного песка, иногда мелкого гравия, горшков, кувшинов, мисок, кружек. Есть также черепок с отпечатками ткани.

Выявлено свыше 60 фрагментов импортной керамики. К столовой керамике относится группа родосско-ионийских сосудов, украшенных розетками, вертикальными «гвоздевидными» черточками (рис. 1, 1), покрытых с внутренней стороны черным и сероватым лаком, относящаяся к концу VII или, во всяком случае, к первой половине VI в. до н. э., а также значительное количество простой полосатой ионийской керамики того же времени. Среди обломков архаической посуды имеется несколько фрагментов чаш, расписанных пурпурной краской с изображением животных (рис. 1, 8). Наряду с ионийской керамикой встречаются аттические черепки, чернофигурные, с изображением людей и животных, хорошо датируемые VI в. до н. э. (рис. 1, 4, 5, 11).

Среди импортной керамики имеются также фрагменты пяти амфор со следами красно-коричневой краски, относящихся к кругу ионийских амфор первой половины VI в. до н. э.⁶ Есть еще несколько обломков амфор с широкими поясами первой половины VI в. до н. э.⁷ Таким образом, импортная керамика III слоя, главный датирующий материал, принадлежит в основном VI в. до н. э.

Из бронзовых изделий найдены массивная бляшка колхидско-кобанского типа с петелькой и изображениями змей, фибула с врезными кружочками, булава с антенновидным навершием с бараньими головками, характерные для памятников Абхазии VIII—VI вв. до н. э.⁸

Эллинистические слои городища особенно насыщены археологическими материалами. Это черепицы из местной коричневой глины, иногда явно бракованные, мукомольные жернова, многочисленные фрагменты местных и привозных амфор (Кос, Синопа и т. д.), кухонной и столовой посуды, украшения (бусы, браслеты, перстни-печати), наконечники копий, стрелы, топоры-секиры, кинжалы, монеты и т. д. (рис. 2). В эллинистическом слое дважды были зафиксированы остатки водопроводов.

О непрерывности жизни в поселении от ранней античности до эллинизма говорят фрагменты краснофигурных сосудов (килик середины V в. до н. э. с изображением обнаженного мужчины — рис. 1, 10), чернолаковых скифосов, обломки бронзовых шлемов и т. д.

О наличии на этом месте многочисленных зданий свидетельствуют остатки фундаментов из булыжника (нижний ряд) и необработанного известняка (верхний ряд). Сохранились и рустованные квадраты. Рядом с остатками одного из помещений было найдено несколько обломков синопской черепицы, на одном из которых имелось клеймо с именем астинома Аристубула (325—275 гг. до н. э.). О внутреннем убранстве и отделке помещений говорят встречающиеся куски штукатурки с полихромной раскраской. Выявлены три погребения III—II вв. до н. э. В двух из них найдены синопские серебряные монеты.

Рядом с городищем, в 100—120 м к северо-востоку от него, существовал могильник, ныне совершенно разрушенный, где удалось раскопать два рядом расположенных погребения — труположение и трупосожжение. По способу захоронения (подсыпка мелкого гравия, ориентация головой на запад) и датирующему инвентарю (аттические чернолаковые сосуды: килик, чаша и т. д.) погребение с труположением следует отнести к середине IV в. до н. э.⁹, а по целому ряду предметов местной продукции (бронзовый предмет со скульптурными фигурками, глиняная посуда, вооружение, характерные для территории Взыбской Абхазии) можно считать, что погребение это принадлежало представителю местной древнеабхазской знати.¹⁰

В процессе раскопок была выявлена оборонительная стена на Эшерском городище. Ширина ее 2 м. Внизу она построена из булыжника, уло-

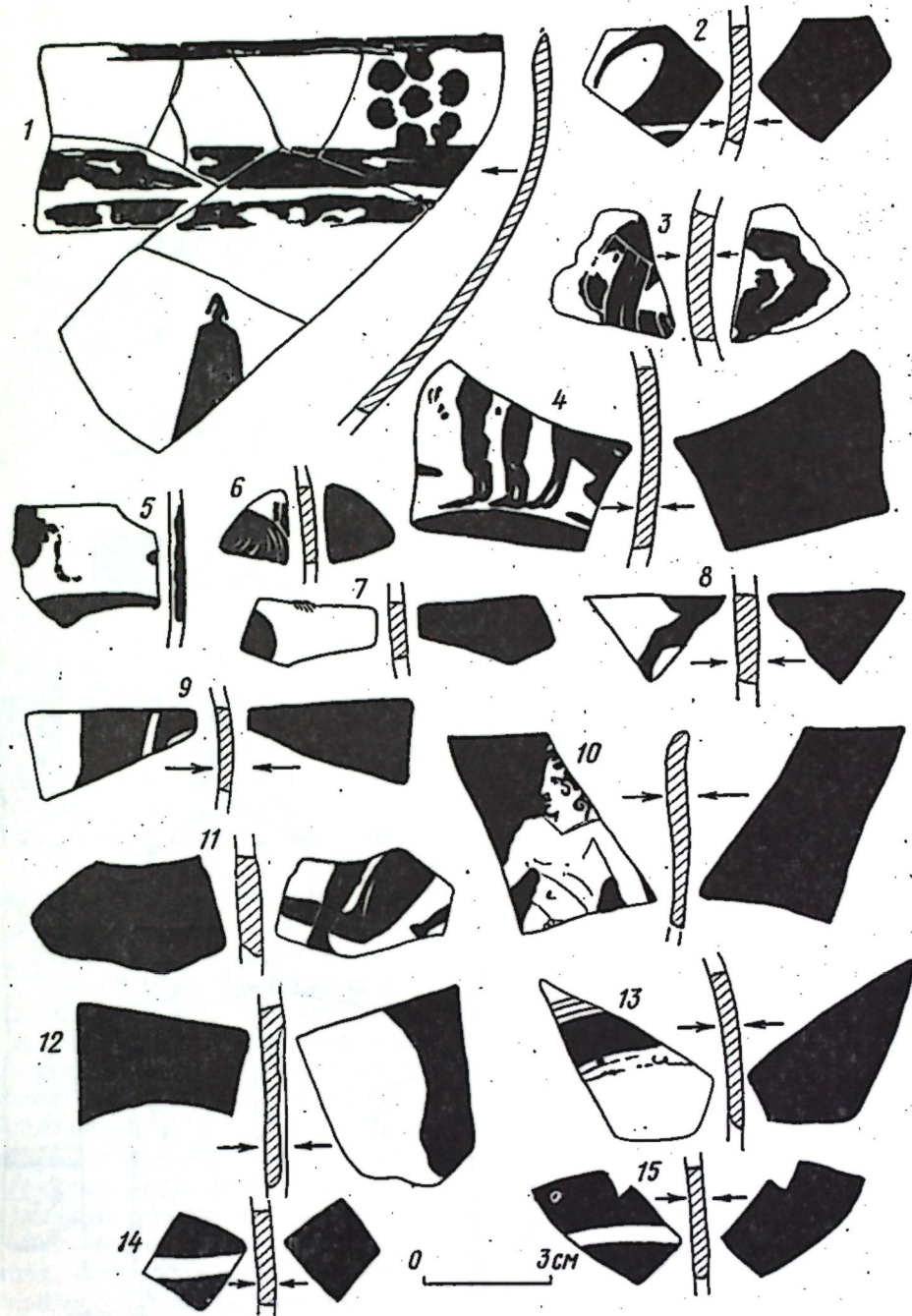

Рис. 1. Импортная керамика из III слоя (1—15)

женного в один или два ряда, а выше — из известняковых плит, сложенных насухо или на глинистом растворе. Вскрыты две башни четырехугольной формы — восточная и северная. Южная часть городища, которая считалась наиболее уязвимой, защищалась дополнительно рвом шириной в 5 м и глубиной до 2 м. Ров прослеживается на протяжении около 60 м. Установлено, что крепостная стена была построена поспешно: для сооружения употребляли все, что попадалось под руки строителям. В помещении 9 времени постройки оборонительной стены найдены фрагменты малоазийских мисок позднеэллинистической эпохи, медная монета

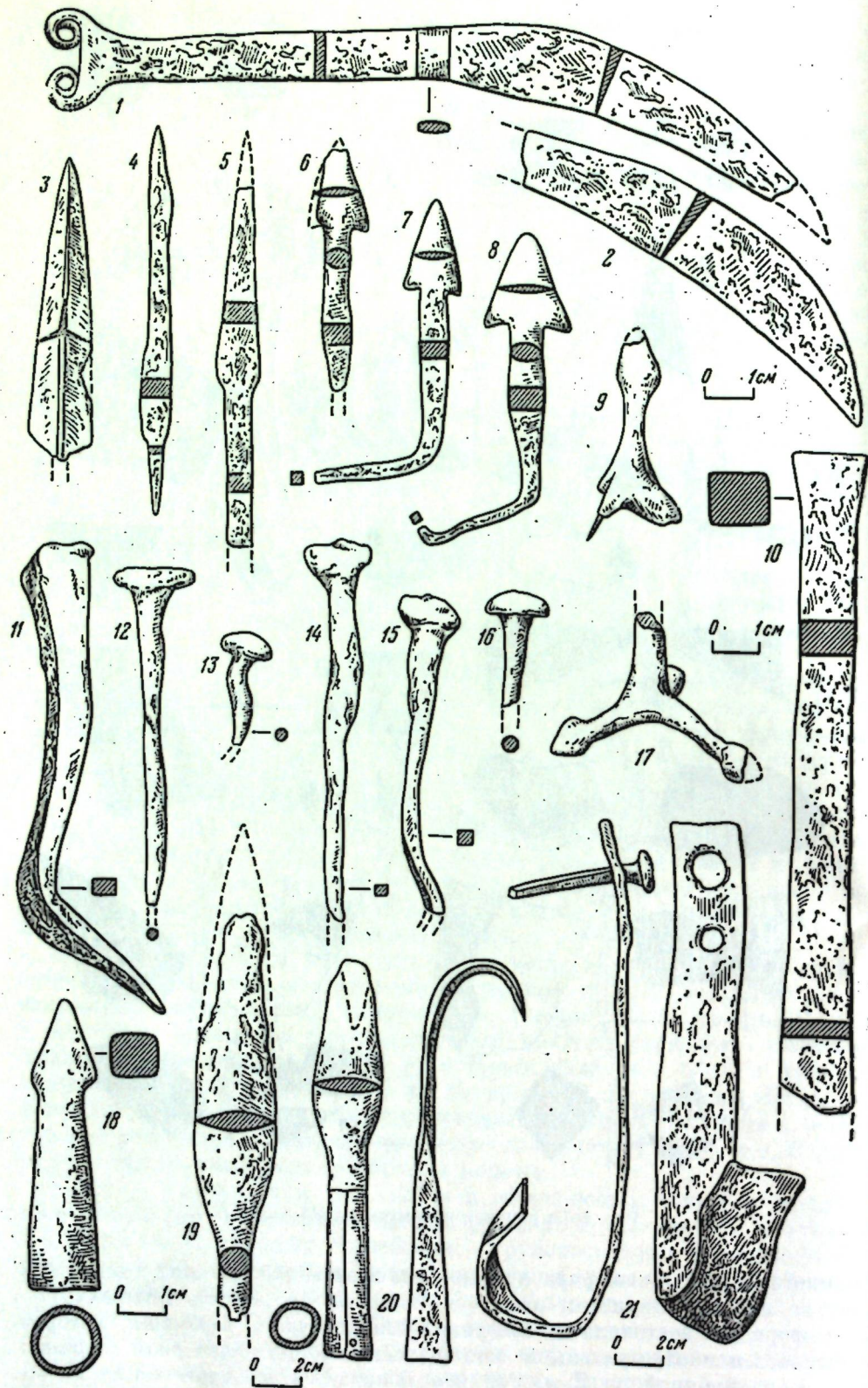

Рис. 2. Железные изделия из II слоя

1, 2 — ножи; 3—9, 17 — наконечники стрел; 10 — столярный инструмент; 11—16 — гвозди; 18—20 — наконечники копий; 21 — накладна

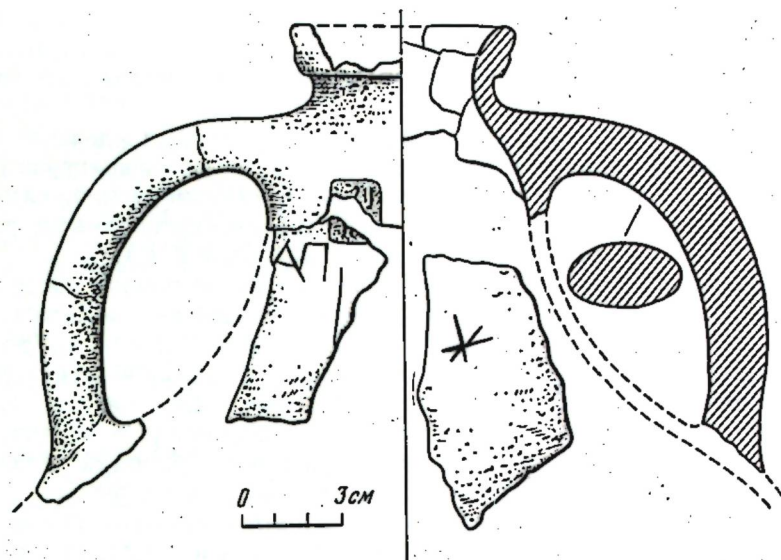

Рис. 4. Амфора из помещения 9

г. Амиса (105—90 гг. до н. э.) и остатки четырех амфор коричневой глины. Горлышко одной из таких амфор с горизонтальным ребром под венчиком снабжено клеймом с рельефными буквами, а на ее плечиках процарапаны буквы ΑΠ, (рис. 4). Весь комплекс инвентаря позволяет считать, что помещение 9 сооружено не позднее начала I в. до н. э. Поскольку оно построено вперилет со стеной, видимо, тем же временем следует датировать и оборонительную стену. Этой дате не противоречат и массовые находки в верхнем культурном слое рельефных позднеэллинистических изделий типа мегарских чаш, понтийских монет и т. д.

По нашим наблюдениям стена была разрушена в результате сильного пожара, следы которого зафиксированы почти на всех ее участках¹¹.

Таковы вкратце результаты археологических раскопок на Эшерском городище. Прежде чем перейти к выводам, следует вспомнить, что район, где расположен интересующий нас памятник, давно известен по находкам остатков археологических культур эпохи бронзы и раннего железа (дольмены¹², кромлехи¹³, кувшинные захоронения — оссуарии, грунтовые могильники и т. д.¹⁴), отражающим различные этапы развития материнской культуры местных племен. Как отмечено выше, и на Эшерском городище встречаются предметы, характерные для местной культуры: каменные орудия, массивная бляшка колхидско-кобанской культуры, булавки, многочисленные глиняные изделия предантичной и раннеантичной эпох. Они опровергают мнение о том, что здесь «не прослежено характерных остатков местной культуры догреческого периода»¹⁵.

Выясняется, что на месте туземного поселения к началу VI в. до н. э. возник греческий эмпорий, хорошо документируемый привозной посудой родосско-понтийского круга; чуть позже сюда начинает поступать и аттическая керамика. Это наблюдение позволяет отодвинуть вглубь почти на столетие начало истории греко-колхских регулярных взаимоотношений. Тем самым опровергается тезис о запоздалом характере первоначального возникновения античных поселений на абхазском побережье вообще и на Эшерском городище в частности¹⁶.

Что касается основной деятельности первых греческих переселенцев в Эшерском поселении, то о ней трудно пока судить из-за недостаточности имеющихся материалов, но нужно полагать, что торговля с местным населением была едва ли не главным их занятием. Вместе с тем преобладание негреческих вещей среди находок из III слоя оставляет

впечатление, что уже с самого возникновения эмпория в его жизни активную роль играли местные племена. Иначе трудно объяснить факт существования почти у стен городища захоронения представителя местной племенной знати.

О последующей жизни на городище говорят многочисленные находки, надежно датированные импортными изделиями (краснофигурная керамика беглого стиля, чернолаковые сосуды V—IV вв. до н. э., синопские серебряные монеты IV—III вв. до н. э., малоазийская керамика, рельефные сосуды типа мегарских чаш III—II вв. до н. э. и т. д.).

И в это время продолжали возводить прочные каменные постройки и покрывали их иногда привозной черепицей (Синопа). Но даже в эту эпоху расцвета эллинистической культуры, когда население города и его окрестностей подвергается сильной эллинизации (кремационное захоронение в косской амфоре III в. до н. э. на холме Верецагина¹⁷), здесь продолжают применять и обряд вторичного захоронения в горшке с инвентарем¹⁸, что является прямым продолжением традиций известных оссуариев Эшеры и приморской эпохи колхидской культуры¹⁹.

Сочетая различные этнокультурные традиции население города в эпоху эллинизма продолжало изготавливать амфоры, пифосы, кровельную черепицу из темно-коричневой глины. В слое часто встречаются скопления железных шлаков, целые и фрагментированные мукомольные жернова²⁰ и пр. Все это дает основание утверждать, что уже в эллинистическое время в городской жизни значительную роль играли ремесленники — гончары, кузнецы, металлурги и т. д. К их продукции следует отнести и вышеописанную амфору с граффити²¹.

Что касается оборонительной стены, то по данным стратиграфического разреза она была построена на позднеэллинистическом культурном слое. Время ее строительства, таким образом, совпадает с периодом в истории Колхиды, когда последняя попадает в сферу влияния Понтийского царства при Митридате VI, который, по словам Страбона, «построил там (т. е. в Колхиде. — Г. Ш.) 75 крепостей»²². Коль скоро район Диоскурии территориально входил в историческую Колхиду, нужно полагать, что мероприятия Митридата VI по строительству и укреплению фортификационных сооружений в этой стране не могли не затронуть и Диоскурию, и ее окрестностей (в том числе и района Эшеры), тем более, что к этому городу и его населению понтийский царь относился дружелюбно и с доверием (предоставление Диоскурии права чеканить свою монету, зимовка Митридата VI и его войска в 66—65 гг. в этом городе²³). Можно предполагать, что Эшерское поселение вместе с оборонительной стеной могло быть разрушено после нашествия Митридата VI. Впрочем, этот вопрос еще не может быть окончательно решен.

Итак, раскопки на Эшерском городище приводят нас к выводу, что еще до начала античной колонизации холм был заселен племенами колхидско-кобанской культуры. Не позже начала VI в. до н. э. здесь появилось античное поселение типа эмпория, в котором существенную роль продолжают играть местные элементы. Учитывая столь ранний возраст античного поселения, мы допускаем, что Эшерское поселение было одним из эмпориев, которые стали основой Диоскурии древних авторов. Этому не противоречат территориальная близость Эшеры к Сухуми (Диоскурии) и данные античной литературной традиции, характеризующие город как большой, шумный и многолюдный.

¹ *Ivašenko M. M.* Beitrage zur Vorgeschichte Abchasiens.—ESA, 1932, VII, S. 108 etc.; *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, с. 6; *Воронов Ю. Н.* Об Эшерском городище.—СА, 1972, № 1, с. 103—121.
² *Шамба Г. К.* Об Эшерском античном городище.—В кн.: Тезисы докладов XVII научной сессии Абхазского института (Итоги научно-исследовательской работы 1968 г.). Сухуми, 1969, с. 23—24; *он же.* Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера.—ИАИЯЛИ, 1972, I, с. 98—

109; *он же.* О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района.—ИАИЯЛИ, 1973, II, с. 181—193.

³ *Трапи М. М.* Труды, т. 2. Сухуми, 1969, табл. XVII; *Каландадзе А. И.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954, табл. XIV (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

⁴ *Шмидт Р. В.* Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки.—МИА, 1952, № 25, с. 224 и сл., рис. 2; *La céramique grecque.* Paris, 1960, 28, tab. VIII; *Сидорова Н. А.* Архаическая керамика из Пантикапея.—МИА, 1962, № 103, с. 115, рис. 5; *Histria, II.* București, 1966, p. 434; tab. II, 27.

⁵ *Цветаева Г. А.* К вопросу о торговых связях Пантикапея.—МИА, 1957, № 56, с. 186, рис. 2а, 3; *Левин Е. И.* Материалы ольвийского томеноса.—В кн.: Ольвия. Томенос и агора. Л., 1964, с. 144—146, рис. 13; *Histria, I.* București, 1954, p. 419, fig. 302.

⁶ *Зеев И. Б.* Керамическая тара Боспора (МИА, № 83). М., 1960, с. 69; *Худяк М. М.* Из истории Нимфея. Л., 1962, с. 17—18, табл. 6.

⁷ *Худяк М. М.* Указ. соч., с. 18, табл. 5, 6.

⁸ *Каландадзе А. И.* Указ. соч., с. 54, рис. 25; *Трапи М. М.* Труды, т. 2, с. 86, табл. 6, 2; *Лукин А. Л.* Материалы по археологии Бзыбской Абхазии.—ТОИПКГЭ, 1941, I, с. 59, табл. XV, 7.

⁹ Аполония. София, 1963, с. 187, рис. 74, 435, табл. 104.

¹⁰ *Шамба Г. К.* Об одном раннеэллинистическом захоронении..., с. 58.

¹¹ Небезынтересно отметить, что местное население этот холм называет «Аблраху», что означает по-абхазски «Холм, подвергшийся пожару».

¹² *Куфтин Б. А.* Указ. соч.

¹³ *Шамба Г. К.* Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974.

¹⁴ *Лукин А. Л.* Эшерская находка.—ТАИЯЛИ, 1956, ХХVII, с. 126—178.

¹⁵ *Воронов Ю. Н.* Указ. соч., с. 118.

¹⁶ *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 74—75; *он же.* Об эшерском городище, с. 117—118; *Куфтин Б. А.* Указ. соч., с. 77; *Болтунова А. И.* Античные города Грузии и Армении.—В кн.: Античный город. М., 1963, с. 167.

¹⁷ *Куфтин Б. А.* Указ. соч., с. 24; *Зеев И. Б.* Указ. соч., с. 106.

¹⁸ *Шамба Г. К.* О некоторых археологических находках..., с. 187.

¹⁹ *Куфтин Б. А.* Указ. соч., с. 178; *Стражев В. И.* Бронзовая культура в Абхазии.—«Известия Абхазского научного общества» (Сухуми), 1926, IV, с. 126 и сл.

²⁰ *Шамба Г. К.* О некоторых археологических находках..., с. 184.

²¹ Нашему предположению не противоречит и другая по менее важная находка, имевшая место к западу от городища в местечке Гваидра Сухумского р-на, где обнаружены остатки гончарной мастерской, изготавливавшей в IV—III вв. до н. э. диоскурийские клейменные амфоры, черепицы и другие изделия (см.: *Трапи М. М.* Труды, т. 2, с. 227; *Воронов Ю. В.* Археологическая карта..., с. 50).

²² *Strabo*, XII, III, 18.

²³ *App. Mithr.*, XII, 103. Митридат VI во время зимовки в Диоскурии (т. е. в том же районе Эшеры) по соседству с враждебными племенами (*Strabo*, XI, II, 13) вряд ли расквартировал бы свое трехтысячное войско в неукрепленном месте. На Эшерском городище зафиксировано больше, чем где-либо на побережье Абхазии, понтийских монет (6 экз.).

Д. А. ХАХУТАЙШВИЛИ

НОВООТКРЫТЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕКОЛХИДСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ ЖЕЛЕЗА

На основании археологических материалов, письменных сообщений и геологических данных на территории Ближнего Востока обычно выделяются три главных региона, в которых, по мнению исследователей, располагались первичные центры освоения металлургии железа. Этими регионами являются: Сирия—Палестина¹, южные области Восточного Закавказья² и Южное Причерноморье³.

Следы существования железопроизводящих очагов хотя и были обнаружены на территории всех трех вышеуказанных регионов, однако остатки железоплавильных мастерских раннего периода открыты лишь в Палестине (Джерар), где широкое освоение железа, как полагали, началось в X в. до н. э.⁴ Но если верна датировка II слоя поселения Гибей и обнаруженный там железный лемех действительно относится к XI в.

до н. э.⁵, то мы должны констатировать, что широкое освоение железа в Палестине началось уже в XI в. до н. э. или даже несколько раньше. С другой стороны, Г. Райт пришел к выводу, что самая ранняя железоплавильная печь Джераара относится к X в. до н. э., а не к XII, как полагал Фл. Петри, а самая поздняя датируется VIII в. до н. э.⁶

На территории южных областей Восточного Закавказья точно датированные остатки ранних железоплавильных мастерских пока неизвестны, хотя для некоторых районов расселения протоиберийских племен Кавказа (Триалети и прилегающие к нему с юга области) были установлены факты очень раннего (с XIV—XIII вв. до н. э.) применения мягкой стали⁷.

Но все остатки железоплавильных мастерских, исследованных на территории этого региона, оказались значительно более поздними⁸. Это обстоятельство заставляет нас быть сдержанными при решении вопроса о существовании железопроизводящего очага ранней поры на территории южных районов Восточного Закавказья; не требует особого доказательства тот факт, что и в древности потребители металла не всегда являлись его производителями.

Относительно третьего очага зарождения металлургии железа К. Бликенбергом в 1925 г. было высказано мнение, что черная металлургия возникла в странах Южного Причерноморья, где уже с XV в. до н. э. хетты практиковали ковку и закалку железа и стали. Этого мнения с некоторыми уточнениями придерживались многие исследователи последующего периода.

Учитывая данные анализа таких терминов, как *χυος* Гомера, *harpalki* хаттских, хеттских, хурритских, ассирийских текстов, *χαλυψ* древнегреческих источников, и сопоставляя их с некоторыми этнонимами Южного и Юго-Восточного Причерноморья (тубалканы, чани океаниты, халиби, тибарени, моссиники и т. д.), исследователи пришли к выводу, что на северо-восточной окраине Малой Азии уже со второй половины II тысячелетия до н. э. началось первичное освоение железа⁹.

Благодаря археологическим изысканиям, проведенным за последние годы на территории Западной Грузии, мы в состоянии утверждать, что население исторической Колхиды приступило к хозяйственному освоению железа еще с XII в. до н. э. Следовательно, первое появление здесь изделий из мягкой стали можно отнести к еще более раннему периоду. Иллюстрацией к сказанному является «Зенитский клад» XII—XI вв. до н. э., который, кроме бронзовых предметов колхидского типа¹⁰, содержал набор хозяйственных орудий (мотыги, топоры и ножи), изготовленных из железа (стали)¹¹. Появление земледельческих стальных орудий труда свидетельствует о том, что население этой области уже приступило к хозяйственному освоению железа.

Но Колхида конца II и первой трети I тысячелетия до н. э. являлась не только потребителем железа, но и одним из основных его производителей и экспортеров¹². Выяснилось, что предгорная полоса исторической Колхиды в указанный период была усеяна железопроизводящими очагами разной мощности, основной производственной единицей которых являлась железоплавильная мастерская.

Железоплавильные мастерские древнеколхидского типа, как правило, устраивались на холмах и склонах кособоров, в ущельях и оврагах, образованных речками и ручьями (рис. 1). Особенно значительная их концентрация отмечена в районе среднего течения рек Чолоки и Очхомури, близ пойм которых, на северной окраине Кобулет, обнаружены группа поселений предантичного времени, стоянки на приморской дюне того же периода и античное городище VI—II вв. до н. э. Такой же мощный очаг производства железа был открыт в центральной Колхиде, в зоне среднего течения р. Супса, у устья которой расположены самые богатые в Восточном Причерноморье залежи магнетитовых песков. Следует отметить, что

этот очаг является пока единственным в Колхиде, где наряду с мастерскими предантичного периода была выявлена железоплавильная мастерская античного времени. Отличительной чертой последней является наличие плавильной печи такой конструкции, которая была неизвестна в материальной культуре доантичной Колхиды.

Отдельные довольно мощные очаги металлургии железа были выявлены также в бассейнах рек Хоби — Очхомури (северная Колхида) и Чорохи (южная Колхида).

Если к указанным данным добавить сообщения древнегреческих авторов о племенах-металлургах, живших в приморской полосе между Галисом и Акамписом (Чорохи), то станет очевидным, что всю предгорную полосу Южного, Юго-Восточного и Восточного Причерноморья в древности населяли племена, рано вставшие на путь производства и хозяйственного освоения железа.

Железоплавильная мастерская древнеколхидского типа, как правило, состояла из сыродутной железоплавильной печи шахтного типа, снабженной воздуходушными мехами, легкого навеса, стоящего на столбах, низкого составного стола (наковальни) для обработки криц и площадок для хранения запасов огнеупорной глины и сброса производственных отходов.

Древнеколхидские железоплавильные печи (горны) представляли собой выложенные камнями ямы, по форме напоминающие перевернутую усеченную пирамиду (рис. 2). Дно печи имело форму полусферического углубления, в котором происходило скопление шлака и образование крицы¹³. Следует добавить, что, по новейшим данным, из общего количества раскопанных железоплавильных мастерских более 20% принадлежат I-му периоду хозяйственного освоения железа.

В процессе раскопок было установлено, что мастерские, расположенные сравнительно близко от приморской полосы, в качестве сырья применяли магнетитовые пески, в состав которых входят зерна магнетита, титаномагнетита, ильменита, оливина, роговой обманки и эпидота. В этой связи следует вспомнить приписываемое Аристотелю сообщение о халибском способе изготовления стали¹⁴; по-видимому, в нем отразился древнейший общеколхидский способ добывания сырья и выплавки железа.

Удаленные же от морского берега и расположенные в богатых железной рудой горных и предгорных районах Колхиды железопроизводящие очаги в качестве сырья применяли гематит (Fe_2O_3). Железоплавильные мастерские, находившиеся в этих районах, в отличие от мастерских, перерабатывающих магнетитовые пески, имеют дополнительно специально оборудованные площадки для открытого обжига руды. Такими именно оказались мастерские, раскопанные в бассейне Хоби — Очхомури, в предгорной полосе Большого Кавказа, на расстоянии 100 км с лишним от морского берега¹⁵. Самая древняя из трех раскопанных здесь мастерских датируется IX в. до н. э.¹⁶

Таким образом, уже на рубеже II и I тысячелетий до н. э., т. е. на первой же ступени хозяйственного освоения железа, мастера-колхи в качестве сырья, в зависимости от местных условий, применяли как магнетитовые пески, так и гематит и, по-видимому, другие виды железной руды. Такой уровень развития дает нам основание полагать, что ему предшествовал сравнительно длительный период зарождения и усовершенствования способов поиска сырья и получения железа.

Изучение железопроизводящих очагов древней Колхиды началось сравнительно недавно; раскопано лишь 20 из выявленных мастерских, общее число которых превышает 200. К тому же есть основания полагать, что не меньшее количество объектов было уничтожено в результате хозяйственной деятельности человека. Поэтому до завершения широких полевых изысканий невозможно применить статистический анализ данных по всему региону.

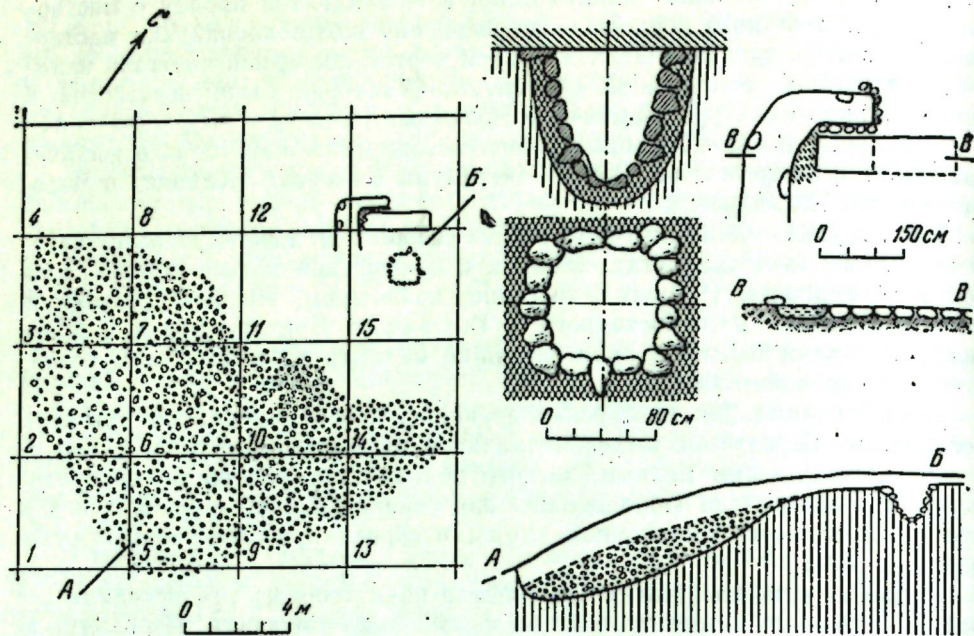

Рис. 1. Железоплавильная мастерская «Чога II». Северная Колхида. IX в. до н. э. План и разрез мастерской, железоплавильной печи и площадки для обжига руды

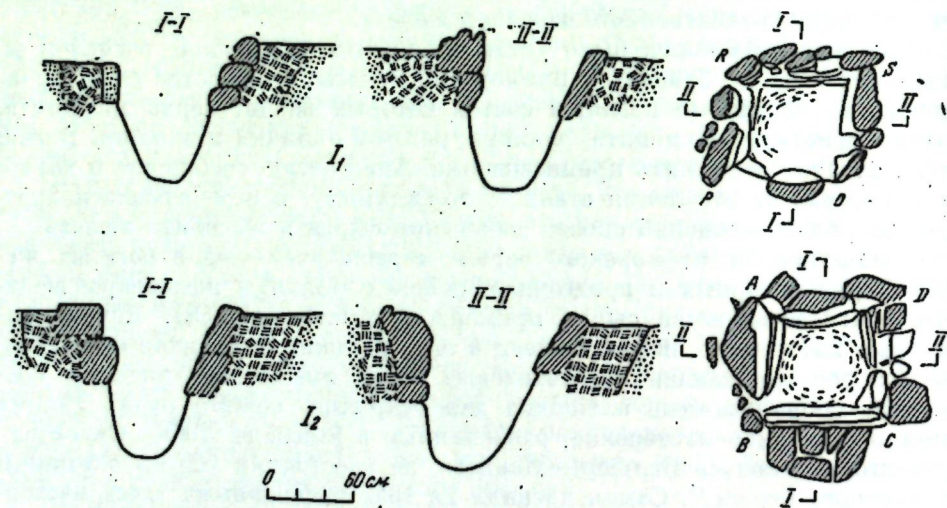

Рис. 2. Подземные части железоплавильных печей Чернали I и Чернали II. Южная Колхида. X в. до н. э. План и разрез

Несколько предварительных выводов: насколько нам известно, на территории Урарту и Ассирии пока не открыто сколько-нибудь значительных железоделательных центров, более или менее соответствующих военно-хозяйственным потребностям и потенциалам этих мощных держав. То же самое можно сказать относительно восточного Закавказья и Иранского нагорья. Естественно, для Ассирии и Урарту этого периода бесперебойное снабжение металлом являлось вопросом жизни. На основании всех вышеуказанных данных можно заключить, что Восточное и Юго-Восточное Причерноморье составляли ту область, которая обеспечивала железом не только все западное Закавказье, но и экспортировала его в центральное Закавказье и некоторые развитые страны Ближнего Востока (Асси-

рия, Урарту и др.). Не исключено, что правители царства Колха являлись своего рода посредниками между общинами производителей и основными кавказско-ближневосточными потребителями железа и стали.

- ¹ Petrie Fl. Gerar. London, 1928, p. 14—16, tab. VII, IX, XXV, XXVI; Wright G. E. Iron: the Date of its Introduction into Comon Use in Palestina.—AJA, 1939, XLIII, 3, p. 458—463.
- ² Quiring H. Erzgrundlagen der ältesten Eisenzeugung.—«Zeitschrift für praktische Geologie», 1938, August, S. 128—131; Чайльд Г. Прогресс и археология. М., 1949, с. 77; Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии.—ВГМГ, 1961, т. XXII—В, с. 292—382 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- ³ Blinkenberg Chl. De pays natal du fer.—«Memoire de Société Royal Antiquité du Nord», 1925, p. 204—205; Richard T. A. Man and Metals, II. New York, 1932, p. 870; Кларк Г. Доисторическая Европа. М., 1953, с. 201; Гобеджишвили Г. Ф. Начальная ступень металлургии бронзы и железа.—В кн.: Археология Грузии. Тбилиси, 1959, с. 211—213 (на груз. яз.).
- ⁴ Wright G. E. Op. cit., p. 458—463; ср.: Petrie Fl. Op. cit., p. 14—15.
- ⁵ Wright G. E. Op. cit., p. 462.
- ⁶ Ibid., p. 461.
- ⁷ Абрамишвили Р. М. Указ. соч., с. 291—382; Абрамишвили Р. М., Микеладзе Т. К. К истории освоения железа в Закавказье и Малой Азии.—В кн.: Actes du VII-e Congrès International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Prague, 21—27 août, 1966, Praha, 1970, p. 29—31.
- ⁸ Гзелишвили И. А. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964, с. 31—38, 52—80.
- ⁹ Микеладзе Т. К. Некоторые вопросы истории древнейших племен металлургов Юго-Восточного Причерноморья.—«Мацне», 1967, № 1, с. 86—109; он же. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды.—В кн.: Вопросы древней истории (кавказско-ближневосточный сборник, IV). Тбилиси, 1973, с. 133.
- ¹⁰ Коридзе Д. Л. К истории колхидской культуры. Тбилиси, 1965, с. 22, 112 (на груз. яз., с русск. резюме); Рамишвили А. Т. Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми, 1974, с. 20—22 (на груз. яз., с русск. резюме).
- ¹¹ Рамишвили А. Т. Случайно обнаруженные бронзовые орудия в районе Батуми.—«Мацне», 1964, № 4, с. 189.
- ¹² Хахугайшвили Д. А. К истории древнеколхидской металлургии железа.—В кн.: Вопросы древней истории (кавказско-ближневосточный сборник, IV), с. 170—179.
- ¹³ Гзелишвили И. А. Указ. соч., с. 38—52. От древних печей отличается по конструкции открытая в 1975 г. античная плавильная печь «Аскана III/3». Она, по всей вероятности, представляет собой переходную форму от древних плавильных печей Колхиды к средневековым.
- ¹⁴ Каухчишвили Т. С. Сведения греческих авторов о Грузии, II. Тбилиси, 1969, с. 67—68.
- ¹⁵ В области распространения остатков железоплавильных мастерских имеются месторождения железных руд: морское побережье Восточного Причерноморья (магнетитовые пески), Супса-Губадаульское ущелье (магнитный железняк), Мачахельское ущелье и верховья Риони (красный железняк) и т. д. (см.: Твалчрелидзе Г. А. Железо. Минеральные ресурсы Грузинской ССР, т. 1. М., 1958, с. 81—87).
- ¹⁶ Для определения возраста железоплавильных мастерских были применены как формально-типологический, так и радиоуглеродный и архсомагнитный методы датировки.

Т. К. МИКЕЛАДЗЕ, М. В. БАРАМИДЗЕ

КОЛХСКИЙ МОГИЛЬНИК VII—VI ВВ. ДО Н. Э. В с. НИГВЗИАНИ

В 1974 г. Колхидская археологическая экспедиция приступила к изучению могильника в с. Нигвзиани Ланчхутского р-на, которое расположено в 30 км к востоку от моря около железнодорожной станции Джумати. Могильник был обнаружен в восточной части села, на высоком холме. Часть захоронений оказалась сильно поврежденной, а часть — даже уничтожена проводившимися здесь сельскохозяйственными работами. Но тем не менее раскопки дали очень интересные результаты.

Площадь раскопа составила 180 кв. м. Выяснилось, что могильник состоит из коллективных погребений в ямах овальной формы, произвольной ориентации, вырытых в глинистом грунте желтоватого цвета (размеры их 3,4×2,4 м, глубина 1—1,2 м). Они заполнены землей вперемешку с булыжником, останками умерших и погребальным инвентарем. Ямы, видимо, перекрывались булыжником. Костяки захороненных представлены фрагментарно, в расчлененном виде. На костях, как и на инвентаре, отмечаются следы сильного огня. Все это говорит о том, что в Нигвзианском могильнике погребения производились по обряду так называемого вторичного захоронения с частичной кремацией либо с использованием ритуального огня¹.

В могильнике зафиксировано 12 коллективных погребений, из которых полностью расчищены только три. Материал оказался сильно перемешан, так как в одной и той же яме погребения производились несколько раз. Поэтому трудно выделить отдельные обособленные комплексы. Но использовались эти ямы на протяжении одного хронологического периода, на что указывает наличие на разных уровнях абсолютно идентичных изделий.

В погребальной яме 1 (рис. 1) было расчищено шесть уровней, давших богатый материал: керамику, оружие, украшения. Керамика представлена в основном сосудами с двумя ушками (рис. 2, 10, 14), кувшинами разных размеров с трубчатой ручкой-сливом (рис. 2, 5, 12, 13), кружками с отогнутым венчиком (рис. 2, 9, 15, 16), кубками, повторяющими форму колхских пифосов (рис. 2, 3, 6, 7), кубками на ножках с расширяющимся кверху корпусом (рис. 2, 8) и др. Бронзовый инвентарь включает наконечник копья с раскрытой втулкой (рис. 3, 12), черенковые кинжалы (4 экз.) с плоской (рис. 3, 14, 15) и желобчатой (рис. 3, 13) поверхностью и втульчатый наконечник стрелы (рис. 4, 22). Железный инвентарь: наконечники копий с раскрытой и цельной втулкой (рис. 3, 2), изогнутые ножи и кинжалы листовидной формы (рис. 3, 10). Из многочисленных украшений следует отметить небольшую бронзовую бляху колхидо-кобанского типа, железные кольца, пряслица и бусы из сердолика, кварцита, пасты и стекла. Среди последних встречаются и «глазчатые».

Интересный материал был обнаружен и в погребальной яме 6. Керамика представлена кувшинами с трубчатой ручкой, горшками, кружками, кубками и др.; оружие — железными наконечниками копий с цельной втулкой (3 экз.), изогнутым ножом и бронзовым длинночеренковым кинжалом. Из украшений привлекают внимание железные браслеты и фибула, бусы из сердолика, гешира, пасты и стекла. Особого внимания заслуживает бронзовое тиффалическое скульптурное изображение мужчины (рис. 4, 23). Подобные статуэтки были найдены в разных районах Грузии — в Зекарн, Мелаани, Казбеги, — и характерны для комплексов VII—VI вв. до н. э.²

По составу инвентаря интересной оказалась погребальная яма 12. В ней обнаружены 18 железных мотыг с широким полукруглым лезвием и слегка согнутым корпусом (рис. 3, 5), массивные изогнутые ножи (рис. 3, 3), малого размера черенковый серп (рис. 3, 4), два кинжала — один типа скифских акинаков (рис. 3, 6), другой — в деревянных ножнах, покрытых бронзовой обивкой, и массивный меч. Из бронзовых предметов надо отметить трехлопастный втульчатый, с шипом, наконечник стрелы скифского типа (рис. 4, 21). Украшения представлены бронзовыми шейными гривнами из витой и гладкой проволоки, с удлиненными пластинчатыми концами, фибулой, иголками, серьгами из серебра и электра (некоторые имеют головки в виде животных) и бусами из сердолика, кварцита, гешира, янтаря, пасты и стекла. Керамика сравнительно малочисленна. Были найдены лишь кувшинчик с трубчатой ручкой-сливом (рис. 2, 5), маленькие кружки (рис. 2, 2) и обломки разных сосудов.

Рис. 1. Погребальная яма 1 (1) и площадка с сельскохозяйственными орудиями (2)

Среди отдельных находок из пока еще не до конца раскопанных могил следует отметить половинку литейной формы для отливки колхидского топора, бронзовые сегментовидные орудия (11 экз.), железный топор (рис., 3, 1). В юго-западной части могильника на площадке в 24 кв. м (рис. 1, 2) не зафиксировано никаких следов костяков, но здесь же найдено свыше 70 железных мотыг (рис. 3, 7, 8), два изогнутых ножа, листовидный кинжал и многие другие предметы. Большого внимания заслуживают и обнаруженные тут шесть лемехов (рис. 3, 9), имеющих слегка согнутый корпус, полукруглое лезвие, открытую вертикальную втулку. Несколько подобных лемехов, найденных не в результате раскопок, а случайно, хранятся в Абхазском государственном музее³ и в Краеведческом музее Местиа. В датированном же материале из Грузии аналогичные орудия нам пока неизвестны. На той же площадке обнаружены керамическая посуда (рис. 2, 1, 2) и в большом количестве украшения: бронзовые булава с двумя головками баранов (рис. 4, 11), амулет-подвеска, изображающая рыбу (рис. 4, 15), пластинчатые (рис. 4, 10) и проволочные браслеты, цепочки, железные и бронзовые пинцеты, кольца (рис. 4, 9, 14), серебряные и бронзовые овальные височные кольца, золотые, ян-

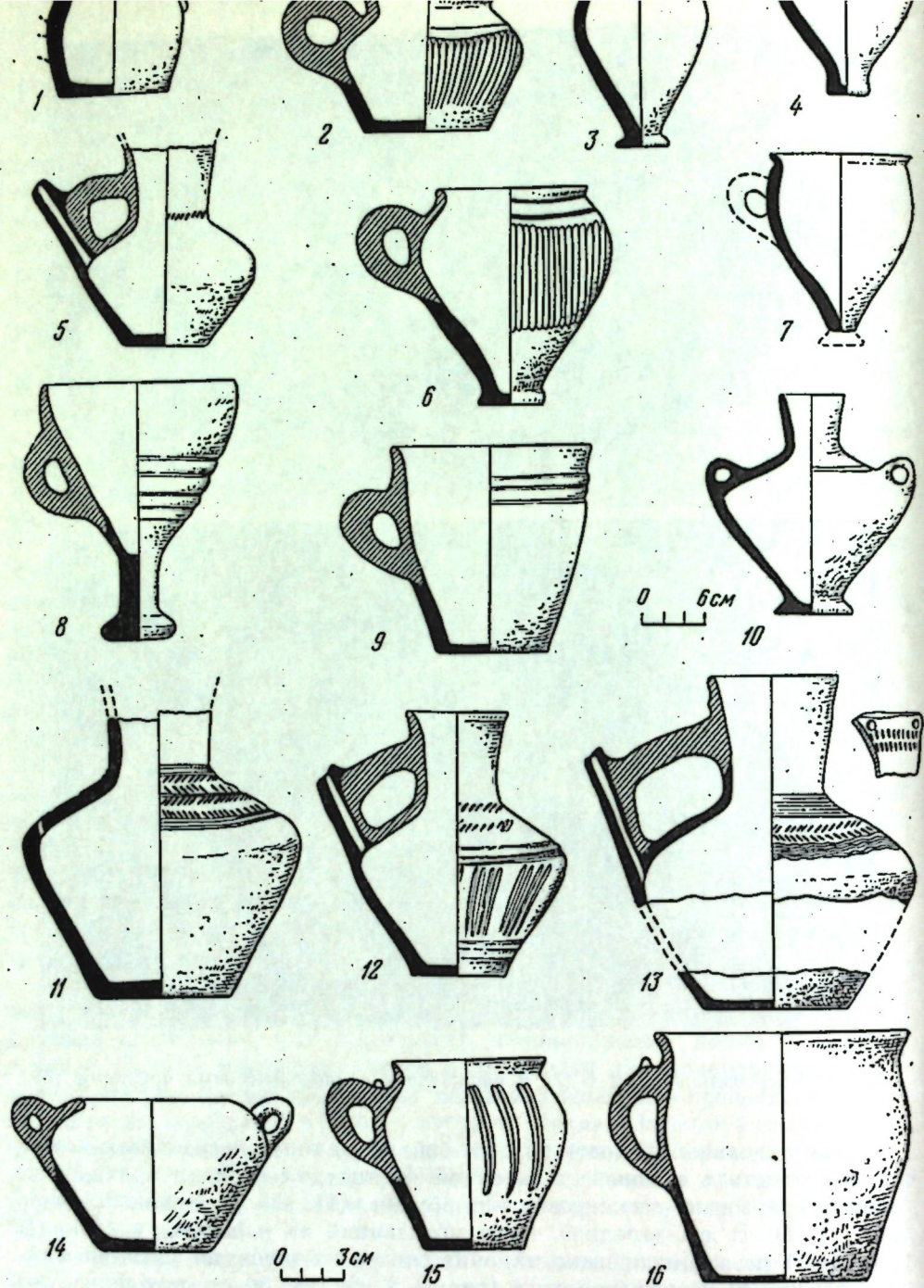

Рис. 2. Основные формы керамики (1—16)

тарные, сердоликовые кварцитовые, пастовые («глазчатые») бусы (рис. 4, 16—20), а также миниатюрные изображения собачек. По своему характеру весь этот материал является могильным инвентарем и не отличается от предметов, найденных в описанных выше погребальных ямах.

Среди рассмотренного инвентаря для датировки исследуемого могильника особое значение имеет керамика. Типологически можно выделить две группы керамического материала: I группа, сравнительно малочисленная, по классификации Т. К. Микеладзе, относится к древнекопцкой II керамике (рис. 2, 14, 16), которая характерна для первой половины I тысячелет-

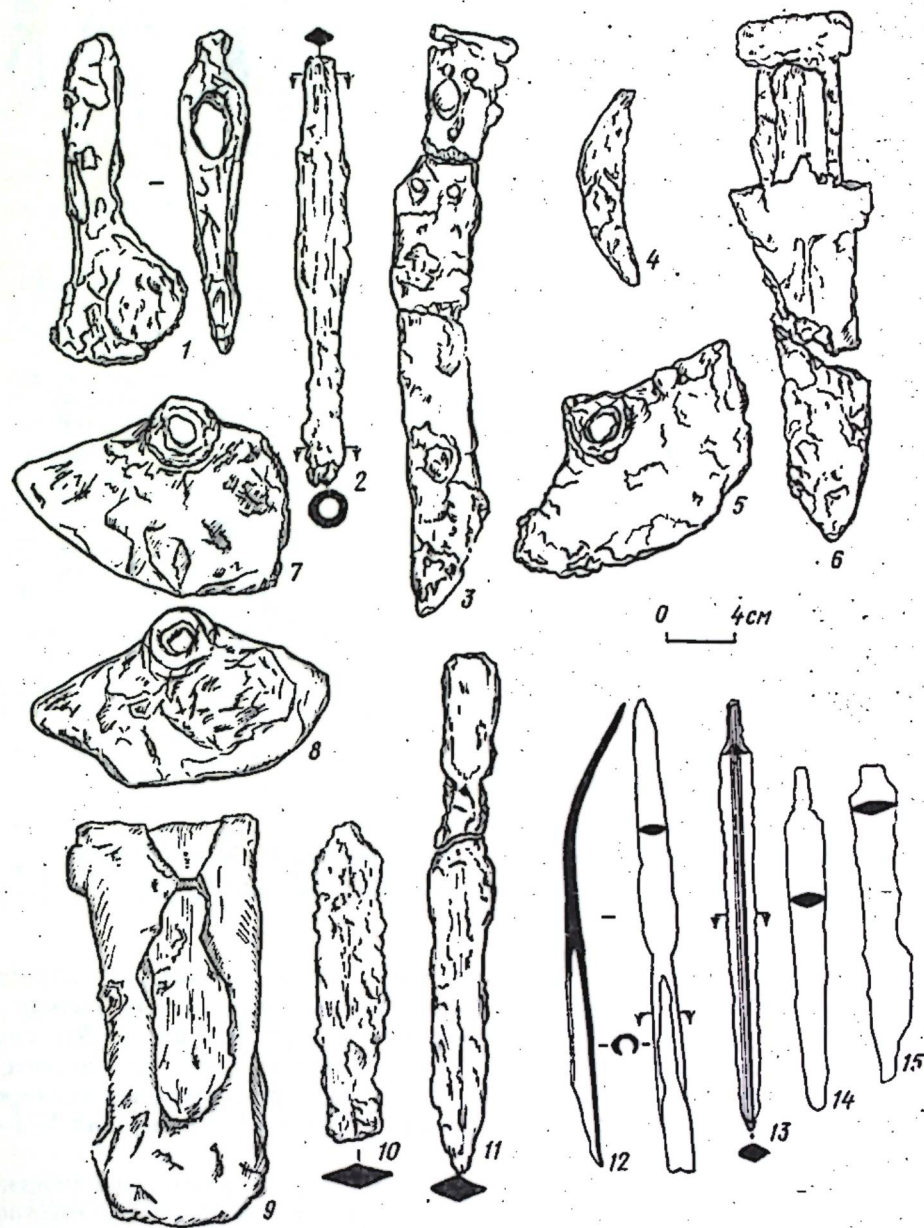

Рис. 3. Орудия и оружие

железные: 1 — топор; 2 — наконечник копья; 3 — изогнутый нож; 4 — серп; 5, 7, 8 — мотыги; 6 — скифский акинак; 9 — лемех; 10, 11 — кинжалы; бронзовые: 12 — наконечник копья; 13 — 15 — кинжалы

тия до н. э. и существует до начала VI в. до н. э. включительно; II группа (рис. 2, 1—13) относится к среднекопцкой I керамике, которая употребляется в VI—IV вв. до н. э.⁴ Сосуществование этих двух групп керамического материала указывает на тот период, когда постепенно выходит из употребления керамика I группы и появляется керамика II, а именно на конец VII и начало VI в. до н. э.

Для определения времени могильника в с. Нигвзиани не менее важное значение имеют и такие хорошо датирующие предметы могильного инвентаря, как наконечник стрелы скифского типа (рис. 4, 21), желез-

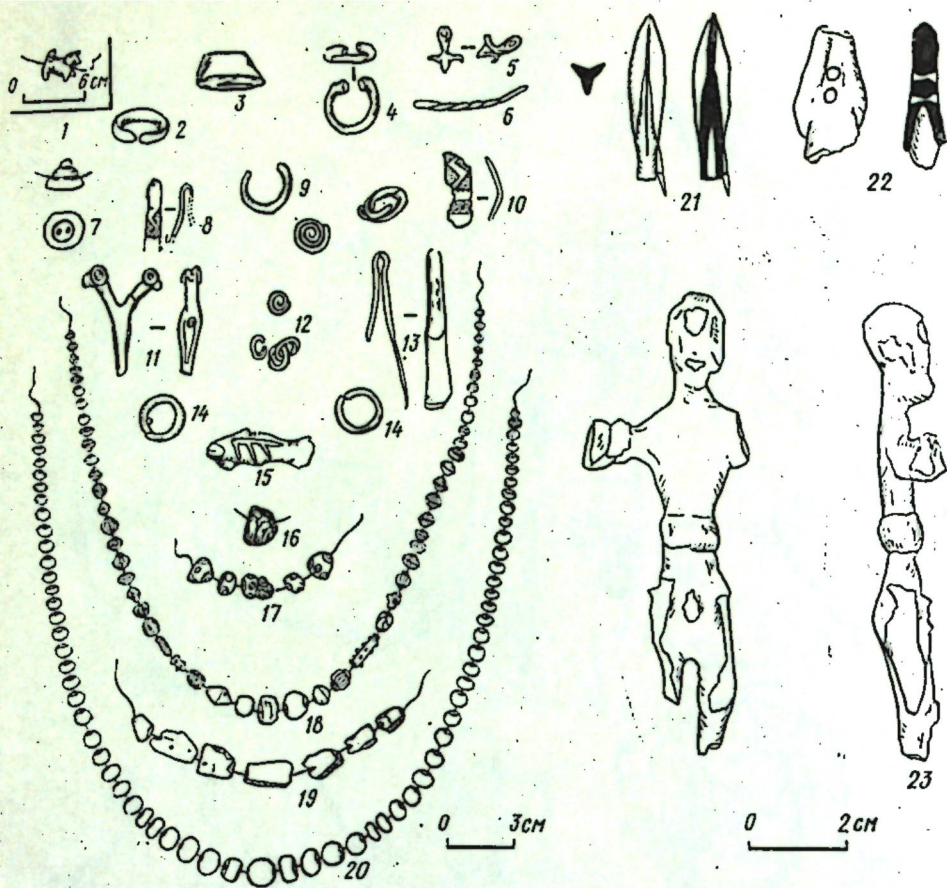

Рис. 4. Предметы, найденные на площадке с сельскохозяйственными орудиями
1—20 — украшения; 21—22 — бронзовые наконечники стрел; 23 — антропоморфная статуэтка мужчины

ный изогнутый нож (рис. 3, 3), топор с молоточковидным обухом (рис. 3, 1), мотыги (рис. 3, 5, 7, 8), серебряные несомкнутые кольца с отверстием у конца (рис. 4, 9), гешировые янтарные (рис. 4, 20), сердоликовые и «глазчатые» бусы (рис. 4). Весь этот материал уже известен из комплексов Брили, Палури, Красного Маяка, Кулапурхва и Самтавро. Все сказанное позволяет нам датировать могильник в с. Нигвзани VII—VI вв. до н. э.

В заключение несколько слов о некоторых характерных особенностях рассмотренного могильника. Абсолютное большинство засвидетельствованного здесь металлического инвентаря составляют сельскохозяйственные орудия — железные мотыги (88 экз.), лемехи (6 экз.), железные изогнутые ножи (около 30 экз.), бронзовые сегменты (11 экз.) и т. д. Это редчайший случай, заслуживающий самого пристального внимания. Еще Г. Чайльд отмечал: «Несмотря на то что земледелие произвело переворот в жизни людей, сельскохозяйственные орудия почти никогда не встречаются в могилах какого бы то ни было времени»⁵. А в данном случае мы имеем дело с захоронением множества сельскохозяйственных орудий. Примечательно, что сельскохозяйственные орудия встречаются не только в могильных ямах, но и на специальной площадке (рис. 1, 2), где не были обнаружены следы костяков. Эти факты указывают не только на своеобразие погребального обряда, но и на социальный состав населения данной местности.

В этой связи привлекает внимание и то обстоятельство, что среди инвентаря могильника нет ни одного обломка греческой импортной керамики. Между тем зафиксированная в могильнике II группа керамики (сред-

некопская I) обычно встречается вместе с греческой импортной посудой. Это касается памятников, расположенных не только на побережье, но и во внутренней части Колхиды. В данном же случае мы имеем дело с прибрежной зоной. Все это должно указывать либо на то, что могильник в с. Нигвзани принадлежал сельскому населению, в быту которого привозная греческая посуда не употреблялась, и в таком случае появление импортной керамики на других памятниках может означать начало процесса урбанизации, либо на то, что среднекопская I керамика появляется несколько раньше греческой архаической керамики.

- ¹ Обряд вторичного захоронения с древнейших времен был широко распространен в Колхиде, а в отдельных ее областях сохранился до XVII—XVIII вв. (*Арханджело Ламберти*. Описание Колхиды.— СМОНПК, 1913, вып. XLIII, с. 189—190; *Вахушти*. География Грузии.— ЗКОРГО, 1904, XLIX, вып. 5, с. 38). Археологически этот обряд засвидетельствован в дольменах Абхазии, в каменном склепе в с. Брили, в глиняных оссуариях Эшери, в подковообразном рве Палури и на погребальной площадке Мерхеули. В Восточной Грузии он зафиксирован в погребениях Тли и Цицамури (*Иуфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, с. 181—192, 274—275; *Барамидзе М. В.* Брильский склеп.— В кн.: Аннотации докладов, научная сессия Института истории. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.); *Окропиридзе И. И.*, *Барамидзе М. В.* Палурское «Садзвле». — МАГК, 1975, VI; *Барамидзе М. В.*, *Пхакадзе Г. Г.* Мерхеульский могильник.— В кн.: Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси, 1971). Таким образом, сведения древних авторов Аполлония Родосского, Нимфродора Сиракузского, Николая Дамасского, Псевдо-Плутарха, Клавдия Элиана и др. (см.: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели. СПб., 1900, с. 409, 412—424, 455, 608) о существовании в Колхиде обряда вторичного захоронения имели реальное основание.
- ² *Барамидзе М. В.* Новейшие находки в с. Мелаани, XX научная сессия студентов ТГУ. Тбилиси, 1958; *Пицхелаури К. Н.* Культура племен эпохи поздней бронзы и раннего железа Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1960, с. 87; *Цигланадзе Л. Г.* К некоторым вопросам Казбегского клада.— МАГК, 1963, III.
- ³ Ср.: *Хотелашвили М. К.* Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени (материалы).— В кн.: Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974, с. 35, рис. 11, 2.
- ⁴ *Микеладзе Т. К.* Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
- ⁵ *Чайльд Г.* Прогресс и археология. М., 1949. с. 148.

О. Д. ЛОРДКИПАНИДЗЕ,
Р. В. ПУТУРИДЗЕ, Н. Н. МАТИШВИЛИ
РАСКОПКИ В ВАНИ В 1973—1974 ГГ.

В отчетных годах Ванская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН СССР продолжала раскопки на двух участках городища античной эпохи¹.

1. На нижней террасе раскопки велись на площадях 150 и 167 (рис. 1). Культурные слои изучены до глубины 5 м от поверхности, однако исследование не на всей площади было доведено до скалистого грунта. Слои чередовались в следующем порядке: за гумусированным слоем (сильно потревоженным земляными работами) следовал почти стерильный слой, толщина которого местами достигала 1—1,5 м. Желтый суглинок перекрывал слой с завалом камней, в котором обнаружены фрагменты колхидских амфор позднеантичного типа и средневековых браслетов из синего стекла. Под этим слоем, образовавшимся после разрушения города, вдоль западного борта раскопа (площадь 150, квадраты А₆, В₆, С₆) зафиксирована прослойка, содержащая мелкую гальку, отщепы песчаника и известняка, обломки черепицы и керамических сосудов. Там же были найдены небольшой обломок терракотовой маски Диониса и три мед-

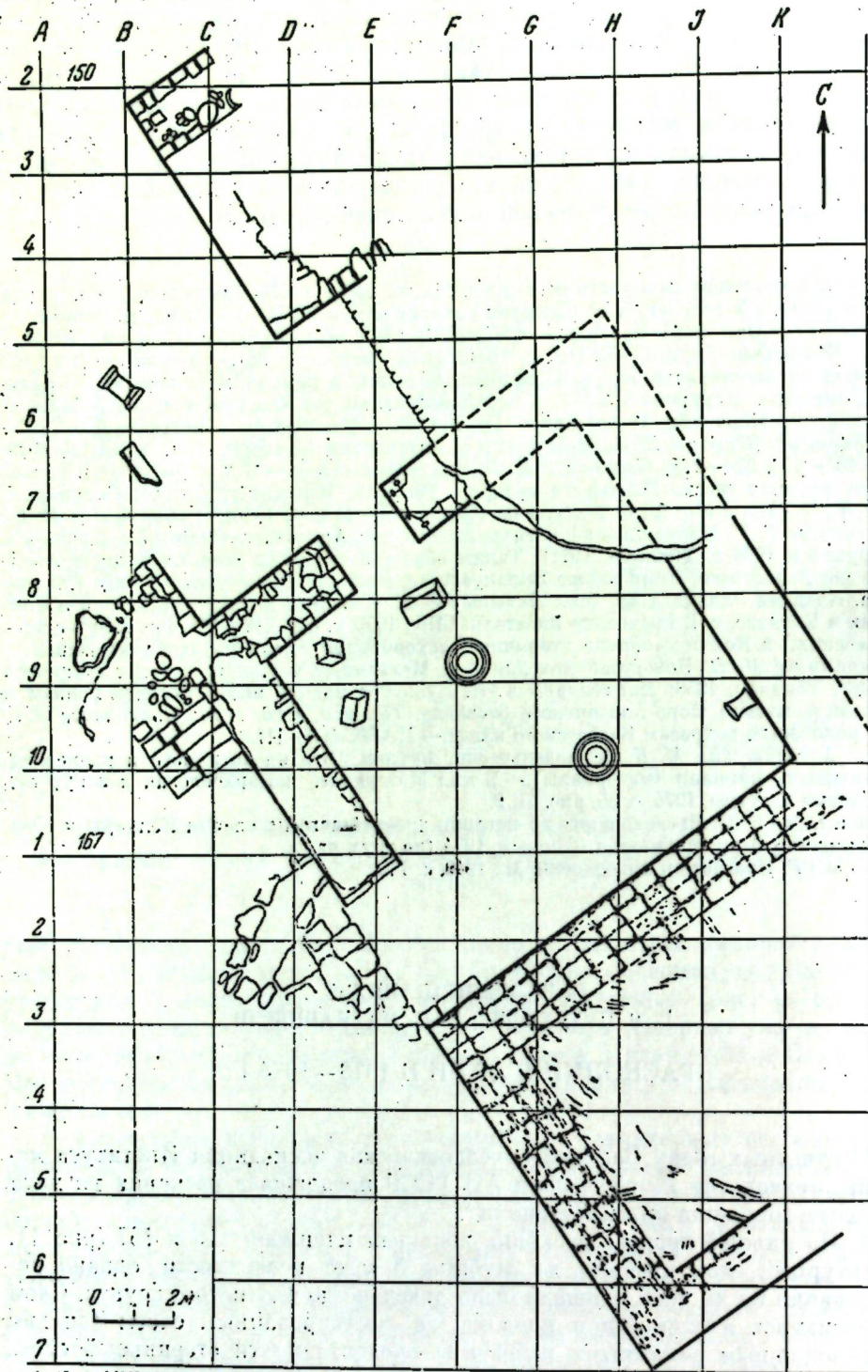

Рис. 1. План раскопок на нижней террасе городища (площади 150 и 167): комплекс культовых зданий III—I вв. до н. э.

Рис. 2. Комплекс культовых зданий III—I вв. до н. э.

ные монеты г. Амиса. В остальной же части раскопа открыта аморфная масса сырца, вся покрасневшая от сильного пожара.

Аморфная сырцовая масса представляет собой разрушенные сырцовые стены, которые возвышались над каменным основанием. После тщательной зачистки всей сырцовой массы удалось зафиксировать участки кладки из сырцовых кирпичей и определить контуры всего здания. Следовательно, казалось бы в аморфной и единой массе целиком обожженного при пожаре сырца удалось (впервые за все время раскопок городища) от сохранившейся *in situ* кирпичной кладки отделить обвалившиеся части сырцовых стен. В итоге обнаружен сложный архитектурный комплекс культового назначения (рис. 1), состоящий из двух прямоугольных залов, соединяющихся с башнеобразным зданием и «жертвенником» со ступеньками, а также с площадкой для жертвоприношений (рис. 2).

Один из прямоугольных залов, условно называемый северным², имеет два входа — один (шириной в 2 м) с северной стороны, а другой (шириной 3,8 м) — с западной. У последнего входа с наружной стороны есть мощная большими каменными плитами площадка (рис. 2). На пороге сохранились обуглившиеся деревянные балки, а вдоль стен — остатки вертикально стоящих опор дверного обрамления (?). Внутри зала под сырцовым слоем обнаружены остатки рухнувшей кровли: черепицы и сильно обуглившиеся деревянные части перекрытия (балки, стропила).

У северного входа обнаружен алтарь, высеченный из монолита (высотой 0,40 м), с чашеобразным углублением вверху, сохранившим следы

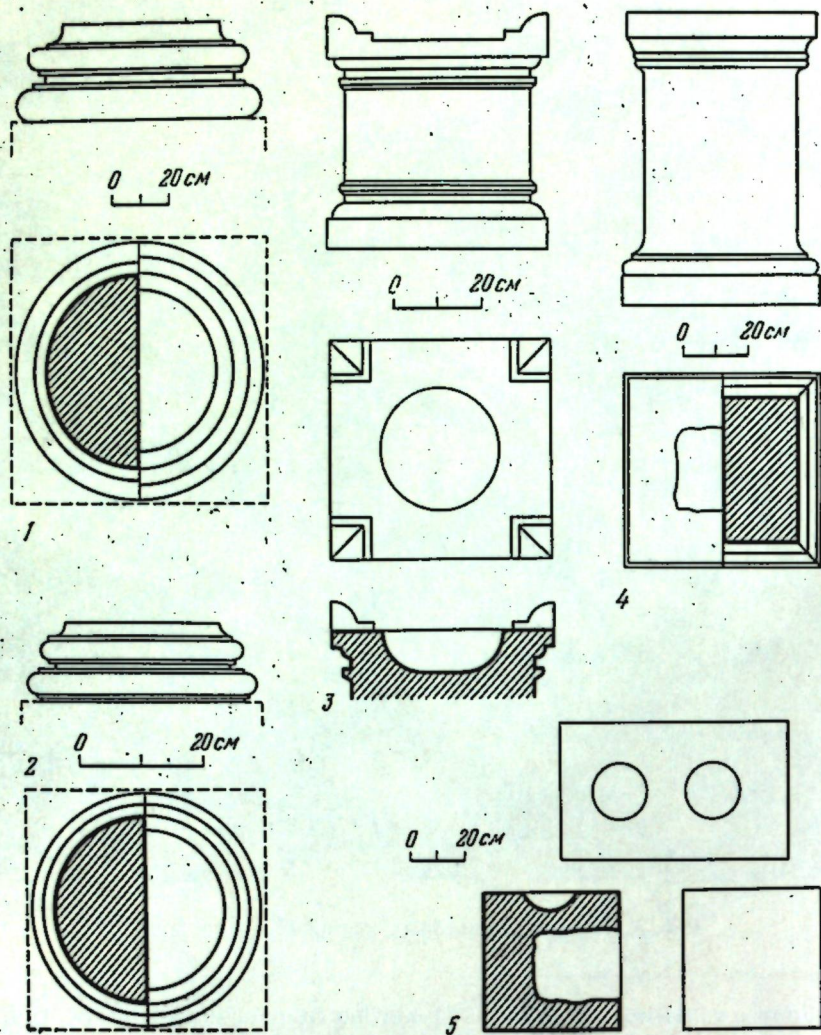

Рис. 3. Архитектурные детали

1, 2 — базы колонн; 3 — алтарь; 4 — постамент для статуи; 5 — часть монументального алтаря

огня (рис. 3, 3). Там же найдены два прямоугольных квадрата из местного песчаника — части монументального алтаря (рис. 3, 5), с чашеобразными углублениями для возлияний. На одной из боковых плоскостей квадратов имеются неглубокие ниши, в которых обнаружены кости птиц, пережженные остатки растений и обуглившихся деревянных балок. У восточной стены того же зала найден высеченный также из местного песчаника сильно обгоревший «сосуд» в виде ступы, с двусторонними воронкообразными углублениями, напоминающий парфянские алтари.

Под обвалом черепичной кровли обнаружены две хорошо профилированные базы (диаметр 0,5 м) так называемого аттического типа (рис. 3, 1, 2).

Полом этого зала служит скалистое основание, обмазанное глиной. Посередине зала ниже уровня пола устроен канал, перекрытый каменными плитами. Один его конец уходит под современный дом, а другой к западной стене зала и выходит снаружи у самого западного входа под специально выложенным прямоугольным стоком шириной 0,5 м.

Южная глухая стена (длиной 11,5 м) этого зала отделяет его от второго зала, который раскопан только с наружной стороны: выявлены лишь

северная (представляющая собой южную стену первого зала), западная (длиной 9—10 м) и частично южная стены. Все стены глухие, и можно полагать, что вход в этот зал был устроен с восточной стороны, что, быть может, указывает на функцию этого зала как основной части всего комплекса.

Все стены этого комплекса (рис. 2) сооружены из хорошо обработанных рустованных квадров, палоченных в два или три ряда, над которыми уложены сырцовые кирпичи (их размеры 52×52 ; 52×26 см). Стены из сырцовых кирпичей сохранились в высоту до 0,5 м от каменного основания. Рустованные квадры, образующие внешний и внутренний панцири стен, уложены в высеченных в скалистом грунте гнездах. Вдоль стен снаружи всюду под завалом сырца обнаружены остатки рухнувшего перекрытия и обуглившихся деревянных конструкций. Обращает на себя внимание обилие железных гвоздей разных размеров, а также остатков деревянных балок, уложенных горизонтально параллельно стенам на расстоянии до 2 м от них, что дает основание предположить наличие здесь обводного открытого навеса. В завалах сырцовых стен и черепичной кровли в трех местах найдены каменные ядра.

У северо-западного угла первого зала к западной стене с наружной стороны примыкает каменная лестница из пяти ступенек (рис. 2), которая вела, возможно, к деревянному жертвеннику. Ширина лестницы 1,90 м.

Северный зал у северо-западного угла с наружной стороны соединяется с башнеобразным в плане прямоугольным зданием, от которого сохранились южная, восточная и западная стены, возведенные из прекрасно отесанных рустованных квадров и плит, поверх которых местами уцелели сырцовые кирпичи (рис. 2). Внутренняя часть этого здания еще не раскопана.

Северная стена северного зала, жертвенник со ступеньками и башнеобразное здание как бы огораживают площадку, использовавшуюся для жертвоприношений в течение довольно длительного времени. Как выяснилось, площадка от времени до времени засыпалась толченым песчаником и утрамбовывалась. Раскопки площадки для жертвоприношения дали следующую картину.

После снятия черепичного завала обнаружился слой, содержащий булыжники больших размеров и тесаные камни из песчаника, некоторые из них со следами огня. У входа в северный зал была обнаружена сильно поврежденная огнем капитель коринфского ордера. Она украшена растительным орнаментом. Среди булыжника найдены каменные ядра, а поверх него — монета правителя Каппадокии Ариарата VII (116—101 гг. до н. э.)³.

Под булыжником были расчищены сильно раздавленные различные сосуды, расположенные группами. Керамика представлена амфорами с белым ангобом, горшками, мисками, тарелками и главным образом колхидскими амфорами, которые отличаются друг от друга как глиной, так и некоторыми типологическими деталями, что, возможно, свидетельствует о привозе этих сосудов из разных областей Колхиды. Найдены также сферические бусы из стекла и бронзы. В большом количестве встречались кости животных, среди которых определены кости коровы, барана, свиньи, козули⁴. В этом же слое обнаружены две монеты, одна из них синопского чекана. Здесь же была найдена терракотовая фигура человека (головка отломана) в длинном одеянии с рогом (изобилия?) в руке, высотой 13 см.

Под вышерассмотренным слоем находился слой из толченого песчаника (тири). В южной и центральной частях раскапываемой площадки слой этот желтого цвета, очень плотный и оставляет впечатление специально утрамбованного и выровненного. В центральной его части зафиксированы следы огня и остатки золы. Вдоль входа, на площадке между

стенами, песчанниковый слой имеет зеленоватый оттенок. Обнаруженные в этом слое материалы идентичны с находками из вышеописанного слоя. В частности, здесь найдены: колхидские амфоры и амфоры с белым ангобом, кувшины, расписанные красной краской; горшки, кости животных (среди них рога тура и быка), а также архитектурные детали (фрагмент базы полуколонны) и терракотовые розетки, предназначенные для украшения стен.

Под зеленоватым слоем тири были выявлены остатки каменной кладки, фрагменты глинобитного пола, под которым залегал слой, по структуре и окраске аналогичный верхнему. Однако обнаруженный здесь материал несколько отличается от описанного. Среди этого материала следует отметить фрагменты краснолаковой тарелки из желтоватой глины, косских и родосских амфор, синопской черепицы.

В южной и центральной частях раскопа этот слой был почти стерильным — в нем обнаружен только бронзовый наконечник копья. Максимальная толщина слоя достигает здесь 0,30 м. Под ним выявлен слой, обильно насыщенный булыжником и квадратами песчаника. В нем найдена керамика, в том числе ручка родосской амфоры с клеймом, чернолаковая посуда. Обломки колхидских амфор встречались здесь сравнительно реже, а фрагменты амфор с ангобом вообще отсутствовали. Здесь же был обнаружен постамент из белого известняка с прямоугольным углублением в верхней части. В нижней части постамента сохранилась железная скоба (рис. 3, 4).

Культурный слой прослеживается и глубже, однако пока его исследование еще не доведено до конца.

О датировке открытых зданий пока можно сказать только, что по характеру кладки они похожи на такие строения древнего Вани, как городские ворота, оборонительные стены и другие сооружения III в. до н. э. Для точной датировки необходимо выявление и изучение культурного слоя, относящегося ко времени строительства. В настоящее время исследованы только остатки последнего этапа жизни города, представленные материалами II—I вв. до н. э. (хотя дата некоторых находок, в частности амфор с белым ангобом, еще требует уточнения).

Таким образом, на этом участке Ванского городища выявлен довольно значительный комплекс культовых зданий, изучение которого будет продолжено.

2. На вершине холма раскопки велись к востоку и северо-востоку от ступенчатого алтаря. Исследованы площади 192, 193, 209, 210, 221, 222; на всем участке исследование было доведено до скалистого грунта в виде мягкого песчаника (тири). Хронологически культурные слои охватывают довольно большой отрезок времени — начиная от доантичной эпохи и кончая средневековьем включительно.

Мощный слой эллинистической эпохи был засвидетельствован в восточной части раскопа. Он содержал в большом количестве обломки черепицы, местных и импортных сосудов — родосских и синопских амфор, краснолаковой посуды, «мегарских» чаш, кухонной керамики и в особенности колхидских амфор.

На площади 210 открыты остатки деревянного здания доэллинистического периода (рис. 4). Оно было сооружено из обмазанных глиной деревянных балок. На площади между стенами обнаружен насыпной глиняный слой (подготовка пола?), под которым находился серый рыхлый культурный слой, содержащий фрагменты керамики доантичной эпохи (зооморфные ручки и др.), а также бронзовый наконечник стрелы. Восточная стена здания не обнаружена. Видимо, с восточной стороны сооружение было открыто.

Северная стена, с поперечными перегородками, толщиной до 2 м возведена из деревянных балок, пространство между которыми заполнено глиной, насыпанной на булыжник. Возможно, аналогичную конструкцию

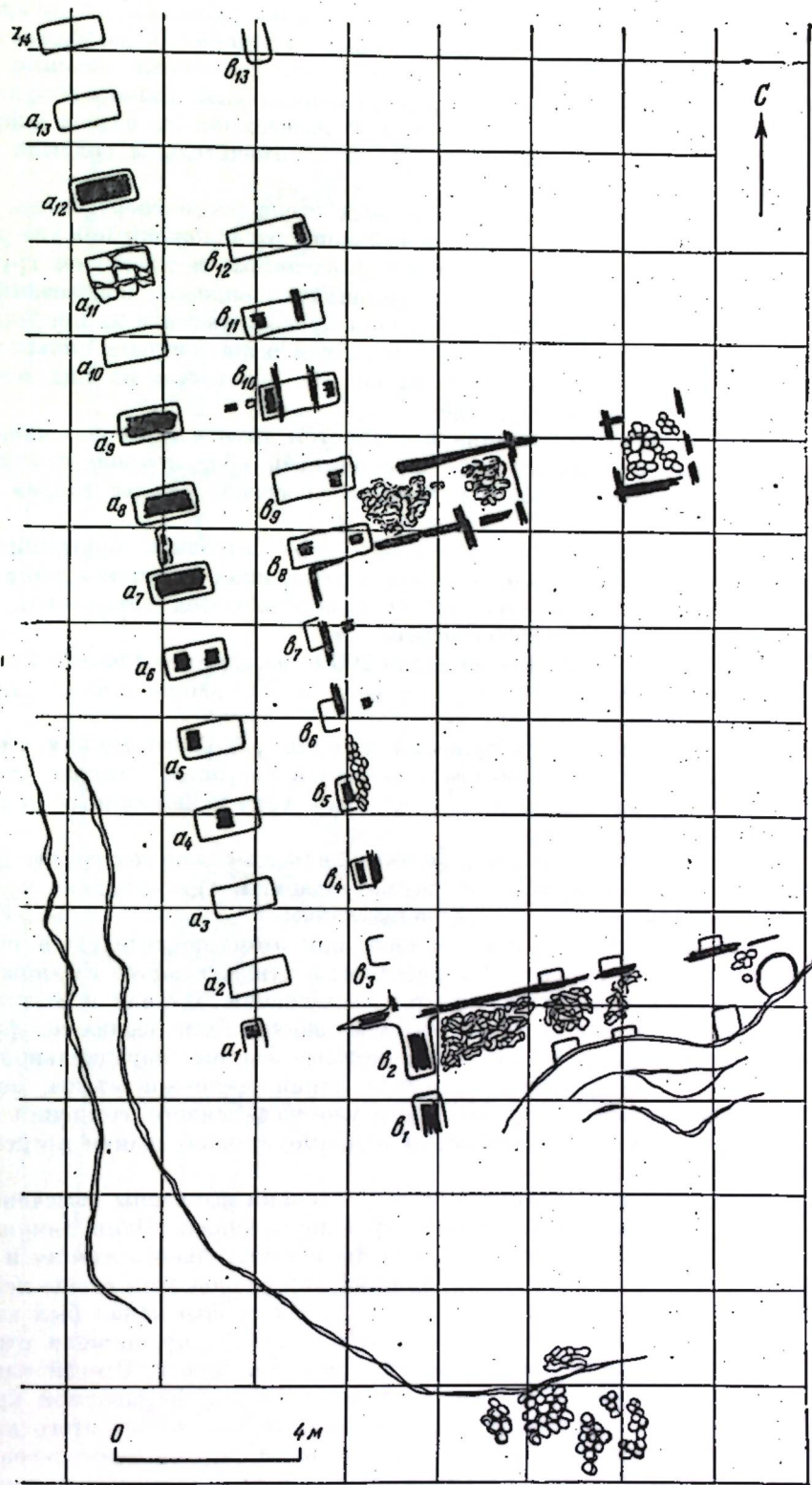

Рис. 4. Остатки деревянного здания V в. до н. э.

имела и южная стена, к сожалению, сильно разрушенная и поврежденная ямами и «каналами» более позднего времени. В развалинах у южной стены, которые представляли собой бесформенные обломки обгоревшей глиняной обмазки, были обнаружены фрагменты краснофигурной и чернолаковой посуды V в. до н. э. В развалинах же самого здания керамика встречалась сравнительно редко (примечательны обломки пифосов раннеаптического времени).

Особый интерес представляет западная стена этого сооружения. На площади длиной 20 м и шириной 5 м выявлены расположенные в два ряда прямоугольные углубления, или гнезда, высеченные в скалистом грунте на расстоянии 1,5 м друг от друга. Ширина «коридора», образованного этими двумя рядами гнезд, равна 2 м. Они продолжают и за пределами северной стены. Вся площадь между гнездами была покрыта сильно обгоревшими обломками глиняной обмазки. На некоторых из них отчетливо сохранились отпечатки прутьев.

К западу от этого сооружения в скалистом грунте высечено каналобразное углубление, заполненное фрагментами обожженной глиняной обмазки, среди которых найдены обломки хийской амфоры второй половины V в. до н. э.

С южной стороны здания скалистый грунт выровнен булыжником, поверх которого частично сохранилась обожженная глиняная обмазка. Под булыжником в некоторых местах прослеживается обгоревшая поверхность грунта и обуглившееся дерево.

В 1974 г. была доследована площадь 209 к западу от ступенчатого алтаря, раскопанная еще в 1948 и 1957—1959 гг. Эта работа ставила перед собой цель выяснить:

а) связь ступенчатого сооружения и прямоугольного здания, трактуемых то как единое сооружение («парадная лестница, которая вела в первый надземный ярус сооружения»), то как храм и отделенный от него и стоявший перед ним алтарь;

б) связь прямоугольного здания с высеченным в скалистом грунте шахтообразным углублением, обычно рассматриваемым как «крипта» храма, якобы функционировавшая одновременно с ним.

Вся площадь была зачищена заново, при этом впервые были обнаружены детали, которые внесли коррективы в существующие взгляды относительно функции и датировки этих сооружений. Наряду с открытой ранее частью южной стены прямоугольного здания были выявлены фрагменты (главным образом гнезда или отдельные квадраты) параллельной северной стены, а также довольно четкая линия восточной стены, почти вплотную подходящей к ступенькам и уже без всякого сомнения свидетельствующей о том, что ступеньки и прямоугольное здание представляют собой одно целое.

При исследовании пространства между стенами выявлены высеченные в скалистом грунте два пересекающих друг друга канала. Один, тянущийся с запада на восток, выходит за пределы прямоугольного здания и перекрывается его восточной стеной: нижний ряд блоков этой стены лежит поверх канала и тем самым свидетельствует о том, что канал был высечен и функционировал до возведения этой стены, а ко времени строительства прямоугольного здания перестал использоваться. Второй канал, ориентированный с севера на юг, соединяется с так называемой криптой. Доследование нераскопанных ранее до материка частей этого канала, глубина которого достигает 1,30 м, показало, что они до основания были заполнены специально утрамбованной глиной с примесью толченого песчаника (тири). На этой утрамбованной глине уложены камни прямоугольного здания, по краям каналов зафиксированы специально высеченные гнезда для прочной укладки прямоугольных квадратов. Следовательно, крипта была уничтожена во время строительства прямоугольного здания в III в. до н. э.

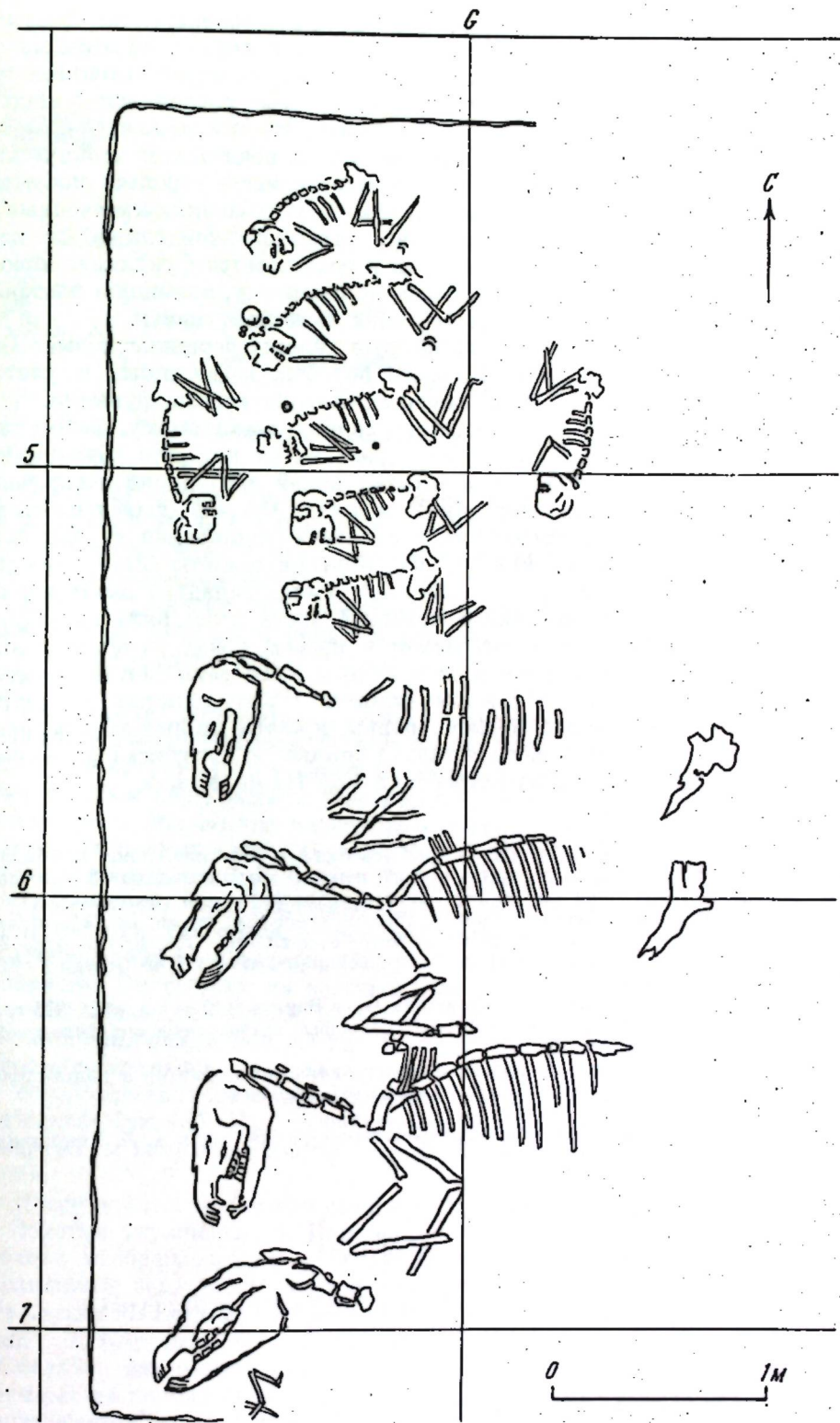

Рис. 5. Погребения IV—III вв. до н. э.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать: до сооружения прямоугольного здания, в доэллинистический период, на этом месте, т. е. на вершине холма, в материке были высечены пересекающиеся каналы шириной в среднем 0,60 м, один из которых соединялся с шахтообразным углублением. Можно предположить, что эти каналы несли какие-то сакральные функции и были связаны с почитанием хтонических божеств. В эллинистический период на том же месте строится монументальный алтарь. Для этого ямы, каналы и углубления, высеченные в доэллинистический период, наполняются утрамбованной глиной до первоначального уровня скалы, на котором и воздвигается фундамент нового алтаря. Алтарь этот представлял собой, по-видимому, каменную платформу шириной 16 м, к которой вела лестница из семи ступенек.

Были исследованы северные и южные склоны вершины холма. Выявлены остатки стен эллинистического периода, возведенных с учетом рельефа местности и, возможно, имевших оборонительные функции.

При строительстве стены по южному склону, по-видимому, было уничтожено очень интересное погребение (рис. 5), от которого сохранились лишь захоронения семи «слуг» и четырех коней несомненно очень богатого и знатного лица. Для них (имеется в виду сохранившаяся часть погребения) в скалистом грунте была высечена удлиненная с севера на юг прямоугольная яма (6,80×3,80 м). Конские скелеты были уложены в южной части ямы, на правом боку, головами к западу. Покойники лежали в скорченном положении в северной части ямы: пять на правом боку, головой к западу, два на левом и правом боках, головой к югу. У южной стены погребальной ямы в куче лежали семь глиняных одноручных кувшинов с яйцеобразным туловом. На покойниках оказались бронзовые или серебряные шейные гривны, простые ушные кольца, бронзовый колокольчик и браслет с вогнутой спинкой и насечками на концах, характерные для колхидских погребений IV—III вв. до н. э.

¹ Результаты раскопок в 1947—1969 гг. опубликованы в сборнике: Вапи, I. Тбилиси, 1972 (на груз. яз., резюме на русск. и англ. языках); библиографию об археологических памятниках Вапи см.: 25 лет Ванской археологической экспедиции (1947—1972). Тезисы научной сессии. Тбилиси, 1973, с. 40—59. См. также: *Lordkipanidze O. La civilisation de l'ancienne Colchide aux V-e — IV-e siècles.* — RA, 1971, p. 258—288; *он же. Quelques résultats de recherches archéologiques récentes en Georgie.* — BCH, 1974, XCVIII, p. 920 etc.

Краткий отчет о работах, проведенных в Вапи в 1972 г., см.: АО 1972 г. М., 1973, с. 425—426, а итоги работ 1973 г. в сб.: Полевые археологические исследования в 1973 г. Тбилиси, 1974, с. 35—41.

² Здание не совсем точно ориентировано по странам света, поэтому и наши определения («северный», «западный» и т. д.) являются условными.

³ Монеты определены Г. Ф. Дуцдуа.

⁴ Все костные остатки определены доктором биологических наук А. Л. Цицишвили.

В. А. ТОЛОРДАВА

ПОГРЕБЕНИЕ С ЧЕРЕПИЧНЫМ ПЕРЕКРЫТИЕМ ИЗ ДАБЛАГОМИ

В процессе изучения Ванского городища назрела необходимость археологического исследования окружающих древний город территорий, так называемой Вапс квекана (Ванская земля). С этой целью Ванская археологическая экспедиция возобновила давно прерванные (после раскопок Б. А. Куфтипа¹ и Н. В. Хоштарпа) археологические изыскания в окрестностях с. Даблагоми, расположенного в 10—12 км к северо-западу

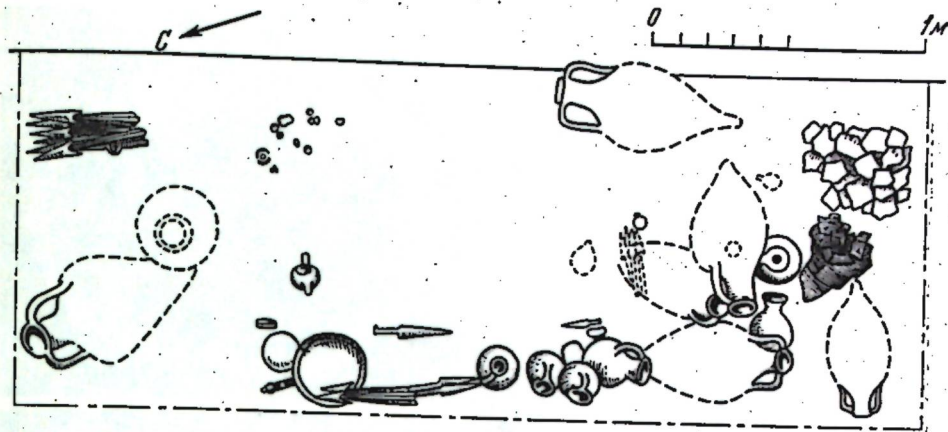

Рис. 1. Ориентировочный план погребения и расположения инвентаря.

от Вапи, на левом берегу р. Риони (Фасис). В результате остатки поселений разных периодов, от поздней бронзы до эллинистического, а также могильники с кувшинными погребениями, столь характерными для Колхиды эллинистического времени².

Среди археологических памятников Даблагоми особого внимания заслуживает богатое погребение с черепичным перекрытием, обнаруженное в 1972 г. на средней террасе западного склона Нацихвари³, на глубине 0,6—0,8 м.

Погребение, по-видимому, было совершено в прямоугольном в плане деревянном сооружении (у всех краев погребения зафиксированы остатки древесного тлена и большие железные гвозди) площадью 3×1,6 м с черепичным перекрытием. Перекрытие было составлено из шести рядов плоских черепиц, по три черепицы в каждом ряду; швы между черепицами были покрыты калиптерами. Вся черепица синопского производства; некоторые черепицы клейменные. Погребальное сооружение ориентировано с севера на юг. Никаких следов костяка в нем не обнаружено; на этом холме костяки, как правило, не сохраняются.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в погребении, довольно разнообразен. Он состоит из золотых украшений, бронзовой и серебряной посуды, железного оружия, пастовых, каменных и стеклянных бус и подвесок, керамической посуды как местной, так и привозной и др. Все эти вещи располагались главным образом у краев погребения, так что в центре образовалось пустое пространство, где находился, по-видимому, погребенный (рис. 1). Вне погребального сооружения, у его южной стены, обнаружены синопская амфора, местный двуручный сосуд и наконечник копья.

Погребальный инвентарь содержит следующие предметы.

Золотые украшения: 1. Перстень-печать, на щитке которого выгравировано изображение орла, терзающего зайца (рис. 2, 1)⁴. 2. Серьги, украшенные зернью; с биконическими подвесками (рис. 2, 2); аналогичные серьги обнаружены в Вапи, в погребении раннеэллинистического времени⁵. 3. Круглые, полые бусы разных размеров (рис. 2, 3). 4. Браслеты парные, разомкнутые, с выгибом посередине и конусовидными утолщениями на концах (рис. 2, 4б); такие же браслеты обнаружены в Вапи, в погребении раннеэллинистического времени⁶. 5. Массивный браслет, с грубо обрубленными концами (рис. 2, 4а). 6. Нашивные фигурные бляшки с маленькими петельками на обороте (рис. 2, 5). 7. Запонкообразные подвески (судя по месту находки, могли быть украшениями пожен).

Серебряные изделия: 8. Аттический килик (сильно фрагментированный) с профилированной ножкой и характерными, тонкими, загнутыми

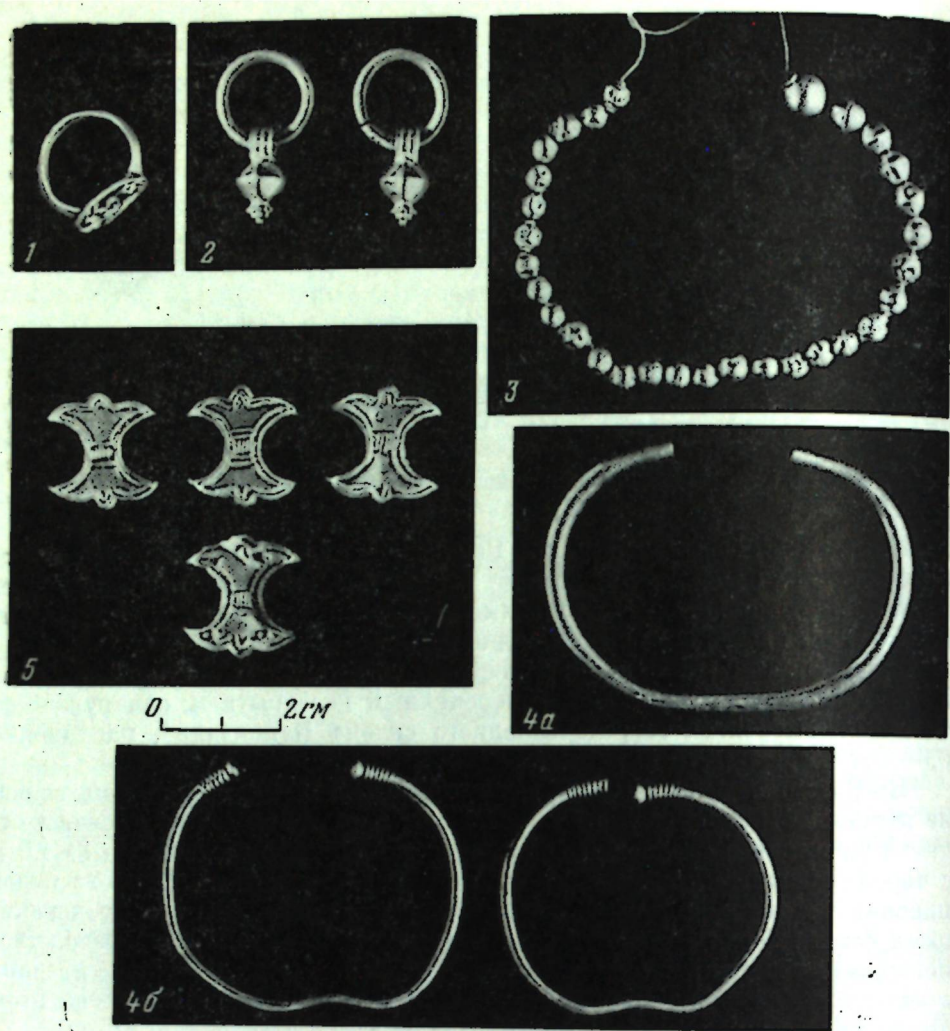

Рис. 2. Золотые изделия:

1 — перстень-печать; 2 — серьги; 3 — бусы; 4 — браслеты; 5 — нашивные бляшки

вверх П-образными ручками. Аналогичный килик найден в Вани, в погребении раннеэллинистического времени⁷. 9. Серебряные бляшки — принадлежность конского снаряжения (рис. 3).

Бронзовые изделия: 10. Фрагментированная ойнохоя; сохранились массивное дно и литая фигурная ручка, верхняя часть которой украшена скульптурным изображением женской головы, а нижняя — рельефным изображением бородатого Силена. Высота ручки 13 см. 11. Патера, тоже очень плохой сохранности; уцелела лишь литая массивная ручка, конец которой украшен скульптурным изображением головы барана, а соединительная пластинка — рельефным растительным орнаментом. Длина ручки 17 см. В погребениях эллинистического времени подобные сосуды встречаются редко, тогда как в римскую эпоху повсеместно. Аналогии наши сосуды находят главным образом на территории древней Фракии. Совместные находки ойнохой с патерами в погребениях IV—III вв. до н. э. зафиксированы именно здесь в Варбице и Фердинандове (Болгария)⁸. Сравнительно часто эти сосуды встречаются отдельно, но все же на довольно ограниченной территории⁹. 12. Зеркало с деревянной ручкой (?). Край диска слегка отогнут к тыльной стороне, внешняя поверхность украшена тонкими рельефными кругами. Диаметр диска 19 см. По анало-

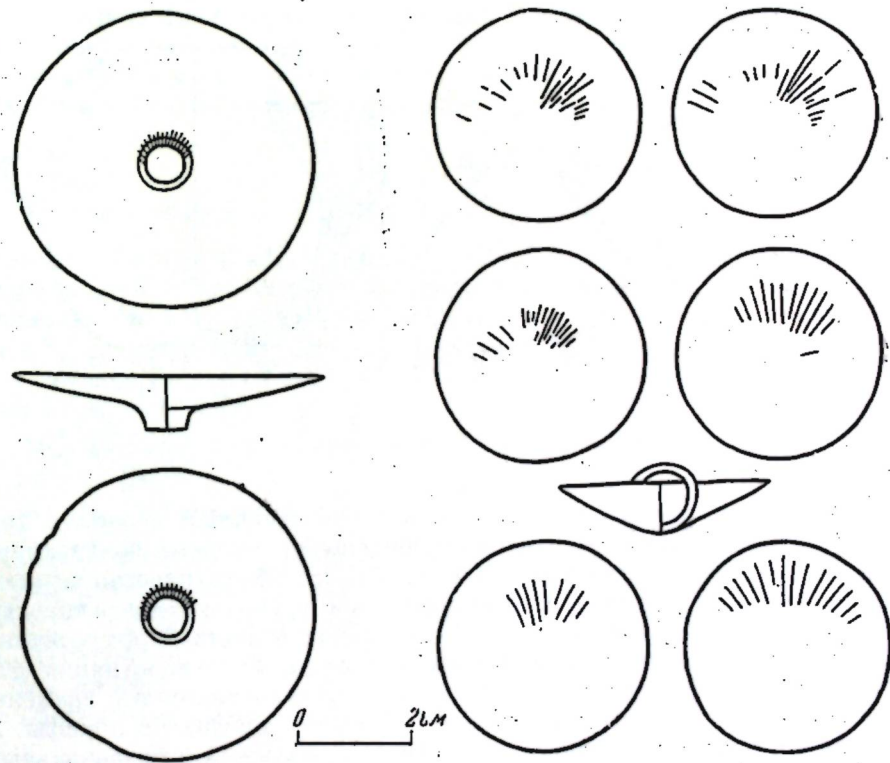
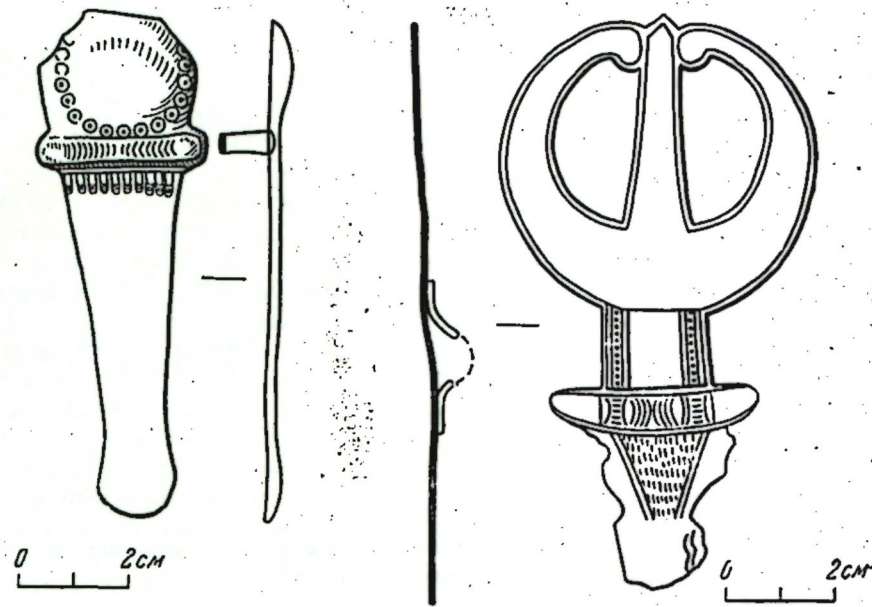

Рис. 3. Серебряные бляшки — принадлежность конского снаряжения

гиям зеркало датируется серединой IV в. до н. э.¹⁰ 13. Круглодонная чаша, сильно фрагментированная. 14. Ситула с литыми ручками, типично колхидского типа, очень плохой сохранности. 15. Конусовидный ажурный колокольчик.

Железные изделия: 16. Наконечники копий. Аналогичные наконечники обнаружены в Вани в погребениях раннеэллинистического времени¹¹. 17. Меч. 18. Гвозди разных размеров.

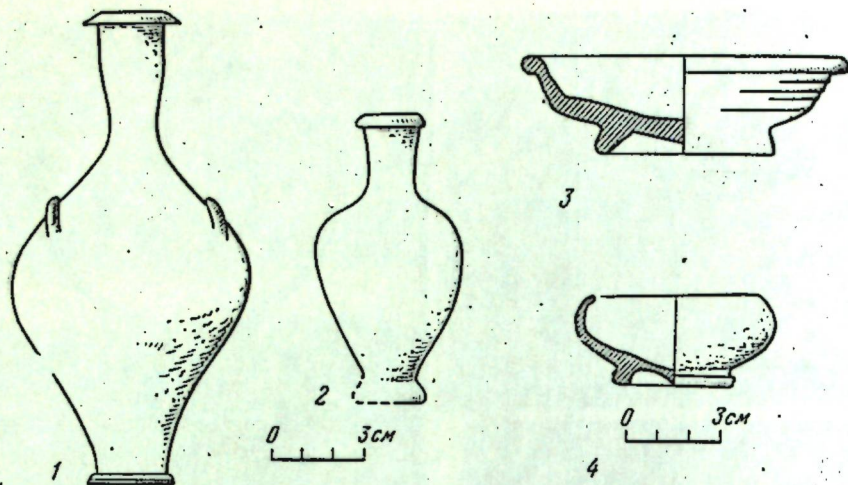

Рис. 4. Керамика

1 — сероглиняный бальзамарий; 2 — красноглиняный флакончик; 3 — чернолаковая мисочка; 4 — чернолаковая солонка

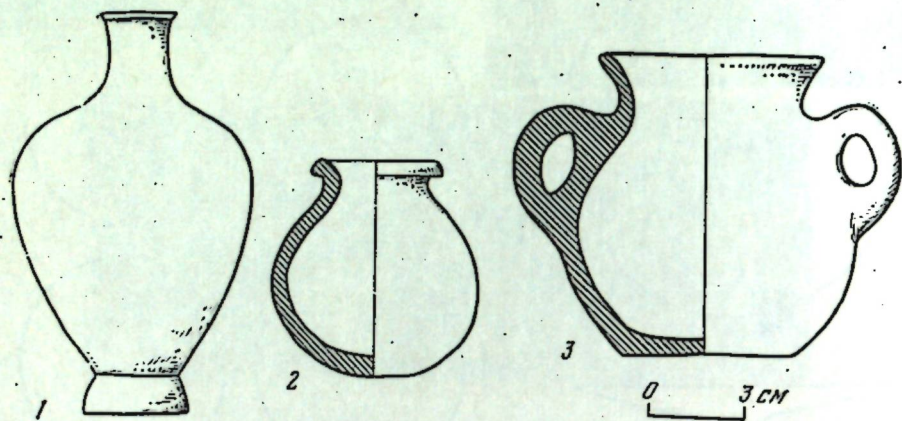

Рис. 5. Керамика из погребения (1—3)

Керамика: 19. Чернолаковая солонка с кольцевидным поддоном (рис. 4, 4). 20. Чернолаковая мисочка на сравнительно высокой кольцевидной ножке и с отогнутым венчиком (рис. 4, 3). Подобная простая чернолаковая посуда, как известно, в эллинистическое время широко распространяется по всему античному миру¹². 21. Красноглиняный флакончик с профилированным венчиком и поддоном (рис. 4, 2). Аналогичные флакончики широко распространяются с раннеэллинистического времени¹³ и почти совершенно вытесняют из погребального инвентаря лекифы. 22. Сероглиняный тонкостенный бальзамарий, украшенный горизонтальными полосками красной краски (остались только следы), с профилированным венчиком и ножкой и двумя горизонтальными ложными ручками на плечиках (рис. 4, 1). По аналогиям, которые находим главным образом в области Средиземноморья, он датируется IV—III вв. до н. э.¹⁴ Горлышко совершенно аналогичного сосуда обнаружено в Капитоновке в кургане 483 IV—III вв. до н. э.¹⁵ 23. Две синопские амфоры, одна из них клейменная, но, к сожалению, клеймо совершенно стертое. 24. Три колхидские амфоры. 25. Сероглиняный амфориск с профилированной ножкой и венчиком, местного изготовления, явное подражание античной керамике (рис. 5, 1). 26. Красноглиняный круглодонный горшочек с шаровидным туловом (рис. 5, 2). 27. Сероглиняный двуручный сосудик с пло-

ским дном и отгибающимся венчиком (рис. 5, 3). 28. Одноручный кувшинчик серо-бурого обжига, с лощеной поверхностью. 29. Одноручный кувшинчик бурого обжига, тулово украшено гребенчатым штампом. 30. Одноручный кувшинчик красновато-бурого обжига, с лощеной поверхностью, тулово украшено гребенчатым пояском. 31. Одноручный кувшинчик серо-бурого обжига, со сглаженной поверхностью; верхняя часть тулова покрыта гребенчатым орнаментом и лощеной решеткой. 32. Одноручный кувшинчик серо-бурого обжига, со сглаженной поверхностью; горлышко украшено косыми насечками. 33. Одноручный кувшинчик, совершенно аналогичный вышеописанному.

34. Бусы и подвески — каменные, пастовые, стеклянные.

Погребение относится к началу III в до н. э. Основанием для датировки являются обнаруженные в погребении привозные греческие предметы: синопские амфоры, синопская клейменная черепица, сероглиняные и красноглиняные бальзамарии, чернолаковая керамика, серебряный килик, бронзовые патера и ойнохоя и др., а также и местная керамика, которую в настоящее время уже можно использовать в качестве датировочного материала. Предложенной датировке не противоречат и остальные предметы погребального комплекса.

В этом отношении значительный интерес представляют клейма, сохранившиеся на кровельных черепицах. В комплексе всего пять клейменных черепиц. Одно клеймо совершенно нечитаемо, четыре остальных тоже плохой сохранности, но их все же удалось восстановить. Во всех клеймах легенда передана по второму варианту Б. Н. Гракова, т. е. название магистратуры стоит между собственными именами¹⁶.

1. Χαβρία
Ἀστυνό
Εἰρηναίο Эмблема не читается.

Астином Иреней принадлежит первой хронологической группе Б. Н. Гракова. Имя его встречается очень редко, всегда в конце надписи, с сокращением Ἀστυνό¹⁷. Хабрий — фабрикант второй хронологической группы¹⁸; следовательно, астином Иреней относится к числу позднейших в первой группе. Таким образом, клеймо датируется третьей четвертью IV в. до н. э.¹⁹

2. Μ[ι]χ[η]λοῦ ἀστ[υ]νό —
μουνοῦ [N]οῦ
Μῆντιοῦ Эмблема не читается.

Микос — астином второй хронологической группы Б. Н. Гракова²⁰. Имя фабриканта Нумения несколько раз зафиксировано именно при этом астиноме²¹. Клеймо датируется концом IV и началом III в. до н. э.

3. [Πρωτ]αγό —
[ρο Ἀστυνό.]
[Δ]ημητρ[ο]ῦ Сосуд.

Протагор — астином первой хронологической группы, по наблюдениям Б. Н. Гракова имя его встречается всегда в родительном падеже в форме Πρωταγόρ; судя по именам фабрикантов, Протагор относится к числу позднейших астиномов в группе²². Это предположение подтверждается и нашим клеймом, так как упомянутый в клейме фабрикант Деметрий отнесен Б. Н. Граковым ко второй хронологической группе. Клеймо с именем астинома Протагора и эмблемой в виде сосуда опубликовано Е. М. Придином, но, к сожалению, имя фабриканта не читается²³.

4. Δ — — — — —
ἀστυνόμοῦ
μαχ — — οῦ Бородатая голова вправо.

Ничего конкретного про это клеймо сказать не можем. По эмблеме может принадлежать ко второй хронологической группе.

Таким образом, клейма на кровельных черепицах погребения относятся к IV — началу III в. до н. э.

Рассматриваемое погребение, по всей вероятности, принадлежит представителю местной знати. Этот факт является новостью для Даблагоми (известные до сих пор погребения из Даблагоми, содержащие небогатый и однообразный материал, отражали быт рядовых членов общества) и имеет исключительное значение для выяснения характера изучаемого поселения. Погребение дает интересный материал также для суждений о социальной и политико-административной структуре древней Колхиды вообще, ее взаимосвязях с внешним миром и пр.

- ¹ *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950.
- ² *Толордава В. А.* Археологические раскопки в Даблагоми в 1970 году.— ПАИ в 1970 г., 1971; она же. Археологические раскопки в Даблагоми в 1971 году.— ПАИ в 1971 г., 1972; она же. Археологические раскопки в Даблагоми.— В кн.: 25 лет Ванской археологической экспедиции. Тезисы научной сессии. Тбилиси, 1973.
- ³ Ориентировочный план поселения и его окрестностей см.: *Куфтин Б. А.* Указ. соч., т. II, с. 13.
- ⁴ М. Н. Лордкипанидзе этот перстень считает греческим изделием и датирует его концом IV в. до н. э.
- ⁵ *Хоштария Н. В.* История археологического изучения Вани.— В кн.: Вани, I. Тбилиси, 1972, с. 89, рис. 9.
- ⁶ *Лордкипанидзе О. Д., Пугуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкониа А. М.* Археологические раскопки в Вани в 1969 году.— Там же, с. 211.
- ⁷ *Хоштария Н. В.* История археологического изучения Вани, с. 90, рис. 11.
- ⁸ *Nuber H. U.* Kanne und Griffschale. Berlin, 1973, S. 36, Taf. 1.
- ⁹ *Ibid.*, S. 189.
- ¹⁰ *Капошина С. И.* Некрополь в районе поселка им. Войкова.— МИА, 1959, № 69, с. 130, рис. 30, 1, 2.
- ¹¹ *Хоштария Н. В.* История археологического изучения Вани, с. 89, рис. 5; *Лордкипанидзе О. Д., Пугуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкониа А. М.* Указ. соч., с. 211, рис. 175.
- ¹² *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, 1966, вып. Д1—27, с. 85, табл. VII; *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1908 г.— ИАК, 1909, вып. 8, с. 36, рис. 23; *Левин Е. И.* Ольвийская агора.— МИА, 1959, № 50, с. 77, рис. 42; *Иванов Т.* Античная керамика из некрополя Аполонии.— В кн.: Аполония. София, 1963, с. 356; *Thompson H. A.* Two centuries of Hellenistic Pottery.— «Hesperia», 1934, III, p. 317, 435, fig. 3.
- ¹³ *Зайцева К. И.* Местная керамика Ольвии эллинистического времени.— ТГЭ, 1962, VII, 3, с. 188, рис. 5; *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии за 1902—1903 гг.— ИАК, 1906, вып. 13, с. 127; *Иванов Т.* Указ. соч., с. 356; *Thompson H. A.* Op. cit., p. 472.
- ¹⁴ *Thompson H. A.* Op. cit., p. 335, fig. 15.
- ¹⁵ *Онайко Н. А.* Указ. соч., с. 14, рис. 727, табл. IX; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья V—III вв. до н. э.— САИ, 1967, вып. Д1—4, с. 97, табл. 21, 2.
- ¹⁶ *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, с. 38.
- ¹⁷ Там же, с. 114.
- ¹⁸ Там же, с. 129.
- ¹⁹ *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 133.
- ²⁰ *Граков Б. Н.* Указ. соч., с. 126.
- ²¹ *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на аморфных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, с. 93, № 648, 649.
- ²² *Граков Б. Н.* Указ. соч., с. 115.
- ²³ *Придик Е. М.* Указ. соч., с. 97, № 731, табл. XIII, 14.

ДАПНАРСКОЕ СЕЛИЩЕ И МОГИЛЬНИК

(К проблеме сельских поселений Колхиды)

В письменных источниках почти не сохранилось данных о сельских поселениях Колхиды античной эпохи, а их археологическое исследование началось лишь недавно. Как известно, без исследования сельских поселений трудно судить об экономике той или иной страны в целом¹. Исходя из этого положения, Ванская археологическая экспедиция специально приступила к исследованию обширной сельскохозяйственной территории вокруг древнего Вани, на западной окраине которой, на левом берегу р. Риони, в предгорьях расположено Дапнарское селище. Археологические материалы свидетельствуют, что в античную эпоху Ванская хора была густо заселена и играла важную роль в экономической жизни Колхиды.

Случайные находки из Дапнари — колхский топор, трапециевидная мотыга, многочисленные фрагменты зернотерок, керамика и пр. — свидетельствуют о заселении этой территории еще в позднебронзовую эпоху.

Современное село почти полностью перекрывает античное селище и связанный с ним могильник кувшинных погребений, что в значительной степени осложняет их археологическое изучение. Культурные слои и кувшинные погребения засвидетельствованы как в центральной части села, так и на его окраинах.

На северо-западной окраине с. Дапнари, на средней террасе холма «Цхветили-гора», нами был заложен раскоп размером 4×2 м, который дал следующий стратиграфический разрез:

1. Дерновый слой.

2. Глинистый слой с красноватым оттенком толщиной 0,40 м. Этот слой содержит в нижнем горизонте (толщина — 0,35 м) незначительные обломки керамики.

3. Черный культурный слой, насыщенный керамикой и кухонными отбросами. Толщина слоя в среднем 0,45 м.

4. Материк — известняк.

Керамический материал (рис. 1), представленный в культурном слое (колхские пифосы с рельефными поясками и профилированными венчиками, кувшинчики с трубчатыми ручками, конусовидные стопочки и стаканчики, чаши и миски с плоским дном, овальными боками и вогнутыми внутрь венчиками и др.), имеет многочисленные аналогии в материальной культуре всей Западной Грузии и относится к 1 группе так называемой среднеколхской керамики, датируемой VI—IV вв. до н. э. В этой группе можно выделить сравнительно поздние материалы. Так, в отличие от образцов VI—V вв. до н. э. здесь представлена керамика с более упрощенными формами и орнаментом. По этим признакам ее можно отнести к V—IV вв. до н. э. Среди керамического материала «Цхветили-гора» есть небольшая группа и с архаическими чертами; в частности, здесь встречаются сосуды с зооморфными ручками, так называемые рожки.

Обнаруженные в культурном слое незначительные фрагменты чернолаковой керамики подтверждают дату поселения «Цхветили-гора» — V—IV вв. до н. э. Поселение, как видно, продолжало существовать и в эллинистическую эпоху. К этому периоду надо отнести два обломка дна кувшинчика (лагинос?), стенки которого были украшены краснолаковыми поясками.

В культурном слое найдены также небольшое количество костей крупного рогатого скота, фрагмент куранта зернотерки и плоское галечное рыболовное грузило с отбитыми краями. Этот материал позволяет судить

Рис. 1. Колхская керамика VI—IV вв. до н. э. из раскопа «Цхветили-гора»

о некоторых сторонах хозяйственной деятельности жителей древнего Дапнари. В слое не были обнаружены следы жилищ; по-видимому, дома располагались на вершине и в центральной части холма, покрытых в настоящее время лесом.

Поселение того же времени было найдено и на восточной окраине с. Дапнари, на холме «Чанс-гора». Здесь было заложено несколько шур-

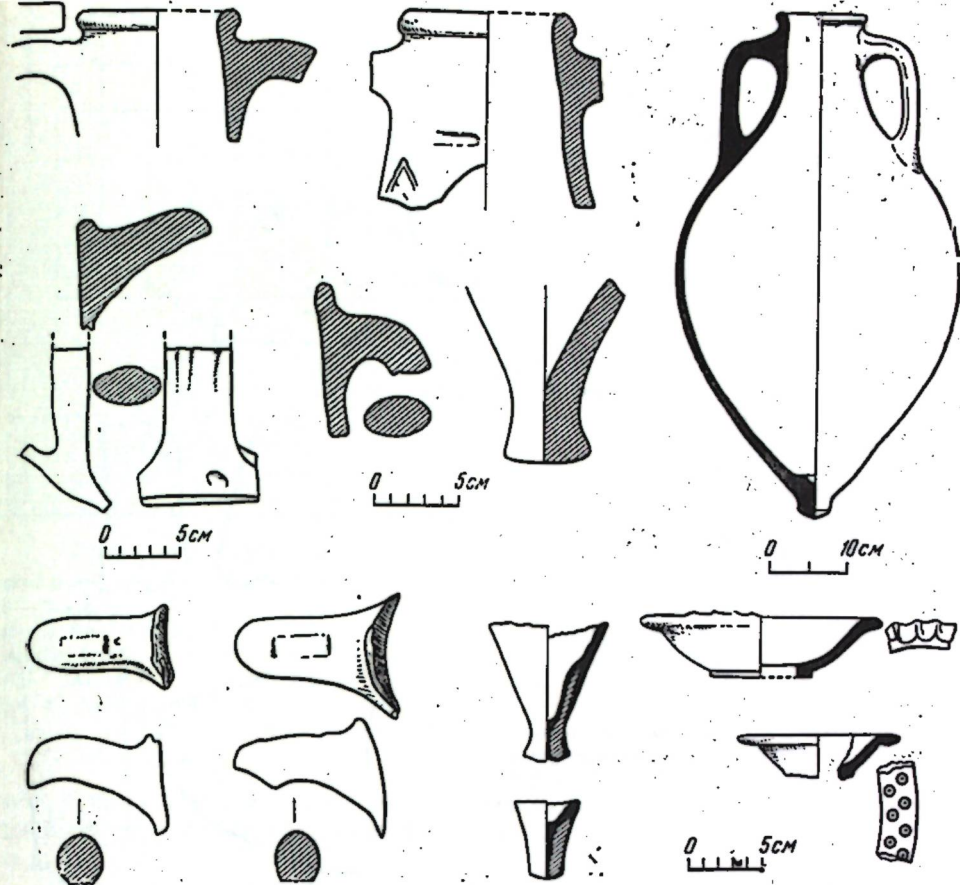

Рис. 2. Импортная керамика из раскопа I «Чанс-гора». Колхская амфора (подражательная синопской) из кувшинного погребения IV—III вв. до н. э.

фов, три из которых были превращены затем в раскоп. При закладке чайных плантаций культурные слои, связанные с селищем, оказались сильно потревоженными. Собран разнообразный подъемный материал: многочисленные фрагменты глиняной обмазки, сырцовых блоков, зернотерок, обломки колхских пифосов, местных и импортных амфор и др.

Раскоп I размером 4×2 м был заложен в местечке Ернали, на средней террасе северного склона холма «Чанс-гора». Здесь был зафиксирован мощный культурный слой толщиной 0,90 м, содержащий большие фрагменты саманных кирпичей, глиняной обмазки и обломки колхской керамики, аналогичной материалам из «Цхветили-гора». Черпалаковая керамика представлена небольшим фрагментом аттической солонки V—IV вв. до н. э. Среди местной и привозной тары выделяются: фрагменты пухлогорлых хлосских амфор (V в. до н. э.), ножка фасосской амфоры IV—III вв. до н. э. и обломки синопской амфоры того же времени. Среди подъемного материала есть клейменная ручка родосской амфоры III—II вв. до н. э. В целом среди привозной тары преобладают фрагменты синопских амфор (рис. 2).

В 200 м к востоку от раскопа I, на южном склоне холма «Чанс-гора», у самого края чайной плантации был заложен второй раскоп, размером 8×4 м. На глубине 0,40 м от современной дневной поверхности были открыты остатки обугленных брусьев и развалины, состоявшие из слабо обожженных сырцовых блоков и фрагментов обмазки, занимавшие площадь 12 кв. м. Судя по этим остаткам, сооружение (типа мазанки) имело деревянную основу и глинобитные стенки. Определить план постройки не удалось. Южная часть ее была разрушена при плантаже. Круп-

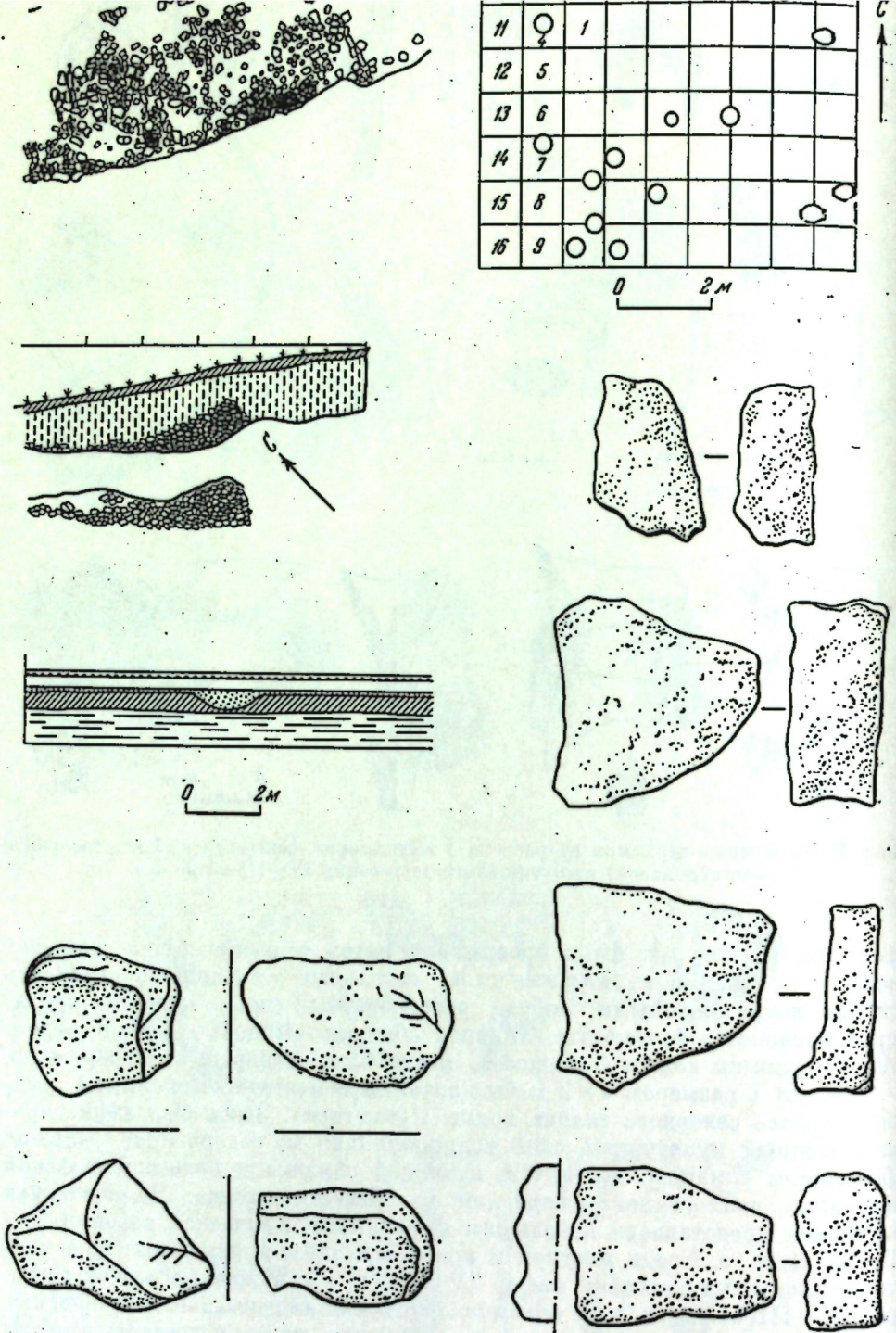

Рис. 3. План и разрез культурных слоев раскопа II «Чанс-гора». Сырцовые блоки с отпечатками листьев ольхи. План раскопа кувшинных погребений (II участок).

ные обломки сырцовых блоков составляли три-четыре слоя. Вместе с ними обнаружены фрагменты обмазки с отчетливо сохранившимися следами круглых в сечении прутьев (плетенка). На нескольких экземплярах встречаются отпечатки листьев ольхи (рис. 3). Пол сооружения, видимо, был глиняным, на что указывают плоские, 2—3 см толщиной, гладкие с обеих сторон фрагменты обмазки. Под завалом этого сооруже-

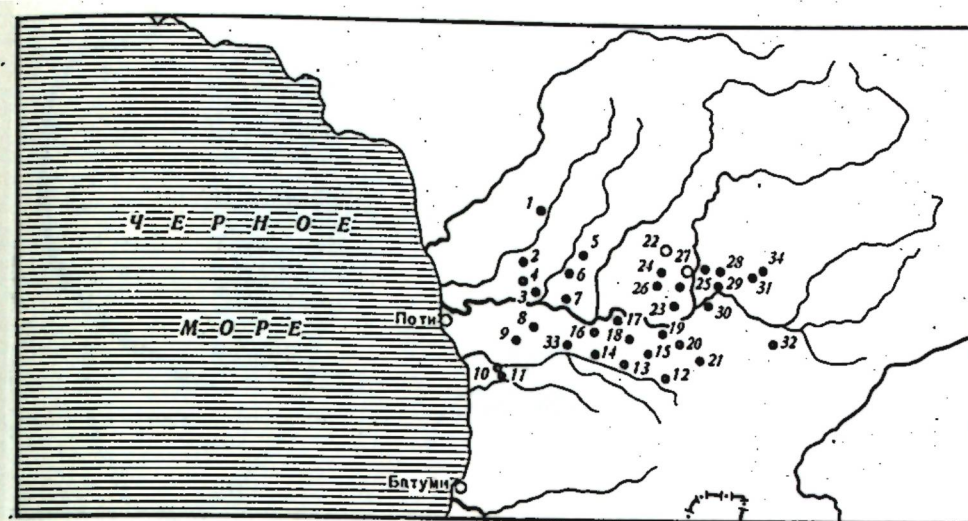

Рис. 4. Карта распространения кувшинных погребений в Западной Грузии

● — места находок кувшинных погребений; ○ — города и районные центры; 1 — Чхороцку; 2 — Теклати; 3 — Исула; 4 — Батнаохору; 5 — Бандза; 6 — Нокалакеви; 7 — Зацати; 8 — Ланчхути; 9 — Чибати; 10 — Зедобани; 11 — Гогорети; 12 — Дарула; 13 — Букисцixe; 14 — Земопарцхма; 15 — Квемохети; 16 — Саджавахо; 17 — Дапнари; 18 — Даблагоми; 19 — Мтисдзир; 20 — Цихесулори; 21 — Ткелвани; 22 — Цхалтубо; 23 — Ваноджа; 24 — Маглаки; 25 — Квигири; 26 — Парцханаканеви; 27 — Кутанси; 28 — Годогани; 29 — Одилаури; 30 — Аджалети; 31 — Дзеври; 32 — Бори; 33 — Нигорагва; 34 — Чхари

ния обнаружены: большая часть нижней плиты зернотерки, фрагмент каменной сковородки, точильный брусок, железное четырехгранное шило и др.

Керамика представлена фрагментами колхских пифосов, обломками кухонной и столовой посуды довольно низкого качества, часть их деформирована от действия сильного огня. Привлекают внимание фрагменты сопла, которые обычно связывают с керамическим или металлургическим производством. Керамический материал из раскопа датируется V—IV вв. до н. э. Сооружение погибло в результате сильного пожара.

Остатки таких же построек были зафиксированы еще в двух пунктах западного склона холма «Чанс-гора». Эти данные позволяют представить топографию античного поселения.

Жилища-мазанки были разбросаны на склонах искусственных и естественных террас на определенном расстоянии друг от друга. Вполне возможно, что вокруг них были приусадебные участки, виноградники. Такой хуторской тип поселения является характерным и для современной Западной Грузии.

Остатки аналогичных мазанок с отпечатками прутьев и листьев известны и на Ванском городище (V—IV вв. до н. э.), в Даблагоми и в других пунктах Западной Грузии.

В непосредственной близости от селища находился могильник кувшинных погребений. Некрополь расположен в юго-западной части с. Дапнари, занимая почти весь холм «Дапнис-гора» (около 50 га), западные и северные склоны которого, постепенно снижаясь, переходят в Рионскую долину. Большая часть могильника занята приусадебными участками и постройками колхозников, здесь же находится современное сельское кладбище.

Археологические разведки с шурфовкой и раскопки² позволили четко определить границы Дапнарского могильника. С юга и запада его естественной границей служит глубокое узкое ущелье «Цаблис геле», с севера — Рионская равнина, на востоке могильник доходит до холма «Чанс-гора». Нами было раскопано 40 погребений IV—II вв. до н. э.

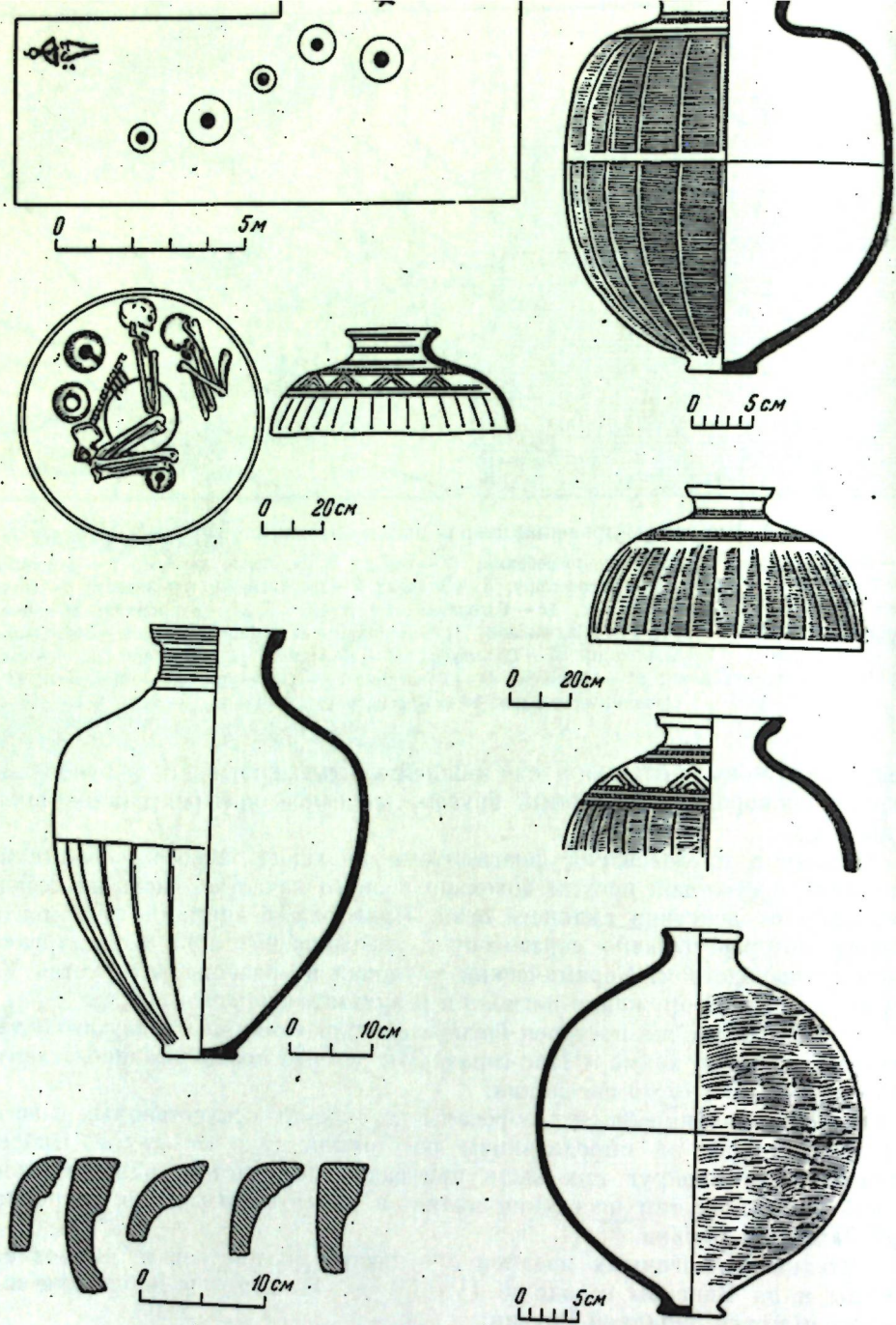

Рис. 5. План раскопа кувшинных погребений (III участок). Пифосы, использованные для погребений, IV—III вв. до н. э.

Погребения расположены как группами (рис. 3; 5), так и по отдельности, разбросанно, часто на значительном расстоянии друг от друга. Размеры некрополя и археологический материал позволяют предположить, что погребения располагались на древних приусадебных участках, как в Даблагоми. Кувшинные погребения характерны для сельских поселений античной Колхиды.

Пифосы являются индивидуальными усыпальницами, в них редко встречаются парные захоронения. Пифос, предварительно распиленный

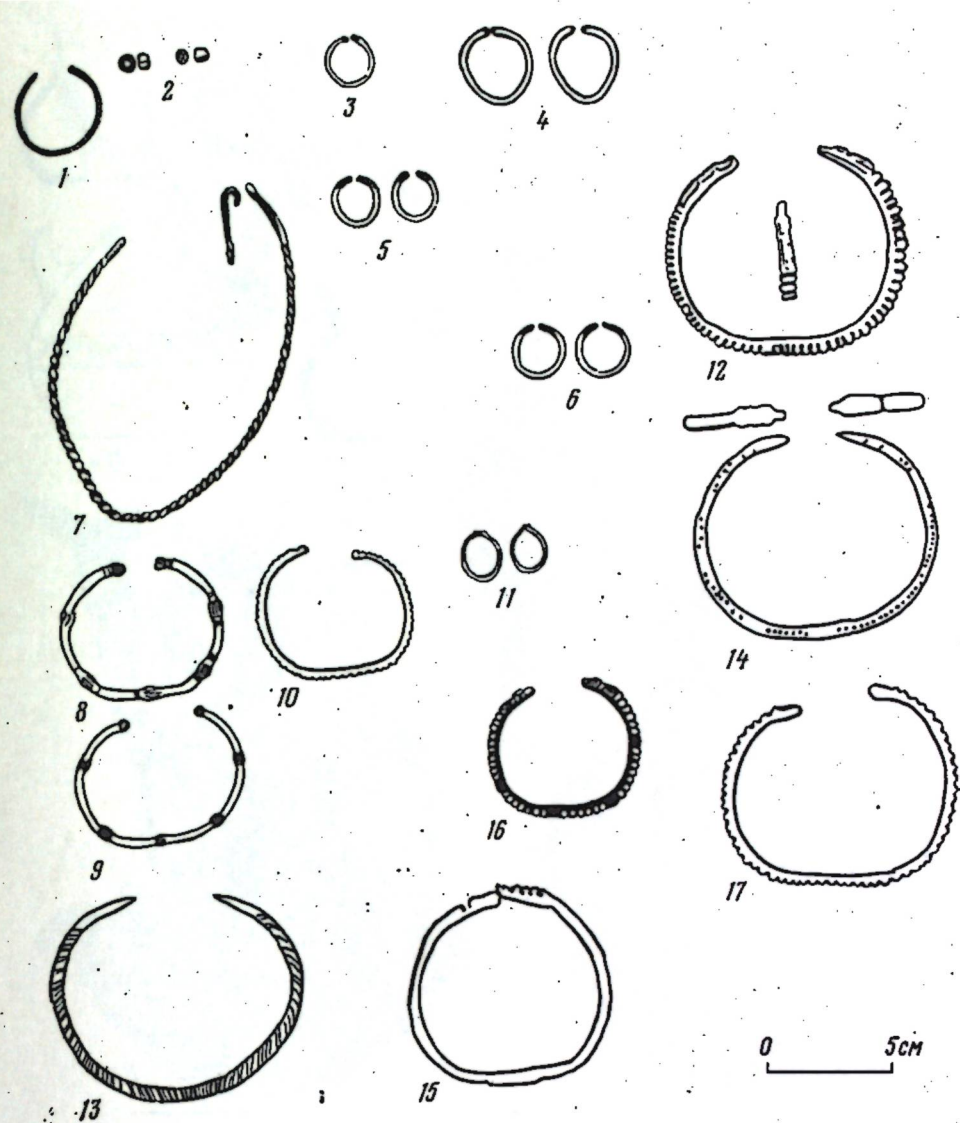

Рис. 6. Бронзовые и серебряные украшения из кувшинных погребений IV—III вв. до н. э.

по поперечной оси, устанавливали в круглой яме в вертикальном положении, горловиной вниз. Вторая половина сосуда служила крышкой. В Дапнари засвидетельствован всего один случай, когда пифос был установлен горловиной вверх. Сравнительно позже, в III в. до н. э., появляются перепиленные вдоль продольной оси пифосы-гробы, уложенные горизонтально. Их различное положение не связано ни с полом погребенного, ни с его социальным статусом, а продиктовано скорее всего практическими соображениями. Пифосы эллинистического времени имеют более вытянутые формы (рис. 5), в такой горизонтально уложенный сосуд было гораздо удобнее класть покойника. В Дапнари в III в. до н. э. оба типа погребения сосуществовали. По дапнарским материалам, для погребальных целей чаще пользовались непригодными в хозяйстве пифосами. В них покойника укладывали в сильно скорченном положении (рис. 5). В Дапнари зафиксированы захоронения головой на запад, женщины на левом боку, мужчин на правом.

Состав погребального инвентаря четко отражает имущественное положение земледельцев-общинников. По обряду в погребение клали в основ-

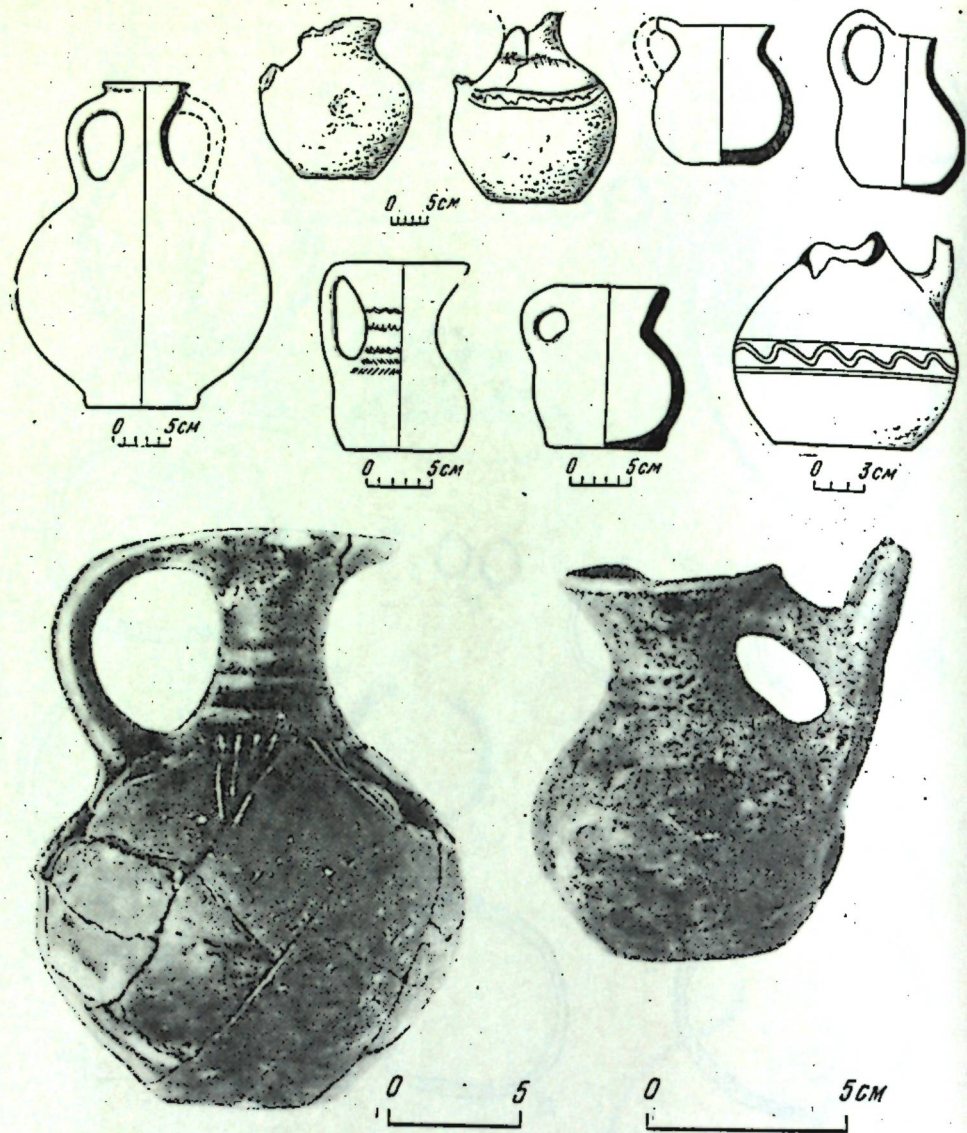

Рис. 7. Местная керамика из кувшинных погребений IV—III вв. до н. э.

пом те предметы, которыми усопшие пользовались при жизни. Это личные украшения (их носили как женщины, так и мужчины), изготовленные в основном из бронзы, железа и серебра (рис. 6); золото встречается весьма редко. Обычно у изголовья и у согнутых колен погребенного клали два-три сосуда (кувшинчики, горшки, чаши и др.). Они изготовлены на гончарном круге, лепные встречаются гораздо реже (рис. 7).

Монеты обнаружены в 13 кувшинных погребениях, их общее количество достигает 50 экземпляров. Преимущественно это «колхидки», служившие в качестве «оболов Харона». Они встречаются в погребениях IV и первой половины III в. до н. э. В кувшинных погребениях эллинистической эпохи появляются и импортные изделия: черполаковые канфалы, скифосы, бальзамарии, чаши и пр.

В Дашнари была обнаружена большая группа хорошо сохранившихся колхских пифосов, позволяющая проследить их эволюцию. Ранние образцы, среди которых вполне могут быть и изделия V в. до н. э., богато декорированы рельефными шевронами, вертикальными и горизонтальными поясками, палепами, елочным и другим орнаментом. Со временем де-

Рис. 8. Импортные керамические изделия из кувшинных погребений IV—III вв. до н. э.

кор колхских пифосов становится менее нарядным, а в эллинистическую эпоху почти исчезает, что связано с расширением их товарного производства. С этих пор на плечиках пифосов появляются разнообразные знаки мастеров. Колхские пифосы предназначались для хранения вина и других сельскохозяйственных продуктов; как мы видели, важное место отводилось им и в погребальных обрядах.

Для кувшинных погребений Дашнари, как и вообще для могильного инвентаря некрополей центральной Колхиды, характерным является разнообразие украшений. Они представлены бронзовыми браслетами, перстнями-печатками, серебряными гривнами, височными и ушными кольцами, серьгами, подвесками-колокольчиками и бусами (рис. 6). Преобладающая часть этих украшений изготовлена в Колхиде и свидетельствует о наличии довольно развитого художественного ремесла в стране. Основными потребителями этих изделий были представители средних слоев населения, в том числе и общинники-земледельцы.

Среди кувшинных погребений Дапнарского могильника выделяются сравнительно богатые погребения, в которых больше гончарных изделий, импортных вещей (рис. 8), монет, серебряных украшений, и относительно бедные, где обнаружено всего лишь по одному бронзовому украшению. Характерной чертой кувшинных погребений Дапнари является полное отсутствие оружия.

Погребальный инвентарь дапнарских кувшинных погребений не отличается от других синхронных археологических памятников Западной Грузии. Кувшинные погребения принадлежат общинникам, основным занятием которых было земледелие, виноградарство и виноделие.

¹ Кругликова И. Т. Исследование сельских поселений античных государств юга СССР. *Acta archaeologica*, XIV, 1962.

² Кизурадзе Н. Археологические раскопки в селении Дапнари.— В кн.: Археологические исследования в Грузии в 1969 году. Тбилиси, 1971, с. 182; Кизурадзе Н., Лордкипанидзе Г. Археологические исследования в Дапнари — АО 1969 г. М., 1970; Кизурадзе Н., Лордкипанидзе Г. Раскопки Дапнарского селища.— АО 1970 г. М., 1971; они же. Итоги исследования Дапнарского селища.— АО 1971 г. М., 1972.

Г. Ф. ДУНДУА

КЛАД РИМСКИХ МОНЕТ I — III ВВ. ИЗ с. ЭКИ

В конце января 1971 г. житель с. Эки (Цхакаевский р-н Грузинской ССР) Т. И. Нишуа с помощью бульдозера производил земляные работы на своем приусадебном участке. Внезапно его внимание привлек разбитый глиняный горшочек, в котором оказался плотно спрессованный комочек мелких металлических пластинок, покрытых окислами. Об этом было сообщено научному сотруднику мемориального музея М. Цхакая В. В. Циргвава. Благодаря настойчивости и энергии последнего неподалеку была обнаружена и вторая часть разбитого сосуда, также содержащая металлические пластинки.

После химической обработки выяснилось, что находка оказалась кладом римских серебряных монет I—III вв.¹ Необходимо подчеркнуть, что никогда еще на территории Грузии не был найден такой крупный клад иноземных монет античной эпохи.

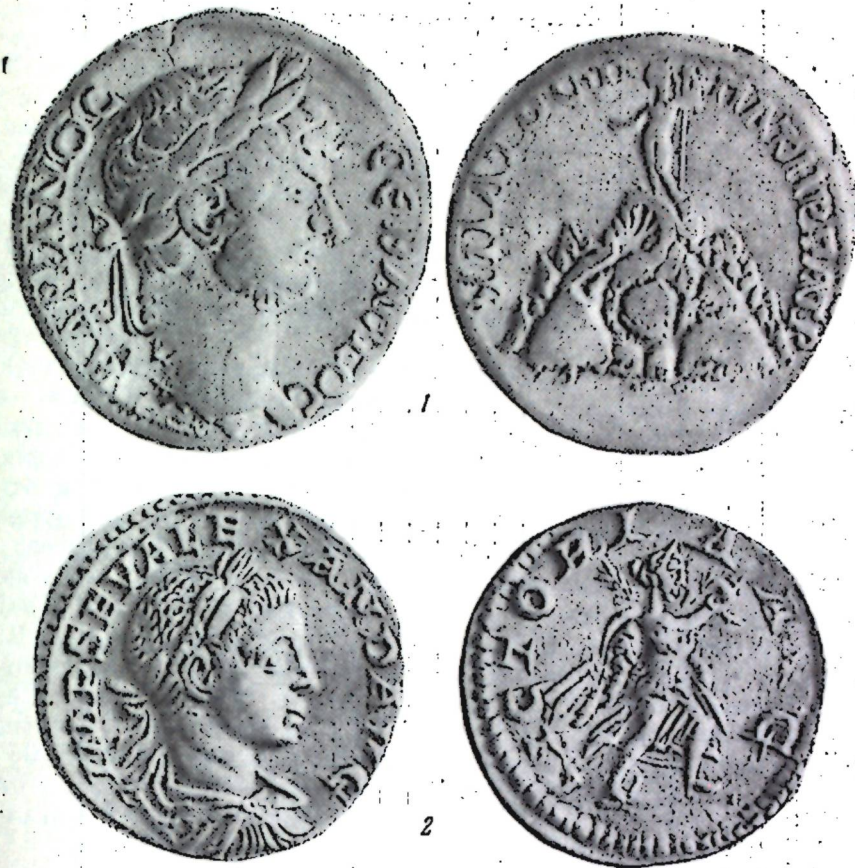
Состав клада отражен в таблице².

Самая поздняя монета клада чеканена от имени Александра Севера в 222 г. (рис., 2). Таким образом, клад зарыт в 222 г. или немного позже. Из 907 монет клада 771 — кесарийские дидрахмы, 712 из них чеканены при Адриане (рис., 1). 131 монета — римские денарии. Основная их часть (101 экз.) чеканена при Септими Севере главным образом на одном из восточных монетных дворов Римской империи (84 экз.), притом большинство (82 экз.) — в 194 г.

Чем интересен экинский клад и какими путями проник он на территорию Западной Грузии?

Хорошо известно, что располагавшееся в пределах современной Западной Грузии Лазское царство находилось в вассальной зависимости от Рима и административно входило в состав римской провинции Каппадокии. Лазских царей утверждал на престоле римский император³, и в приморских пунктах Лазии стояли римские гарнизоны⁴.

При просмотре нумизматического материала, найденного на территории древней Колхиды, становится ясным, что она была тесно связана

Монеты

1 — Адриан (117—138 гг.), дидрахма; 2 — Александр Север (222—235 гг.), денарий

с Каппадокией не только политически, но и экономически. До находки экинского клада в Западной Грузии были зарегистрированы находки более 500 кесарийских монет, датируемых I и в особенности II в. н. э.⁵ Такое обилие кесарийских монет на территории древней Колхиды закономерно, поскольку выпуск серебра в Кесарии Каппадокийской был очень значителен и фактически удовлетворял потребность в монете почти всей римской Малой Азии⁶. В этот единый экономический регион, как подтверждает нумизматический материал, входила и Колхида.

После Антонина Пия в Кесарии Каппадокийской резко сокращается выпуск серебряной монеты, и эта позднейшая кесарийская монета в Западной Грузии встречается сравнительно редко⁷. Но состав экинского клада показывает, что даже в 20-е годы III в. в экономической жизни Эгрисского царства ведущее место занимали кесарийские дидрахмы начала II в., выпущенные при Адриане. В этом заключается наряду с другими аспектами большая научная ценность экинского клада.

Кесарийское серебро завозилось в Колхиду, как показал К. В. Голенко, только морским путем⁸.

Как известно, с. Эки находится в районе, входившем в зону непосредственного воздействия столицы Лазского (Эгрисского) царства Археоплиса (Нокалакеви). На территории села находится крепость, которая наряду с другими крепостями, несомненно, сторожила подступы к Археоплису⁹. В этой же зоне в с. Сепиети (Абашского р-на) в 1931 г. был найден большой клад серебряных римских монет (около 400 экз.)¹⁰, позднейшая монета которого по всем признакам также чеканена в 222 г.

Список монет эвского клада

№ п/п	Правитель	Номинал			Монетные дворы							Всего	
		Денарий	Драхма	Дидахма	Рим	Кесарии	Один из восточных монетных дворов	Александрия?	Рим или Антиохия	Иарфия	Подражание кесарийской драхмы		
1	Ород I (57—38 гг. до н. э.)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
2	Нерва (96—98)	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1
3	Траян (98—117)	—	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	2
4	Адриан (117—138)	—	—	712	—	712	—	—	—	—	—	—	712
5	Антонин Пий (138—161)	—	—	55	—	55	—	—	—	—	—	—	55
6	Луций Вер (161—169)	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1
7	Коммод (180—192)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8	Пертинакс (193)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Нигер (193—197)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Септимий Север (193—211)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	Юлий Домна (193—217)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	Каракала (211—217)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	Гета (211—212)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	Элагабал (218—222)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15	Александр Север (222—235)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		131	5	771	27	774	98	5	1	1	1	1	907
Всего		131	5	771	27	774	98	5	1	1	1	1	907

Таким образом, зарытие сепиетского и эвского кладов, по-видимому, произошло в одно и то же время.

Синхронное захоронение двух таких крупных кладов серебряных монет позволяет предположить, что в 20-х годах III в. этим краям угрожала военная опасность, о которой письменные источники умалчивают. Это обстоятельство превращает названные клад в первостепенные исторические источники. Совпадение дат захоронения вряд ли носит случайный характер.

Состав сепиетского клада подтверждает, что на территории Лазского царства на смену кесарийским монетам приходят римские денарии, чешской империи преимущественно на провинциальных монетных дворах Римской империи.

Сопоставляя картину денежного обращения в опорных пунктах римских войск в Восточном Причерноморье (например, в Бичвинте — пыне Пинцунда, — материал которой в этом отношении хорошо изучен)¹¹ с обращением в районе Археополиса, можно заметить резкое отличие. В Бичвинте найдено 247 монет первой половины III в., подавляющее большинство их (191) — медные городские монеты Трапезунта. Отсюда можно сделать вывод, что денежное обращение городов Восточного Причерноморья стояло на более высоком уровне, чем обращение впутренних районов Западной Грузии, где в разменной монете, видимо, не пуждались.

В специальной литературе высказывалось мнение, что монеты сепиетского клада принадлежали солдатам римского гарнизона, квартировавшего в столице Лазского царства Археополисе¹². Но пребывание римского гарнизона здесь ничем не подтверждается¹³. По нашему мнению, монеты обоих кладов являются собственностью местного населения, получившего их в результате крупных торговых сделок с командованием римского гарнизона, стоявшего в Фасисе.

¹ Предварительное сообщение об этом кладе см.: Дундуа Г. Ф. Скрытая под землей история. — Газ. «Коммунист», 16.II 1971 (на груз. яз.); Дундуа Г. Ф., Циргвава В. В. Клад из с. Эки. — «Дзеглис Мегобари», 1971, № 27-28, с. 42—45, 108 (на груз. яз. с русск. резюме); Дундуа Г. Ф. Бескорыстный деятель. — Там же, с. 87—88, 113—114; он же. Клад из с. Эки. — В кн.: XV Научная конференция института археологии, посвященная 50-летию утверждения Союзу Радянских Социалистических Республик. Тезисы пленарных и секционных доповідей. Одеса, 1972, с. 272—273.

² При атрибуции монет мы опирались на следующие работы: Sydenham E. A. The Coinage of Caesarea in Cappadocia. London, 1933; Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. London, IV, 1940; V, 1951; Carson R. A. G. Coins of the Roman Empire in the British Museum, VI. London, 1962.

³ Например, Флавий Арриан сообщает, что царь Лазики получил власть от Адриана (Arr. Periopl., 11).

⁴ Подробно об этом см.: Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 363—375; Очерки истории Грузии, т. I. Тбилиси, 1970, с. 537—558 (на груз. яз.); Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964, с. 23; Ломоури И. Ю. История Эгрисского царства (с возникновения до V в. н. э.). Тбилиси, 1968, с. 5—29 (на груз. яз.); здесь же указана литература.

⁵ Ивашенко М. М. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской. — ИГАНМК, 1931, т. VII, вып. 10; Голенко К. В. Указ. соч., с. 24, 63—72, № 14—34; Ломоури И. Ю. Указ. соч., с. 59—60.

⁶ Голенко К. В. Указ. соч., с. 24.

⁷ Там же, с. 28.

⁸ Там же, с. 25—26.

⁹ Лекавадзе В. А. Монументальные памятники Западной Грузии I—VII вв. (автор. реф. дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук). М., 1973, с. 34.

¹⁰ Макалатия С. И. Сепиетский клад римских монет. — ВГМГ, 1944, II — В (на груз. яз. с русск. и англ. резюме). В ближайшем будущем мы намерены пореиздать этот интересный клад.

¹¹ Подробно см.: Дундуа Г. Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинты по нумизматическим данным во II в. до н. э. — IV в. н. э. — В кн.: Великий Питиунт, I. Тбилиси, 1975 (на груз. яз. с русск. резюме).

¹² Макалатия С. И. Указ. соч., с. 218.

¹³ Ломоури И. Ю. Указ. соч., с. 61.

КОЛХИДСКИЕ АМФОРЫ ИЗ ВАНИ

О возможном производстве амфор эллинистического периода в Колхиде Б. А. Куфтиним было высказано предположение еще в 1950 г.¹, но за неимением достаточного материала он не смог выделить местную группу.

В 1952 г. К. И. Бердзенишвили изучила группу остродонных амфор позднеантичного периода (с перехватом посередине тулова) и на основании широкого распространения этих амфор в Западной Грузии и сходства состава глины с местной (глина из дельты р. Супса) признала их колхидскими. Она же высказала предположение, что амфоры этого типа изготовлялись ранее IV в. н. э.²

В 1955 г. Н. В. Хоштариа об этих же амфорах писала: «...невозможно еще решить, в условиях слабой изученности вообще керамики античного периода восточного побережья Черного моря, интересующие нас амфоры связаны только с какой-то частью восточного побережья Черного моря, например южной, в пределах Грузии, или же со всем восточным побережьем, включая и восточное побережье Крыма, где уже известны находки таких амфор?»³

Рассматривая амфоры эллинистического периода из коричневой глины, О. Д. Лордкипанидзе отметил, что колхидское производство этих амфор подтверждается не только их исключительной многочисленностью и широким распространением по всей Колхиде, но и тождественностью знаков на ручках и горлах этих амфор, нанесенных на сырой глине до обжига, со знаками, которые встречаются на колхидских пифосах. О местном производстве этой группы амфор свидетельствуют также исследования минералогического состава глины, оказавшейся сходной с глиной определенной группы местной керамики (пифосы, толстостенные миски, глиняная крышка)⁴.

В 1966 г. в Вани были найдены амфоры из коричневой глины в комплексе I в. до н. э. Они имели перехват посередине тулова, чем напоминали амфоры IV в. н. э. Создалось мнение, что позднеантичные амфоры с перехватом изготовлены в том же центре, что и эллинистические амфоры из коричневой глины, и являются развитием их формы⁵.

Из амфор эллинистического времени, найденных в Кобулети-Пичвнари, А. Ю. Кахидзе выделил, учитывая весь накопленный материал, два типа колхидских амфор⁶.

Позднее появились и другие доказательства местного производства этих амфор: в Вани была найдена амфора из коричневой глины, поверхность которой обработана таким же способом, каким обрабатывались колхидские пифосы, — инструментом, оставляющим на поверхности глины мелкие горизонтальные и вертикальные бороздки (рис. 1).

Амфоры, которые исследователи называют амфорами из коричневой глины⁷, довольно разнообразны и бытуют достаточно долго. Новые находки знакомят нас с разными формами их⁸. Становится ясно, что нельзя считать их все изготовленными в одном месте, хотя у них есть и общие черты. Мы согласны с Н. А. Онайко, что нельзя сравнивать амфоры первых веков нашей эры из северо-западного Крыма с ванскими амфорами эллинистического времени и что это скорее всего два разных типа керамической тары⁹. Надо полагать, что дальнейшее изучение амфор первых веков нашей эры даст возможность окончательно определить их происхождение.

Целью нашей статьи является публикация амфор из Вани, которые по вышеуказанным признакам мы считаем колхидскими.

Колхидские амфоры в Вани появляются уже в середине IV в. до н. э. Среди амфор, найденных в погребении знатного воина, раскопанном в

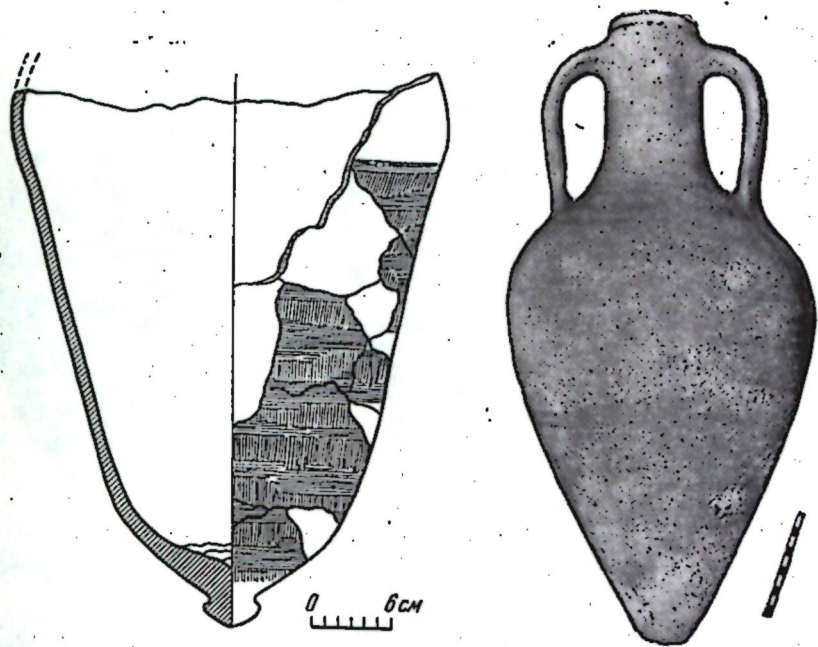

Рис. 1. Колхидская амфора

Рис. 2. Колхидская амфора из погребения знатного воина (IV в. до н. э.)

Вани в 1969 г., две являются колхидскими. Весь этот комплекс, как известно, хорошо датируется началом второй половины IV в. до н. э.¹⁰ По нашему мнению, колхидские амфоры из этого погребения — самые древние среди известных нам целых колхидских амфор. У них цилиндрическое горло с небольшим венчиком, отогнутым наружу, ручки овальные в сечении, стенки сосуда толстые, с гладкой поверхностью, корпус яйцевидный (рис. 2). У одной амфоры ножка отбита, у другой она сохранилась частично. На внутренней поверхности дна имеется характерный для амфор из коричневой глины спиралевидный завиток.

Колхидские амфоры постепенно становятся менее массивными. Их целые экземпляры начала III в. до н. э. найдены в с. Даблагоми (Самтредский р-н, недалеко от Вани)¹¹. Во II—I вв. до н. э. корпус колхидских амфор несколько удлиняется, появляется слабо выраженный перехват посередине тулова, горло становится чуть одутловатым, стенки сосуда тоньше, спиралевидный завиток на дне остается неизменным.

Как известно, транспортировка амфор по суше была сопряжена с большими трудностями. Их перевозили в повозках, связывая верхние и нижние части. Это позволяло грузить одновременно лишь небольшое число сосудов. Надо полагать, что колхидские амфоры перевозили, особенно в горные районы, на лошадях или переносили на спинах пешеходы. Перехват на тулове амфоры требовался для веревки, при помощи которой сосуд переносился на спине. Таким образом, изменение формы амфор происходит с учетом способа их транспортировки применительно к местным условиям.

Особенно возрастает число колхидских амфор в ванском археологическом материале во II—I вв. до н. э. Раскопано несколько комплексов, где встречаются исключительно колхидские амфоры. У городских ворот в маленьком святилище у алтаря были найдены 23 местных сосуда с приношениями, пять из них являются колхидскими амфорами (рис. 3). Две амфоры были наполнены просом. В другом святилище (так называемое святилище с мозаичным полом) найдено около 40 колхидских амфор и их

Рис. 3. Амфоры с приношениями из святилища у городских ворот

одной импортной; святилище разрушено в середине I в. до н. э. Целый склад колхидских амфор раскопан в Вани в 1970 г., некоторые из них восстановлены. Среди них находится и вышеупомянутая амфора с характерной обработкой поверхности (рис. 1).

Чтобы иметь представление о количественном соотношении находок местных и привозных амфор, можно назвать случай (раскопки Ванской экспедиции 1974 г.), когда среди многочисленного керамического материала из культурного слоя II—I вв. до н. э. (площадь 222) с площади в 60 кв. м содержалось 49 ножек колхидских амфор и три ножки привозных (две родосские и одна неизвестного центра).

Колхидские амфоры, которые встречаются в Вани в таком большом количестве и в одновременных комплексах, не совсем однородны. Между ножки двух разных типов встречаются синхронно), в обжиге, в оттенках глины. Таким образом, нельзя говорить о стандартизации их формы. Не исключено, что они изготовлялись в разных мастерских, часть которых могла располагаться в окрестностях Вани.

Примечательно, что на городище Вани раскопана керамическая печь раннефеодалного периода, в которой обжигались небольшие пифосы, составом глины напоминающие колхидские амфоры.

- ¹ Куфтин В. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, с. 84.
- ² Работа К. И. Бердзенишвили «К вопросу о колхидских амфорах», к сожалению, не была напечатана, доклад был зачитан в 1952 г. на заседании отдела археологии Института истории АН Грузинской ССР.
- ³ Хоштария Н. В. Археологическое исследование Уреки.— В кн.: Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. I. Тбилиси, 1955, с. 61.
- ⁴ Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, с. 173 (на груз. яз. с русск. резюме).
- ⁵ Пугуридзе Р. В. Колхидские амфоры эллинистического и позднеантичного времени.— В кн.: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР. Тбилиси, 1971, с. 197.
- ⁶ Кахидзе А. Ю. Керамическая тара из Пичинарского городища античного времени.— В кн.: Памятники юго-западной Грузии, II. Тбилиси, 1971, с. 56—61 (на груз. яз. с русск. резюме).
- ⁷ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора (МИА, № 83). М., 1960, с. 108.
- ⁸ Михлин Б. Ю. Амфоры «коричневой» глины из северо-западного Крыма.— СА, 1974, № 2, с. 60—68.
- ⁹ Виноградов Ю. Г., Онайко И. А. Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время.— СА, 1975, № 1, с. 88.
- ¹⁰ Лордкипанидзе О. Д., Пугуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкониа А. М. Археологические раскопки в Вани в 1969 г.— В кн.: Вани, I. Тбилиси, 1972, с. 202—213 (на груз. яз. с русск. резюме).
- ¹¹ Толордава В. А. Археологические раскопки в Даблагоми.— В кн.: Полевые археологические исследования в 1972 году. Тбилиси, 1973, с. 71 (на груз. яз.).

Н. Н. МАТИАШВИЛИ

АФИНЫ И КОЛХИДА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В статье рассматривается характер взаимоотношений Афин с Колхидой в эллинистическую эпоху на основании изучения аттической керамики с городищ Вани, Очамчире, Сухуми.

Аттическая керамика на этих памятниках представлена обломками рыбных блюд, полусферических чаш, тарелок и канфаров. Для нее характерны хорошо отмученная глина, желтовато-коричневый черепок, блестящий, равномерно нанесенный лак, четкая профилировка, тщательно выполненный орнамент, процарапанные полосы у края сосуда и у ножки.

Часть этой керамики по параллельным материалам с афинской агоры, из Аптиохии на Оронте, из Тарса датируется первой половиной III в. до н. э. Группа эта малочисленна, объединяет всего лишь несколько десятков экземпляров; в частности, сюда входят рыбные блюда с плоским дном, глубоким углублением в центре и выцарапанными желобками у края¹, плоскодонные тарелки, украшенные штампованными пальметками и насечками², полусферические чаши³ и канфары со ступенчатыми подставками (рис. 1, б)⁴. К этому же времени относится несколько фрагментов художественной керамики, обнаруженных только в Вани. Это канфар, украшенный фризом из вписанных друг в друга квадратов, поме-

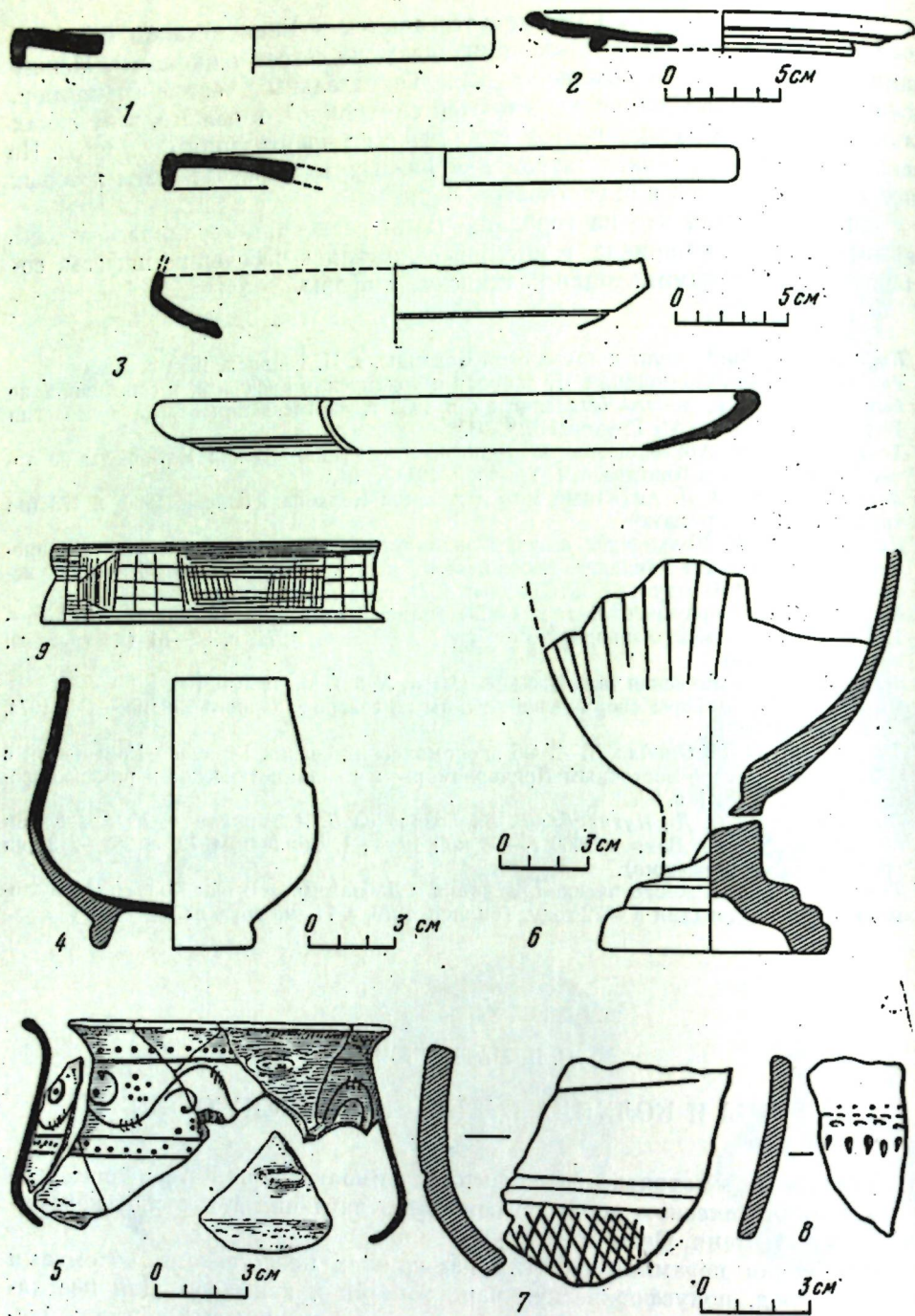

Рис. 1. Аттическая керамика с поселений Колхиды

1 — рыбные блюда; 2 — чернолаковая тарелка; 3 — буролаковые тарелки; 4, 5 — расписанные канфары; 6 — буролаковый канфар; 7, 8 — фрагменты расписных сосудов

ценным между двумя врезными желобками, и маленький фрагмент стенки сосуда, на котором сохранилась часть фриза в виде подвесок, нанесенных накладной белой краской.

Другая группа аттической керамики еще более малочисленна. Она объединяет несколько экземпляров простой буролаковой и художественной керамики. Из буролаковой керамики следует отметить обломки неглубоких тарелок, обнаруженные в Вани, и канфар с неравномерно расположенными каннелюрами из Очамчире. Эти сосуды по характеру лака и

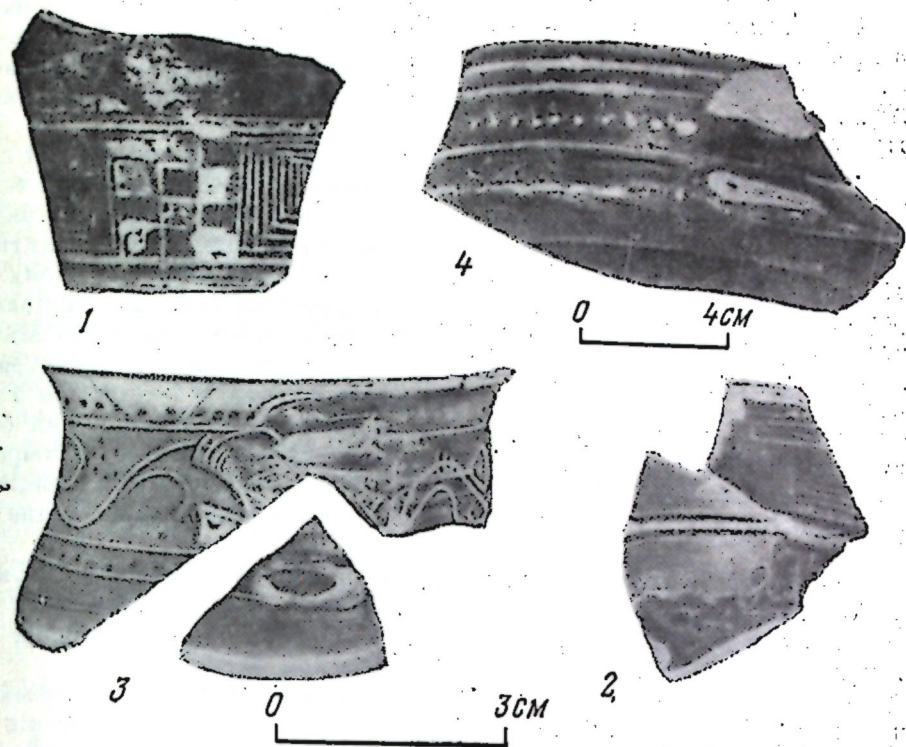

Рис. 2. Сосуды из Вани

1—3 — фрагменты расписных канфаров; 4 — обломок расписной чаши

по форме относятся к рубежу II—I вв. до н. э.⁵ Художественная керамика этого времени обнаружена только в Вани. Она представлена обломками кубков, украшенных накладным и выцарапанным орнаментом. Один из них принадлежит буролаковому канфару на низкой подставке со слегка расширенным книзу туловом, украшенному фризом из чередующихся вписанных друг в друга прямоугольников и шахматной доски (рис. 2, 1); другой — чернолаковому канфару с орнаментом в виде стилизованной гирлянды из плюща (рис. 2, 3). Из других образцов примечателен фрагмент чаши с накладным точечным орнаментом (рис. 2, 4) и несколько обломков, украшенных ромбами или подвесками.

Рассмотренная керамика находит аналогии среди материалов цистерны Е на афинской агоре⁶ и, следовательно, датируется рубежом II—I вв. до н. э. Такой датировке соответствуют и характер орнамента (упрощение и стилизация рисунка, небрежное его исполнение, применение выцарапанного орнамента), и отдельные детали профилировки (форма стенок и подставки).

На основе рассмотрения описанной керамики можно наметить два периода во взаимосвязях Афин с Колхидой в эллинистическое время.

Первый период охватывает первую половину III в. до н. э. В это время из Аттики в Колхиду ввозится столовая и художественная керамика, хотя и в несравненно меньшем количестве, чем в предыдущую эпоху. Уменьшение аттического импорта в Колхиду в эллинистическую эпоху объясняется не только потерей Афинами приоритета в понтийской торговле, но и кризисом, охватившем в конце IV — начале III в. до н. э. весь эллинистический мир. Следствием последнего было общее ослабление торговых взаимоотношений⁷. В связи с этим следует отметить, что изделия и других традиционных греческих торговых-ремесленных центров — Фасоса, Хиоса, Гераклеи — засвидетельствованы в Колхиде в таком же малом количестве.

К ИЗУЧЕНИЮ КОЛХИДСКОГО ЗЛАТОКУЗНЕЧЕСТВА

С середины III в. до н. э. до рубежа II—I вв. до н. э. аттический импорт на территории Колхиды совсем не отмечается. Это обстоятельство обусловлено двумя моментами: обострением экономического кризиса в Афинах¹ и началом господства новых торгово-ремесленных центров в Причерноморье.

Новый этап во взаимоотношениях Афин с Колхидой начинается с рубежа II—I вв. до н. э. Археологический материал, обнаруженный в различных пунктах Колхиды, свидетельствует о возрождении торговли с Афинами, что, по-видимому, было обусловлено экономической политикой Митридата Евпатора. Как известно, в процессе осуществления своих широких политических замыслов он большое значение придавал торговле и всячески способствовал ее развитию. Однако заинтересованность Митридата в связях с Афинами имела и политическую основу. Несмотря на потерю былой славы, Афины все еще занимали особое положение в греческом мире. Поэтому дружеские взаимоотношения с ними имели большое значение для создания Митридату авторитета в Греции. А доброжелательная позиция Афин зависела от экономической поддержки со стороны Митридата, что в первую очередь подразумевало расширение торговли.

По-видимому, Митридат всячески поощрял торговые операции афинян в Колхиде. Примечательно, что как раз к этому времени относится возрождение экономики Афин. Аттическая керамика и монеты рубежа II—I вв. до н. э. известны во всем восточногреческом мире.

Доказательством расширения причерноморско-афинских торговых отношений является проникновение синопской клейменной тары на о-в Делос, являвшийся центром для торговых операций Афин в позднеллинистическую эпоху, и обнаружение некоторых делосских эпиграфических памятников, в которых упоминаются синопские и амисские граждане. В этом отношении представляют интерес и найденные на Делосе посвященные надписи афинских граждан Митридату и надписи, в которых афиняне названы друзьями царя Понта². Следует отметить и обнаружение афинских тетрадрахм «нового стиля» конца II в. до н. э. в Причерноморье, в том числе в Вани и в Сухуми³. Исходя из вышесказанного существование афинско-колхидских торговых отношений в эпоху Митридата представляется нам вполне возможным.

Что касается характера этих взаимосвязей, то можно предположить, что основные операции осуществлялись через Синоп, хотя не исключено и установление Афинами прямых торговых взаимоотношений с Причерноморьем, в том числе и с Колхидой.

Таким образом, обнаружение аттической керамики эллинистической эпохи в Колхиде свидетельствует об определенной роли Афин в торговых связях страны. Однако характер этих взаимоотношений и, следовательно, объем аттического ввоза сюда был обусловлен уже не мощью самих Афин, а международной ситуацией.

¹ Ср.: Waage O. Hellenistic and Roman Tableware of North Syria.— In: Antiochos on Orontes, IV. Princeton, 1948, p. 7, tab. I; Jour F. F. The Pottery Tarsus (excavations at Cözlu Kule).— In: Tarsus. Princeton, 1950, I, p. 212; II, fig. 120 (23); Белов Г. Д. Эллинистический дом в Херсонесе.— ТГЭ, 1962, VII, с. 179.

² Thompson H. Two Centuries of Hellenistic Pottery.— «Hesperia», 1934, III, p. 434.

³ Ibid., p. 317; Tarsus, II, fig. 119 (3), 121 (51, 65); Waage O. Op. cit., tab. II, 13—17.

⁴ Thompson H. Op. cit., p. 431; Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, с. 77, рис. 74.

⁵ Thompson H. Op. cit., p. 434; Waage O. Op. cit., p. 12.

⁶ Thompson H. Op. cit.

⁷ Heichelheim F. M. An ancient economic history, III. Leyden, 1970, p. 340.

⁸ Day J. An economic history of Athens under Roman domination. New York, 1942. См. рецензию Я. А. Ленцмана: ВДИ, 1947, № 3, с. 123—129.

⁹ Максимова М. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, с. 240 и сл.

¹⁰ Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970, с. 105.

На Ванском городище открыты многочисленные памятники древнего златокузнечества. Они представляют собой богатейший материал для изучения художественной культуры античной Колхиды. Многочисленность и своеобразие художественных форм, техническое и стилистическое единство золотых и серебряных изделий с Ванского городища свидетельствуют о существовании в античной Колхиде высокоразвитой профессиональной школы златокузнечества. Кроме самих памятников, наличие местного художественно-ремесленного центра подтверждают письменные источники, обилие местного сырья — золота, этнографические данные, традиции художественной обработки металла.

Письменные источники указывают на существование, а иногда и на способ добычи золота в древней Колхиде.

В эпитафии колхидского царя Аэта, по традиции приписываемой Ари-стотелю, Колхида названа «златообильной»¹. Должно быть, не случайно, по поэтическим представлениям, в Колхиде, в городе Аэта, стремительные лучи Гелиоса покоятся в золотом помещении (... χρυσέφ κείαται ἐν θαλάμῳ)². В античной художественной литературе колхидянка Медея, дочь царя Аэта, часто окружена золотыми предметами (это подчеркивает также ее высокое происхождение): Медея готовит лекарства в золотых котлах, посылает золотой венок коринфской царице³; преподносит золотую чашу Тритону⁴.

По сообщению Плиния, Савлак, потомок Аэта, раздобыл в своей стране много золота и серебра⁵. Страбон писал о богатстве Колхиды золотом и серебром, ставшем причиной похода аргонавтов⁶.

Один из популярнейших греческих мифов о золотом руне и походе аргонавтов связывается со способом добычи золота в Колхиде. На это указывали и античные авторы, описывая добычу золота в золотоносных реках Колхиды при помощи овечьих шкур, что легло в основу мифа о золотом руне (Страбон⁷, Аппиан⁸). Этот способ добычи золота был широко распространен в древнем мире⁹, и, по мнению Плиния, добытое таким образом золото было наиболее совершенным¹⁰.

Подтверждение сведений античных писателей о золоте Колхиды находится в этнографических материалах Сваветии (горный район исторической Колхиды)¹¹. Свавы до недавнего времени добывали золото в реках при помощи овечьих шкур: натянутую на доску или же расплавленную каким-либо другим способом шкуру, шерстью обращенную кверху, помещали в реку. Шерсть удерживала частицы золота, которые вытряхивали после просушки шкуры¹². По сохранившимся устным преданиям, в горах Сваветии стояло святилище с подземными кладовыми, где хранились золотые сокровища и привязанный золотой цепью золотой баран¹³.

О существовании и добыче золота в Западной Грузии свидетельствуют также авторы нового времени. Ламберти (XVII в.) указывал на добычу золота в Одиши (Мингрелия). По сведению Рейнегса, в конце XVIII в. золото добывали в долине Гиппиуса (Цхенисцкали), а по замечанию Гамба — в районе Сухуми. Дюбуа де Монпере пишет, что реки Сваветии золотоносны и что там и в XVIII в. золото добывалось способом «промывания песка»¹⁴.

Многие ученые прошлого столетия и начала XX в. обращались к вопросу о наличии золота в древней Колхиде и к мифу об аргонавтах¹⁵. Показательно, что Колхида считается «классической страной золота»¹⁶. При рассмотрении известных центров добычи золота в древности в новей-

ших исследований упоминается и Колхида¹⁷. Геологические изыскания в Сванети подтверждают существование золота, что еще раз указывает на возможность его добычи в древности¹⁸.

Сегодня без колебаний можно утверждать, что колхидское златокузнечество развивалось на основе местного сырья¹⁹. Древние традиции художественной обработки металла, великолепные образцы культуры колхидской бронзы²⁰ имели огромное влияние на формирование колхидского златокузнечества.

На протяжении ряда лет накопились интересные археологические материалы, подтверждающие наличие в древней Колхиде, в частности в Вани, местной златокузнечной школы. В Вани, в богатых погребениях раннеантичного периода (погребения 6 и 11), среди золотых и серебряных украшений и утвари были найдены золотые слитки²¹, которые свидетельствуют о местном изготовлении золотых предметов и обилии золота²².

Среди случайных находок на Ванском городище особый интерес вызывают материалы, относящиеся к производственному процессу художественной обработки золота: небольшой слиток, «капельки» золота (№ В—61:658), обрезки пластинок (№ В—48:84, 07:1—73:557), заготовки в виде проволоки (№ В—61:658; В—71:1)²³, фрагменты неиспользованных штампованных пластинок (№ В—59:16).

Эти важные данные, как уже отмечалось, свидетельствуют о том, что на территории древнего Вани существовали мастерские по художественной обработке золота. Найденные здесь золотые изделия, уникальные по своей художественной ценности, не уступают лучшим образцам златокузнечества того времени. Вани с полным основанием можно поставить в ряд с известными центрами златокузнечества древнего мира²⁴.

¹ Урушадзе А. В. Древняя Колхида в сказании об аргонавтах. Исследование. Греческие тексты с грузинским переводом и примечаниями. Тбилиси, 1964, с. 293—294.

² См.: Урушадзе А. В. Указ. соч., с. 202 (Νάυω).

³ См.: Урушадзе А. В. Указ. соч., с. 236 (Гипотесис «Меден» Еврипида).

⁴ См.: Урушадзе А. В. Указ. соч., с. 301 (Ликофрон. Александра, 886—890).

⁵ Plinii, NH, XXIII, 52; SC, II, 1, p. 197—198.

⁶ Strabo, I, 2, 39; Каухчишвили Т. С. География Страбона. Сведения о Грузии. Тбилиси, 1957, с. 70—71.

⁷ Strabo, XI, 2, 19; Каухчишвили Т. С. Указ. соч., с. 126.

⁸ App., Mithr., 103; Анниан. Митридатовы войны. Издание текста, перевод Т. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1959, с. 199.

⁹ Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, с. 351; Coche de la Ferté E. Les bijoux antiques. Paris, 1956, p. 5, 7. Плиний (NH, XXXIII, 4, 21) описал три способа добычи золота: в реках, шахтах и штольнях (см.: Плиний Старший. Вопросы техники в Naturalis Historia.— ВДИ, 1946, № 3, с. 289, 290—291). Второй способ добычи золота подробно описывается греческим географом Агартархидом (см.: Эллинистическая техника. М.—Л., 1948, с. 18—21). О разных способах добычи золота см.: Blümner H. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, IV. Leipzig, 1887, S. 111, ff.

¹⁰ Plinii, NH, XXXIII, 4; Плиний Старший. Вопросы техники в Naturalis Historia, с. 289. Влюмнер это считал ошибочным (Blümner H. Op. cit., S. 111—112).

¹¹ Бочоришвили Л. Златокузнечество в Сванети.— «Сообщения АН Грузинской ССР», 1946, т. 7, № 5, с. 285. На реальность сведений античных писателей указывает также работа неизвестного автора XIX в. «Условия местонахождений золота в долине рр. Ингури и Риони» (см.: Кочлавашидзе А. И. Развитие горнометаллургической промышленности Грузии в XIX веке. Тбилиси, 1962, с. 258—260 (на груз. яз.). Поллиси, 1966, с. 114—116 (на груз. яз.).

¹² Л. Эчисон предполагает, что древние золотоискатели, использовавшие во время добычи золота шкуры, сжигали их с целью отделить золото от шерсти (Attchison L. A History of Metals, I. London, 1960, p. 168).

¹³ Бочоришвили Л. Указ. соч., с. 287—288.

¹⁴ Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus 1796—1797, II, [S. l., s. a.], S. 138. Gamba. Voyage dans la Russie méridionale etc, fait 1820 à 1824, I. Paris, 1826, p. 85; Dubois de Montpreux F. Voyage autour du Caucase, II. Paris, 1839, p. 18.

¹⁵ Hülmann K. D. Handelsgeschichte der Griechen. Bonn, 1839, S. 150; Lenormant F. Les premières civilisations, Etudes d'histoire et d'archéologie, I. Paris, 1874, p. 117; Ronchard L. de Aurum.— DAGR, t. I, pt. 1. Paris, 1877, p. 574; Blümner H. Op. cit., S. 16; nos, I. Paris, 1901, p. 779—780.

¹⁶ Ronchard L. de. Op. cit., p. 575.

¹⁷ Coche de la Ferté E. Op. cit., p. 5, 8, fig. 1; Higgins R. A. Greek and Roman Jewellery. London, 1962, p. 3.

¹⁸ Джанашиа С. И. История Грузии с древнейших времен до XIII века.— Труды, II. Тбилиси, 1952, с. 413 (на груз. яз.); Горцидзе М. Сказание об аргонавтах и золото Золото Кавказа.— ИГАИМК, 1935, вып. 110, с. 162 и сл.

¹⁹ Акад. Е. Такайшвили, первый исследователь ванских древностей, предполагал, что найденные в Вани золотые украшения изготовлялись на месте, используя местное сырье (Такайшвили Е. Археологические путешествия и заметки. Тифлис, 1907, с. 5—6 (на груз. яз.)). Аналогичное мнение высказывалось им о подражаниях монетам Лисимаха (Такайшвили Е. Археологическая экспедиция 1910 г. в Лочхум—Сванети. Париж, 1937, с. 436 (на груз. яз.)).

²⁰ Коридзе Д. Л. К истории колхидской культуры. Тбилиси, 1965, с. 66—74 (на груз. яз.).

²¹ Хоштария Н. В., Пугуридзе Р. В., Чкониа А. М. Итоги археологических работ, проведенных в 1961—1963 гг. в северо-восточной части Ванского городища.— В кн.: Вани, I. Тбилиси, 1972, с. 116, рис. 54 (на груз. яз.); Лордкипанидзе О. Д., Пугуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкониа А. М. Археологические раскопки в Вани в 1969 г.— Там же, с. 226.

²² Хоштария Н. В. Археологические раскопки в Вани.— В кн.: Кавказско-ближневосточный сборник, II. Тбилиси, 1962, с. 69; Хоштария Н. В., Пугуридзе Р. В., Лордкипанидзе О. Д. Археологические открытия в Вани.— «Сабчота хеловнеба», 1968, № 1, с. 40 (на груз. яз.).

²³ Обычно золотых дел мастер пользовался заготовками, что иногда можно проследить и на украшениях Ванского городища. Ср.: Hoffmann H., Davidson P. F. Greek Gold. Jewelry from the Age of Alexander. Mainz a. Rhein, 1965, p. 36.

²⁴ Amandry P. Orfèvrerie achéménide.— AK, I, 1, 1958, p. 18.

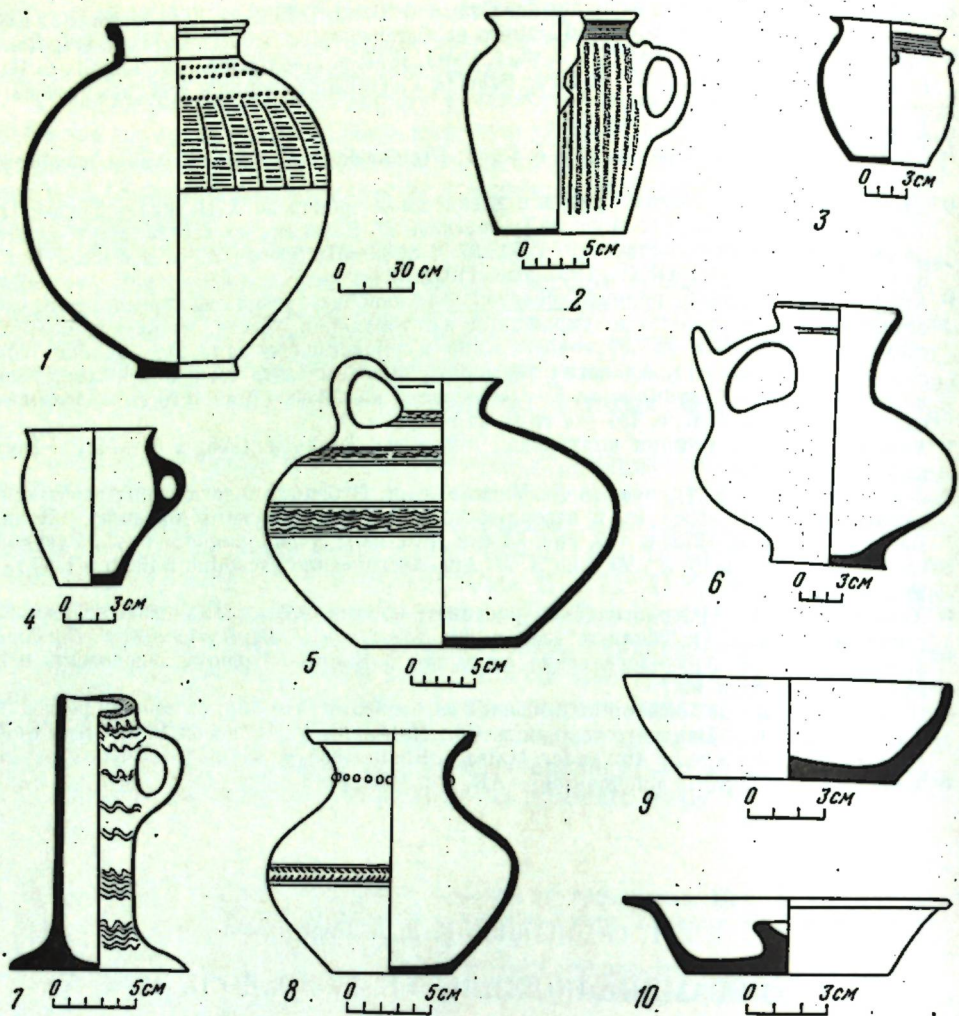
Е. Г. ГИГОЛАШВИЛИ, Д. Д. КАЧАРАВА

КЕРАМИКА КОЛХИДЫ VI—IV ВВ. ДО Н. Э.

Одной из важнейших проблем археологии Грузии античной эпохи является вопрос о воздействии греческой культуры на местную, колхидскую. Мы постарались определить степень греческого влияния на один из основных компонентов материальной культуры Колхиды VI—IV вв. до н. э. — на керамическое производство.

Керамические изделия представляют собой наиболее массовый материал, добытый при археологических раскопках памятников рассматриваемого времени на территории Колхиды. В них легко выделяются две основные группы: местная и импортная керамика, причем преобладает продукция местных гончаров. Керамические сосуды колхидского производства встречаются повсеместно¹; вряд ли найдется поселение или могильник интересующей нас эпохи, в котором местная керамика не была бы представлена если не всеми, то хотя бы несколькими основными формами. Следует отметить также и то, что ведущие типы керамики одинаково характерны как для приморской полосы, так и для внутренних районов Колхиды.

Колхидская керамика VI—IV вв. до н. э. характеризуется разнообразием, изяществом и оригинальностью форм и декора; в основной массе она черного обжига; встречаются также сероглиняные, реже красноглиняные сосуды; обжиг хороший, равномерный; глина с примесью, плохо отмучена. Сосуды украшены главным образом геометрическим орнаментом (волнистые линии, треугольники, ромбическая сетка, слочный и плетеный орнамент, насечки и др.); реже встречаются изображения

Основные формы колхидской керамики VI—IV в. до н. э.

1 — кувери; 2, 3 — горшки; 4, 7 — сосуды для питья; 5, 6 — кувшины; 8 — ваза; 9 — миска; 10 — крышка от горшка

животных и фантастических существ (в основном на пифосах); часто поверхность сосудов залощена².

По функциональному назначению среди изделий колхидских мастеров-гончаров можно выделить следующие основные группы: сосуды хозяйственного назначения, столовая и кухонная посуда.

Одной из наиболее характерных и широко распространенных форм хозяйственных сосудов являются так называемые кувери (рис., 1) — толстостенные (до 2 см) сосуды больших размеров типа пифосов (диаметр более 1 м), употреблявшиеся для хранения разных продуктов (злаки, вино, масло, мед и др.). Разбитые пифосы применялись для захоронений³ (нижними слоями общества). Факт обнаружения колхидских пифосов в Северном Причерноморье (Паптикапей, Нимфей, Мирмекий)⁴ свидетельствует о том, что они иногда служили и тарой при транспортировке продуктов. Обычно пифосы имеют хорошо профилированный венчик, тулово смоквообразной формы, плоское дно. Поверхность, как правило, богато украшена — венчик украшен геометрическим узором (волнистые линии, ромбическая сетка, насечки, перекрещивающиеся линии, елочный орнамент, точки и др.), нанесенным гребешчатым штампом; тулово же обычно покрыто крупной горизонтальной штриховкой, поверх

которой налеплены рельефные вертикальные, иногда и горизонтальные валики (ребра), расходящиеся лучеобразно. В редких случаях стенки украшены подковообразными рельефными палепами. На некоторых сосудах встречаются графические изображения различных животных⁵. Интересно представляется тот факт, что стилистически эти изображения него железа⁶. Со временем орнамент упрощается и в эллинистическую эпоху совсем исчезает. Прототипами рассмотренной формы сосудов считаются большие глиняные сосуды, производство которых началось еще с эпохи неолита⁷.

К керамике хозяйственного назначения принадлежат также так называемые дерги — горшки больших размеров. Сосуды этого типа чаще всего являются повторением пифосов как по форме, так и по украшению венчика и тулова, но они меньшего размера. Другой вариант дерги напоминает горшки: слегка утолщенный венчик отогнут наружу, горло высокое, цилиндрическое, тулово суживается книзу; дно плоское⁸.

Кухонная керамика представлена разнообразными горшками. Среди них встречаются глубокие горшки с плоским дном, округленным туловом, невысоким горлом, слегка отогнутым паружу венчиком. Стенки этих горшков обычно покрыты вертикальными лощеными полосками. Иногда полосы перекрещиваются и образуют сетку. Слабо выраженные плечики украшены врезными линиями (рис., 2). Распространены также горшки с гладкой поверхностью, украшенные лишь горизонтальными линиями на плечиках⁹. Иногда вместе с горшками зафиксированы и крышки (рис., 10). Есть и горшки малых размеров — так называемые кочоби¹⁰ (рис., 3).

Среди кухонной керамики установлена еще одна своеобразная форма, представленная исключительно фрагментами вертикально стоящих над бортом сосуда ручек дугообразной формы (сосуды типа шайки)¹¹.

Большим разнообразием форм отличается столовая посуда (кувшины, стаканы, кубки, миски, блюда, тарелки). Встречаются одноручные (рис., 5) и двуручные кувшины; наиболее распространены кувшины с вертикальной трубчатой ручкой и характерным для раннеантичной эпохи биконическим туловом, украшенным волнистым орнаментом, врезными поясками, шевронами и др.¹² (рис., 6). Засвидетельствовано всего лишь несколько кувшинов с треугольным венчиком¹³, украшенных аналогично вышерассмотренному типу.

Стаканы также представлены несколькими вариантами форм: 1) стаканообразные (рис., 4); 2) с цилиндрическим туловом (рис., 7); 3) с коническим дном; 4) остроконечные с широким раструбом тулова. Все они одноручные. Особенно типично украшение корпуса сосудов этой формы волнистыми линиями или рельефными поясками¹⁴. Встречаются кубки на высоких ножках. Широко распространены черноглиняные миски больших размеров с плоским дном, покатыми стенками, чаще всего завернутым внутрь краем (рис., 9), реже с краем, слегка отогнутым наружу¹⁵. Тарелки от них отличаются широко отогнутым горизонтально венчиком. Венчики блюд по форме и орнаменту повторяют венчики пифосов¹⁶. К столовой керамике принадлежат также вазы с плоским дном, излюбленным колхидскими гончарами биконическим туловом, отогнутым паружу профилированным венчиком (рис., 8). Венчик и тулово (на месте максимального диаметра) украшены насечками¹⁷.

Керамика является одним из определяющих элементов колхидской художественной культуры. Чрезвычайное обилие, повсеместное распространение, разнообразие, оригинальность и изящество форм и декора глиняных сосудов являются бесспорным свидетельством широких масштабов и высокого уровня керамического производства Колхиды в VI—IV вв. до н. э. Гончарное дело этого времени имеет глубокие местные корни, продолжает традиции керамического производства предшествующей эпохи. Так, например, отголоском традиций предантичной эпохи следует считать:

1) широкое распространение зооморфных мотивов (изображения животных на пифосах; ручки сосудов, имитирующие наостренные ушки животного; ручки в виде скульптурных изображений головки животного и др.); 2) бытование старых форм кухонной керамики; 3) сохранение некоторых видов орнамента (ромбическая сетка из лощеных полосок и др.). Вместе с тем изделия местного гончарного производства характеризуются консервативностью форм и декора на протяжении всего периода VI—IV вв. до н. э. во всей Колхиде. Следует отметить, что колхидская керамика успешно соперничала с всемирно признанной греческой керамикой того времени. Если в других периферийных районах античного мира доминирующей является греческая привозная керамика, то в Колхиде ее количество минимально. Показательно, что на Ванском городище в погребении знатной колхидянки (1969 г.) найдено всего лишь два греческих сосуда, в то время как число сосудов местного изготовления достигает двадцати¹⁸.

Таким образом, несмотря на бытование (в основном среди высшей знати) привозных греческих сосудов, местные изделия не подвергаются их влиянию и сохраняют самобытность форм и орнамента.

¹ Местные керамические изделия обнаружены в Кобулет-Пичвнари, Гурнанта, окрестностях Поты, Очамчире, Сухуми, Вани, Даблагоми, Дапнари, Кутаиси, бассейне р. Ингури и других пунктах Западной Грузии.

² Лордкипанидзе О. Д. Ванское городище.— В кн.: Вани I. Тбилиси, 1972, с. 22, 62.

³ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950.

⁴ Зеест И. В., Марченко И. Д. Типы толстостенной керамики из Пантिकाпея.— МИА, 1962, № 103, с. 149, 154, рис. 6, 1; Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантिकाпея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.— МИА, 1962, № 103, с. 12, рис. 5; Худяк М. М. Работы Нимфейской экспедиции 1939 г.— ТГЭ, 1940, I, с. 22—23; Скуднева В. М. Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее.— ВДИ, 1952, № 2, рис. 240; Гайдукевич В. Ф. Мирмекий. Варшава, 1959, с. 46—47.

⁵ Куфтин Б. А. Указ. соч., т. II, с. 103 и сл.; Кизурадзе Н. Ш. К истории населения центральной Колхиды в античную эпоху. Автореф. дисс. Тбилиси, 1972, с. 15—17.

⁶ Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 62.

⁷ Бохочадзе А. В. Виноградарство и виноделие древней Грузии по археологическим материалам. Тбилиси, 1963, с. 116 и сл. (на груз. яз.).

⁸ Вашакидзе Н. В. Археологические памятники Гурнанта античной эпохи.— В кн.: Памятники юго-западной Грузии, II. Тбилиси, 1971, с. 15—16 (на груз. яз.).

⁹ Кахидзе А. Ю. Материалы к истории древних городов Восточного Причерноморья.— МАГК, 1965, IV, с. 72, табл. II, 5 (на груз. яз.).

¹⁰ Там же, с. 73, табл. II, 7.

¹¹ Там же, с. 74, табл. III, 7, 8; Куфтин Б. А. Указ. соч., т. II, с. 101, табл. 35, 10.

¹² Кахидзе А. Ю. Указ. соч., с. 73, рис. 2; Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 23, рис. 219—222; Лордкипанидзе О. Д., Пугуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкониа А. М. Археологические раскопки в Вани в 1969 году.— В кн.: Вани, I. Тбилиси, 1972, с. 236, рис. 220; Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974, с. 63, табл. IX, 13, 14, 17 (на груз. яз.).

¹³ Кахидзе А. Ю. Указ. соч., с. 71—72, рис. 1, 2.

¹⁴ Там же, с. 73, рис. 3; Микеладзе Т. К. Указ. соч., с. 62—63, табл. IX, 1, 2, 3, 6, 7, 10, 12, 16.

¹⁵ Куфтин Б. А. Указ. соч., т. II, с. 97, рис. 24; Лордкипанидзе О. Д., Пугуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкониа А. М. Указ. соч., с. 237, рис. 223; Микеладзе Т. К. Указ. соч., с. 63, табл. X.

¹⁶ Микеладзе Т. К. Указ. соч., с. 63, табл. X.

¹⁷ Лордкипанидзе О. Д., Пугуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкониа А. М. Указ. соч., с. 236, рис. 217, 218.

¹⁸ Там же, с. 235—237.

ТОПОРЫ КОЛХИДСКО-КОБАНСКОГО ТИПА
В ДАГЕСТАНЕ

В 1974—1975 гг. на территории Дагестана были впервые обнаружены два топора кобанской культуры¹. Обе находки случайные. Первый топор, бронзовый, был найден в Ногайском районе, на территории центральной усадьбы колхоза им. Мичурина. Он имеет прямой корпус, изогнутое внутрь полуовальное лезвие и отлит в двусторчатой литейной форме. Длина топора 18 см, ширина лезвия 6 см, ширина обуха 3 см (рис. 1). Особенностью формы является заостренная часть обуха, характерная лишь для бронзовых топоров колхидской культуры². Топор скорее всего имел хозяйственное назначение, поскольку на его поверхности есть следы сработанности, особенно на лезвии. Ближайшие аналоги дагестанской находке имеются среди топоров в кладах X—VIII вв. до н. э. на территории Грузии (Калвата, Квишари, район Кобулет)³. Как правило, все эти клады имели ярко выраженный смешанный состав кобано-колхидских бронз.

Второй топор, медный, найден в 1975 г. в сел. Султаниянгиюрт Кизилюртовского р-на. Он имеет изогнутый внутрь корпус, закругленное лезвие и также отлит в двусторчатой литейной форме⁴. На обухе есть продольные выпуклые полосы. Лезвие сработано. Длина топора 14 см, ширина лезвия 7,5 см, ширина обуха 3 см (рис. 2).

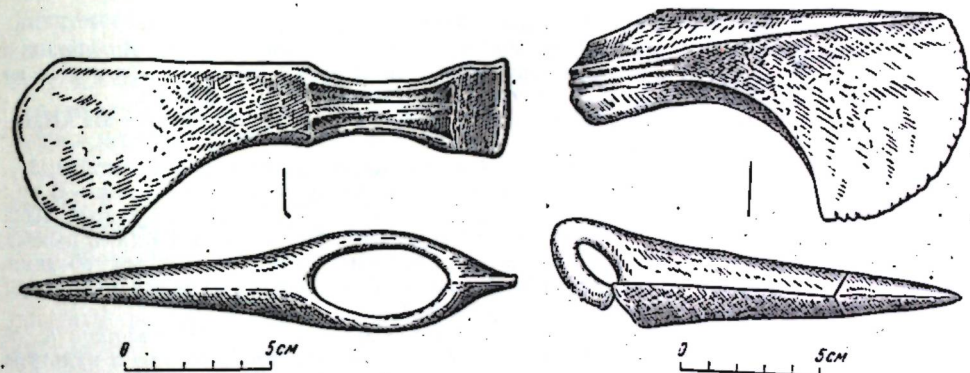

Рис. 1. Бронзовый топор (усадьба колхоза им. Мичурина)

Рис. 2. Бронзовый топор (сел. Султаниянгиюрт)

По морфологическим признакам обуха и лопастной части топор из Кизилюртовского р-на несомненно сопоставляется с топорами кобанской культуры⁵, однако точных аналогий ему не обнаружено. В то же самое время косые очертания обухной части, общие укороченные пропорции топора⁶, состав металла могут свидетельствовать о том, что он является одним из неизвестных до сих пор вариантов наиболее ранних типов кобано-колхидских топоров⁷.

Особая значимость обнаруженных в Северном Дагестане топоров кобанского типа заключается в том, что это первые выявленные так далеко на востоке от центра их распространения экземпляры. Из сел. Хунзах был известен лишь один бронзовый топор, но колхидского типа⁸. Наиболее близкие территориально топоры кобанского типа выявлены юго-западнее, в бассейне р. Хулхулау (Чечня), на территории распространения восточного варианта кобанской культуры⁹.

Знаменательна сама форма топоров, обнаруживающая сходство как с классическими кобанскими, так и с колхидскими топорами, распространенными в конце II — начале I тысячелетия до н. э. на территории Кавказа¹⁰. Подобное явление документирует существование как объективной реальности именно в этом районе части контактной зоны двух больших культурных регионов, Закавказского в широком смысле и Центральнокавказского, которая фиксируется и для более раннего времени¹¹.

В свете новых вышеописанных археологических источников территория Северного Дагестана выступает как зона контакта не только кавказских культур рубежа II—I тысячелетий до н. э., в первую очередь одного из этапов каякентско-хорочоевской культуры и восточного варианта кобанской культуры, но и степных культур Предкавказья с культурами Северного Кавказа.

Обе эти находки дают основание надеяться, что археологические работы на почти неисследованной территории Северного Дагестана позволят решить многие спорные вопросы взаимосвязей позднебронзовых культур Северного Кавказа и уточнить ареал их распространения.

- ¹ Магомедов А. Р. Первая находка кобанского топора на территории Северного Дагестана.— В кн.: Тезисы Пятых Крупновских чтений. Махачкала, 1975, с. 32—33.
- ² Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии.— СА, 1953, XVIII, с. 282—298.
- ³ Коридзе Д. Л. К истории колхидской культуры. Тбилиси, 1965, табл. XXV, 14—16; XXIV, 10, 16; XI, 9, 10.
- ⁴ Анализ топора произведен в лаборатории Института археологии АН СССР С. Корневским.
- ⁵ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 83, рис. 8.
- ⁶ Спектральный анализ показал, что данный топор в основе медный, содержит в своем составе всего 0,4% олова. Первый же из описанных топоров изготовлен из медно-мышьяковистой бронзы. В его составе содержится 2,2% мышьяка.
- ⁷ Нессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, 1935, вып. 120, с. 127, рис. 18.
- ⁸ Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 101, рис. 42, 2.
- ⁹ Марковин В. И. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни.— В кн.: Археолого-этнографический сборник («Изв. ЧИПНИ», т. VII), вып. I. Грозный, 1966, с. 119, рис. 2, 8; Козенкова В. И. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии.— В кн.: Археолого-этнографический сборник, вып. II. Грозный, 1968, с. 37, рис. 3, 8; Козенкова В. И. Раннекобанский могильник у сел. Серженъ-Юрт.— СА, 1969, № 4, с. 174, рис. 1, 8.
- ¹⁰ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, VIII; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; он же. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957; он же. Жемталинский клад. М., 1952; Нессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 1951, № 23; он же. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, 1935, вып. 120; Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии.— СА, 1953, XVIII; Коридзе Д. Л. Клад из сел. Лыхин и вопрос генезиса колхидско-кобанских топоров.— ВГМГ, 1968, XXV; Техов В. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971; он же. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинград, 1957; он же. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г.— СА, 1963, № 1; он же. Раскопки Тлийского могильника в 1966 г.— СА, 1970, № 4.
- ¹¹ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 150, рис. 17; с. 365.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИБЕРИИ

Ю. М. ГАГОШИДZE

ГОРОДИЩЕ САМАДЛО

Ряд вопросов, связанных с изучением процесса формирования классового общества и первых государственных образований в Грузии, из-за скудности письменных источников может быть решен лишь на основании археологических данных. Однако вплоть до недавнего времени именно этот период истории Восточной Грузии (IV—III вв. до н. э.) оставался фактически белым пятном в археологии; случайные находки и материалы из нескольких небольших могильников никак не могли восполнить этот пробел. Естественно, что такое положение способствовало созданию неверного представления о сущности материальной культуры Грузии раннегосударственного периода и послужило одной из главных причин неточной датировки некоторых восточногрузинских археологических памятников. Раскопки городища Самадло впервые выявили материальную культуру Иберии IV—III вв. до н. э. во всем ее разнообразии и богатстве.

Городище Самадло находится в 15 км западнее г. Мцхета, на правом берегу р. Куры, напротив железнодорожной станции Ксапи, на перекрестке двух важных древних дорог, одна из которых шла вдоль р. Куры, другая же имела меридиональное направление и связывала Ксанское ущелье с Триалети. Крепость, расположенная на двух высоких (80 м над уровнем реки) холмах, один из которых полуостровом вдается в излучину р. Куры, контролировала эти пути и перешаивала через реку — исторический брод Коцахура. В 1907 г. на холмах Самадло начали добывать глину для Ксанского керамического завода. В течение более чем полувековой деятельности карьера 95% территории городища, занимавшего некогда площадь около 15 га, безвозвратно погибли для науки, ни разу не обратив на себя внимания археологов, хотя повод к этому представился уже в 1912 г., когда рабочие карьера наткнулись здесь на древние погребения. Богатый инвентарь одного из этих погребений — золотые серьги, бляшки, подвески от ожерелий, штампованные бляхи с изображением женского лица, миниатюрные маски Сатира, золотые, каменные и стеклянные бусы, серебряные гривны, бронзовые золоченые статуэтки баранов и т. д. — всего около 500 предметов — в разное время попал в музей и ныне хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа, в Государственном музее искусств Грузии и Государственном музее Грузии имени С. Джанашиа¹. Эти материалы хорошо датируют погребение из Самадло первой четвертью III в. до н. э. и это пока единственное в Восточной Грузии богатое погребение, восполняющее лагуну между погребениями грузинской знати ахеменидской эпохи (памятники типа Ахалгори) и римского времени (памятники типа Армазисхеви).

В 1966—1972 гг. археологическая экспедиция Государственного музея Грузии имени С. Н. Джанашиа вела систематические раскопки уцелевших участков городища Самадло. В результате было установлено, что древнейшее поселение здесь возникло в VII—V вв. до н. э. Этим временем датируются сохранившиеся на вершине восточного холма Самадло культурный слой и основание капитального здания, которое несомненно использовалось и в эллинистическую эпоху. Во второй половине IV—III в. до н. э. наступил период расцвета Самадло. На западном холме представлена исключительно только эта эпоха. Около конца III в. до н. э. жизнь на Самадло внезапно прервалась и больше не возобновилась. Таким образом, Самадло в сущности однослойное поселение, чем и обусловлено его исключительное значение как эталонного памятника для материальной культуры Иберии конца ахеменидской и раннеэллинистической эпох.

Информация, полученная в результате раскопок Самадло, весьма значительна и охватывает самые разные стороны культурной и экономической жизни общества в период создания первого восточногрузинского государства — Картлийского (Иберийского) царства.

Склоны холмов Самадло были террасированы. На западном склоне западного холма Самадло — основном участке раскопок — выявлено семь искусственных террас, ступенчато поднимающихся от основания холма к его вершине. Ширина террас 5—9 м при высоте до 3 м. Подпорные стены — каменные, на глиняном растворе и армированы бревнами, которые уложены в толще стен как вдоль, так и поперек кладки. В кладке облицовки ритмично чередуются плоские камни с крупными квадратами местного необработанного песчаника и применены горизонтальные прокладки из бревен. Забутовка террас представляет собой смесь галечника с глиной. Совершенно такими же были и стены склепа — уникального для Грузии эллинистической эпохи погребального сооружения, которое было раскопано на нижней террасе Самадло (внутренние размеры склепа 5,2×4 м; толщина стен 2 м, сохранившаяся высота 2,5 м). В склепе были два деревянных саркофага (размером 3×2×0,6 м) с коллективными захоронениями.

На террасах были открыты сырцовые стены жилых и хозяйственных зданий, часть которых по крайней мере была двухэтажной (толщина стен более 2 м, сохранившаяся высота — до 4 м). В некоторых случаях для устройства подвальных помещений использовалась и толщина субструкций террас.

Кровли были черепичные, судя по находкам специальных коньковых калиптеров — двускатные. Великолепного обжига огромные (длина 0,67 м) крашенные черепицы Самадло пока наиболее древние в Восточной Грузии. Аналогичные черепицы засвидетельствованы в ряде других пунктов Грузии (Урбниси, Уплисцихе, Саркине, Цихедида, Цихнагора, Игоети и др.), и везде они связаны со слоями IV—III вв. до н. э. Широкое распространение черепицы важное свидетельство тесных связей древней Грузии с греческим Западом. Даже само грузинское название черепицы — «крамити» — заимствовано с древнегреческого. Древнейшие грузинские черепицы, по-видимому, генетически связаны с синопской черепицей. Во внутренние районы Иберии проникал и импорт из эллинистической Малой Азии. Об этом свидетельствуют находки в Самадло чернолаковых унгентариев и блюд последней четверти IV — первой четверти III в. до н. э. Определенные черты греческого влияния носят и ювелирные изделия из Самадло.

В то же время одна из наиболее интересных находок Самадло — два обломка скульптурного рельефа, изображавшего конную охоту на горного барана, — живо перекликается с лучшими образцами ахеменидской пластики. Рельеф из Самадло относится к числу древнейших и пока крайне малочисленных памятников каменной скульптуры в Грузии. Он, может быть, когда-то украшал интерьер дворца или храма, который возвышался в центре Самадло, на несуществующей ныне вершине западного

Рис. 1. Расписной пифос

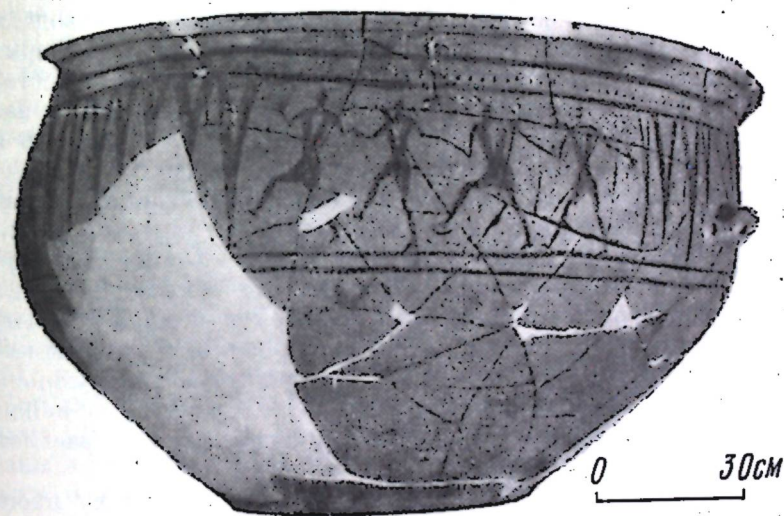

Рис. 2. Расписной кратер

холма. От этого, очевидно великолепного, здания, кроме названного рельефа, сохранилось множество обломков черепиц, сплошным слоем покрывавших почти всю поверхность западного склона Самадло, и тесные квадраты прекрасного белого известняка, использованные в строительстве местными жителями.

Здания, раскопанные на четырех верхних террасах Самадло, судя по найденному в них инвентарю, являлись хозяйственными помещениями этого дворца или храма.

В помещениях под многометровым слоем завала сырцовых стен обнаружена разнообразная глиняная посуда: от кухонной и хозяйственной утвари до столовой и парадной керамики. Очень много чернолощенных и красноглиняных, ангобированных и расписных фиал, чаш, мисок, блюд, кувшинчиков, зооморфных ритонов и т. п. Наибольший интерес представляют многочисленные фрагменты и даже целые экземпляры впервые обнаруженных на территории Грузии крупных красноглиняных пифосов (высотой до 1,80 м) и кратерообразных сосудов (диаметром до 1,60 м) с сюжетной росписью (рис. 1, 2). На них представлены сцены битвы копных и пеших воинов, вооруженных дротиками и короткими мечами типа махайра, конной охоты с собаками на оленя и других животных, ритуальных танцев-хороводов, шествия и т. д. Силуэтная роспись выполнена красной краской по желтоватому ангобу размашистыми, смелыми мазками. Несмотря на схематичность изображений, фигуры животных и людей полны экспрессии. Прекрасная роспись в сочетании с высоким качеством теста, с отличным обжигом и обработкой поверхности (ангобирование, лощение) сосудов делает их выдающимися произведениями гончарного искусства. Самадлоэские пифосы и кратеры не имеют прямых аналогов за пределами Грузии.

Открытие существования самобытной высокоразвитой школы вазописи позднеахеменидского — раннеэллинистического времени было несколько неожиданным для Грузии, в керамическом производстве которой совершенно не применялась роспись после эпохи бронзы (середина II тысячелетия до н. э.), тогда как в странах к югу от Грузии — на Иранском нагорье и в Анатолии — с древнейших времён продолжалась непрерывная традиция производства расписной керамики. Однако не может быть и речи о прямом заимствовании расписной керамики грузинскими мастерами и тем более об ее импорте в Грузию, настолько самобытны как стиль, так и сюжеты грузинских росписей.

Известно, что в V в. до н. э. в керамическом производстве Восточной Грузии произошел резкий перелом: изменились как формы сосудов, так и техника их обжига и характер орнамента. Вместо темпоглиняных сосудов с врезным и лощеным геометрическим орнаментом, распространенных в Грузии в эпоху поздней бронзы — раннего железа, с V в. до н. э. началось изготовление красноглиняных сосудов, обычно лишенных орнамента. Эти изменения находят объяснение в явлениях, имевших место в Передней Азии в середине I тысячелетия до н. э. (перемещение определенных масс населения в связи с падением Урарту, с мидийской и ахеменидской экспансиями и т. д.). Вместе со светлообожженной керамикой в Грузии распространяется и обычай покрывать сосуды красной краской. Переход же от окрашивания сосудов к их росписи вполне возможен и закономерен. Древнейшие образцы грузинской расписной керамики датируются серединой IV в. до н. э., а конец этого столетия и III век до н. э. являются временем бурного расцвета этой отрасли художественного ремесла.

Следует отметить, что именно в эллинистическую эпоху производство расписной керамики повсеместно переживает период значительного подъема. Коснулось это и ближайших соседей Грузии — Армении и Кавказской Албании. Расцвет вазописи в Грузии в IV—III вв. до н. э., очевидно, следует рассматривать именно в связи с этим подъемом. Древняя Иберия, которая была органической частью эллинистического мира, не могла остаться в стороне от явлений, имевших повсюду всеобщий характер.

¹ Гагошидзе Ю. Памятники эллинистического времени из Самадло.— ВГМГ, 1967. XXVII—В.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА «ЦИХИА-ГОРА»
(1971—1974 ГГ.)

Памятник «Цихиа-гора» находится на правом побережье р. Куры, в 40 км западнее г. Тбилиси, на северной окраине с. Кавтисхеви. Здесь открыт удлиненный жилой холм высотой до 12 м, поселение к востоку от него, и на северо-западе — могильник. На холме, верхняя часть которого имеет размеры 100×40 м, были выявлены культурные слои ранней бронзы, поздней бронзы и античного времени (три периода). На поселении обнаружены слои античного времени, на могильнике — поздней бронзы и античного времени. В этом комплексе главное место занимает холм «Цихиа-гора».

Нижний горизонт первого слоя относится к раннему этапу ранней бронзы (конец IV тысячелетия до н. э.), а верхний к началу или первой половине III тысячелетия до н. э. Были выявлены остатки двух жилищ верхнего горизонта, стены которых, очевидно, строились из плетенки, с обеих сторон обмазанной глиной. Культурные остатки второго слоя почти полностью уничтожены последующими постройками.

Лучше всего сохранились строительные остатки третьего слоя, относящегося к IV—III вв. до н. э. Местами мощность слоя достигает 5 м. Он представлен остатками большого комплексного сооружения сложной конструкции и планировки, включающего в себя «храм», «дворец», «амбар» и «хлебопекарни», находящиеся внутри единой ограды из сырцового кирпича, которая окружает верхушку холма. Толщина ограды достигает 1,5 м, с внутренней стороны она оштукатурена (рис. 1).

Центральное место в этом комплексе занимает помещение («храм») 8×7,5 м, обнесённое особой оградой (рис. 2, 1). Между оградой и западной стеной «храма» имеется перегородка, благодаря чему образуется маленькое помещение (2). Стены «храма» и ограды на высоту 2 м возведены из камня, над которым лежала кладка из сырцового кирпича. Во дворе перед «храмом» стоял высокий квадратный алтарь из камней. Входные двери ограды и «храма» расположены в западных и восточных стенах.

Обособленность этого сооружения, каменный алтарь, найденные в помещении глиняные диски с рельефными крестами и глиняные буллы, большая высота стен¹ дают возможность допустить, что этот комплекс принадлежит к храмовым сооружениям².

Амбар примыкает к храмовой оградой с восточной стороны. Он состоит из восьми помещений (№ 3—9), шесть из которых являются зернохранилищами. В некоторых из них были обнаружены обугленные зерна. Все стены помещений были возведены из сырцовых кирпичей. Под ними находятся большие камни, уложенные в один ряд с небольшими промежутками.

К северной стене «храма» примыкает «дворец» — двухэтажное здание 10 размером 18×4,5 м. Вход в него был в западной стене. Первый этаж (высота 3,5 м) построен из камня, второй (сохранившаяся высота 1,5 м) — из сырцового кирпича. Остатки междуэтажного перекрытия обнаружены на каменной стене. Пролет между балками перекрытия достигал 0,9 м.

В западной части холма была заложена траншея. Здесь друг на друге обнаружены остатки шести помещений, которые в основном датируются I тысячелетием до н. э. К сожалению, эти остатки очень фрагментарны и разобраться в них без дополнительных раскопок трудно.

Особенно интересны остатки помещения IV—III вв. до н. э. Вдоль одной из его стен обнаружены четыре хлебопекарные печи («торне»).

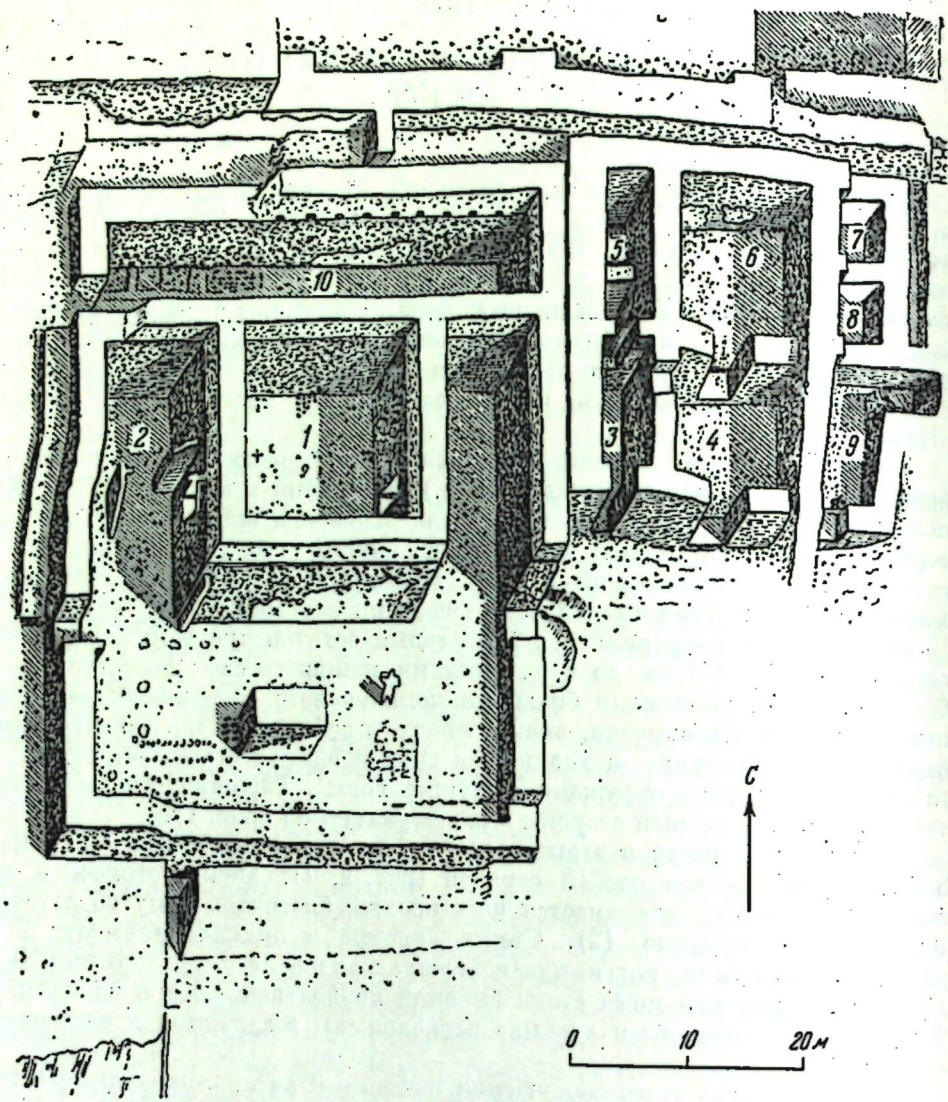

Рис. 1. Комплекс IV—III вв. до н. э. (третий слой). Аксонометрия

Можно предположить, что эта была хлебопекарня «дворца» или «храма». Несколько слов о строительной технике. Нижняя часть стен «храма» и «дворца» построена из необработанного камня двухсторонней сухой кладкой, при которой лицевые камни перевязаны в длину. Внутри между «облицовками» стена заполнялась бутом. Толщина стен 1,5 м. Лицевые камни связаны поперечными балками, которые начинаются со второго ряда камней. Расстояние между балками 0,75—0,8 м, а в высоту — 0,35—0,45 м. Лишь в одном случае балка уложена вдоль стены. Все стены оштукатурены с обеих сторон.

Боковые части дверных проемов были выложены вертикально стоящими камнями. У входа во двор «храма» обнаружены обугленные тесно лежащие толстые доски (обрушившиеся двери?). Полы всех помещений были глиняными. В двух случаях («храм» и «дворец») зафиксировано иное устройство пола — из плотно уложенных бревен, сверху обмазанных глиной.

Весь комплекс перекрыт плоскими и желобообразными черепицами, выкрашенными красной краской (рис. 3, 2). Среди них встречаются экземпляры с греческими буквами (рис. 3, 3), которые нанесены на необож-

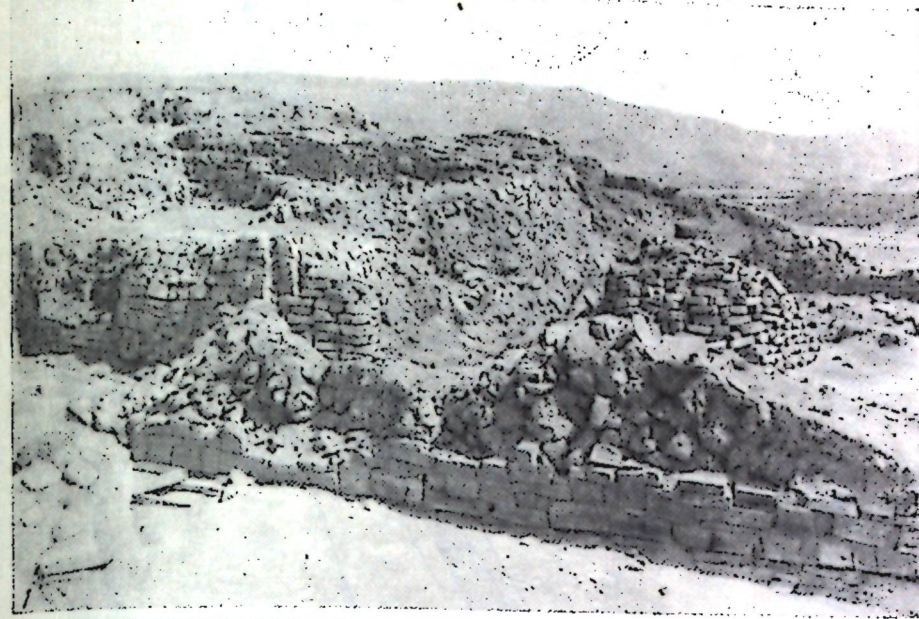

Рис. 2. Раскопки «храма»

1 — вид с юго-запада. На переднем плане стена храмовой ограды; 2 — помещение 2

женную глину пальцем. Видимо, мастер отмечал число изготовленных черепиц. В одном случае омикрон перечеркнут и вместо него нанесена буква кси (рис. 3, 3, знак № 16). Как известно, омикрон означает 70, а кси — 60. Мастер явно ошибся в счете.

Во «дворце» пол был зачищен в западной части. У входных дверей вдоль южной стены имелись три квадратных закрома, стенки которых были сложены из сырцовых кирпичей. В первом из них найдены обугленные зерна ячменя, а в двух остальных — маленькие карасы. В этом помещении на высоте 1,5 м от пола в развалинах сырцово-й стены обнаружена капитель ахеминидского стиля в виде двух протом — каменных

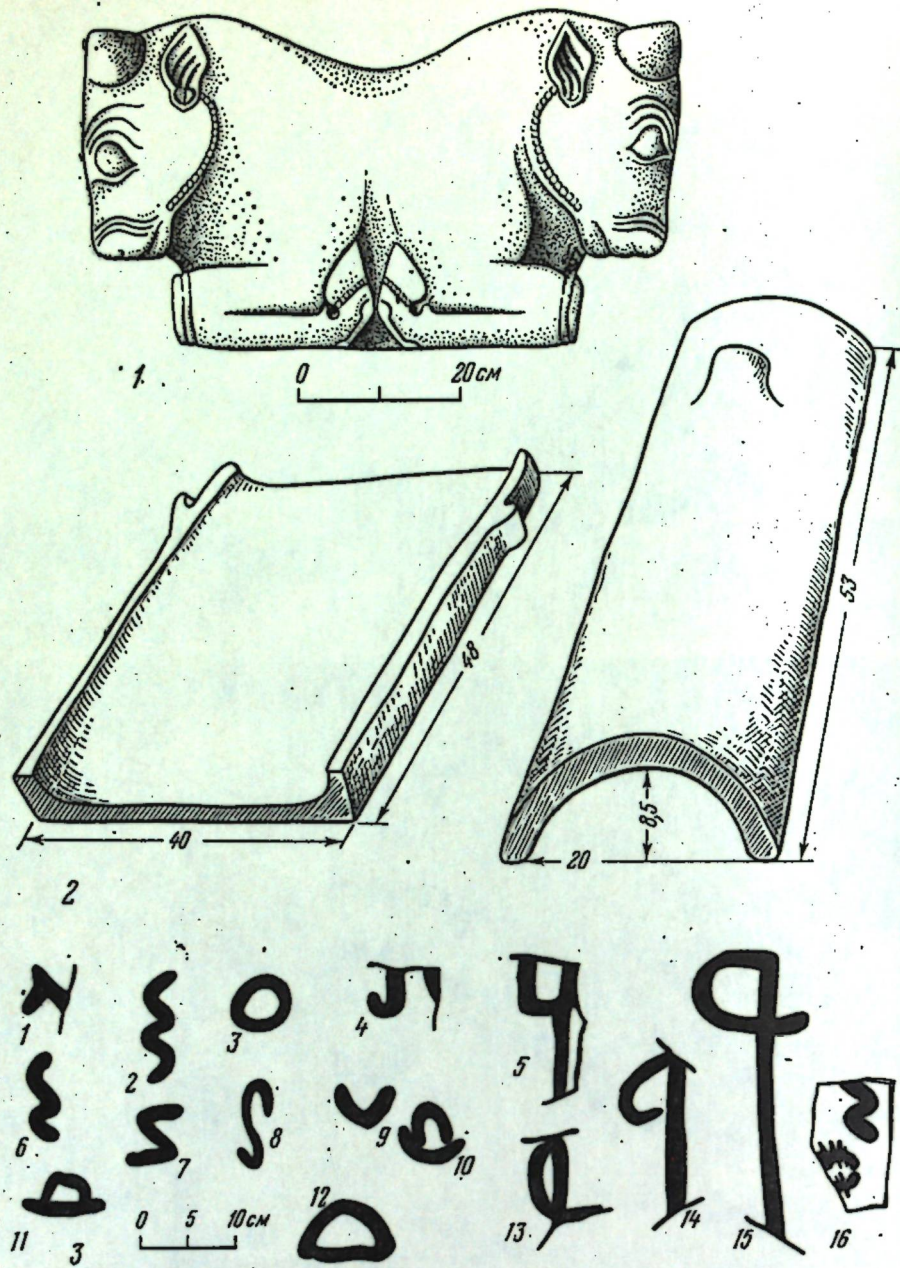

Рис. 3. Капитель (1), черепицы (2) и буквенные знаки на черепицах (3)

быков (рис. 3, 1). Она очень близка капителям дворца Артаксеркса II в Сузах. Эта находка подтверждает датировку слоя IV в. до н. э. В то же время она лишний раз подчеркивает тесную связь Восточной Грузии (Иберии) того времени с ахеменидским миром. Все сооружения комплекса носят явные следы пожара и разрушения. В развалинах обнаружены железные ручные тараны.

Керамика данного слоя богато представлена большими кувшинами для хранения припасов и столовой керамикой: мисками и кувшинами красного обжига. Они выкрашены в красный цвет или расписаны красной краской (рис. 4).

Непосредственно над описанным слоем лежит четвертый слой, представленный остатками стен, построенных из галечника на глиняном растворе. Для этого слоя характерна хорошо лощеная, черного обжига ке-

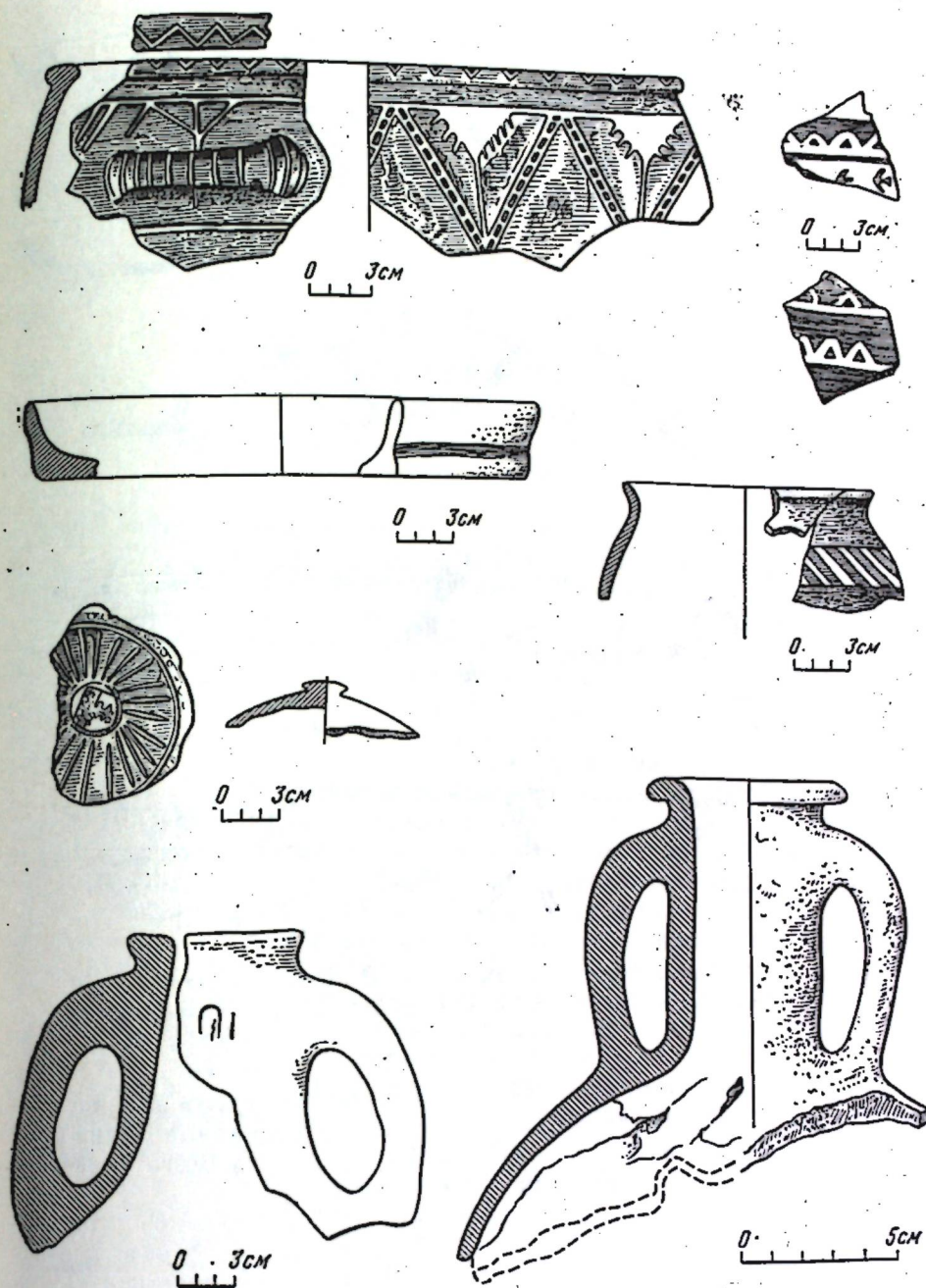

Рис. 4. Образцы расписной керамики и горла амфор из «храмового» сооружения (слой IV—III вв. до н. э.)

рамика. Продолжает существовать и краснообожженная керамика, встречаются единичные экземпляры расписных сосудов (рис. 5).

Пятый слой почти целиком смыт с холма. Остались только нижние части больших винных кувшинов, при зарытии которых в землю были повреждены стены четвертого слоя, а в некоторых местах — и сырцовые стены третьего слоя.

Остатки поселения были раскопаны к востоку от холма. Культурный слой находится на поверхности и поэтому очень плохо сохранился. По общим признакам поселение было многослойным и датируется V—I вв. до н. э.

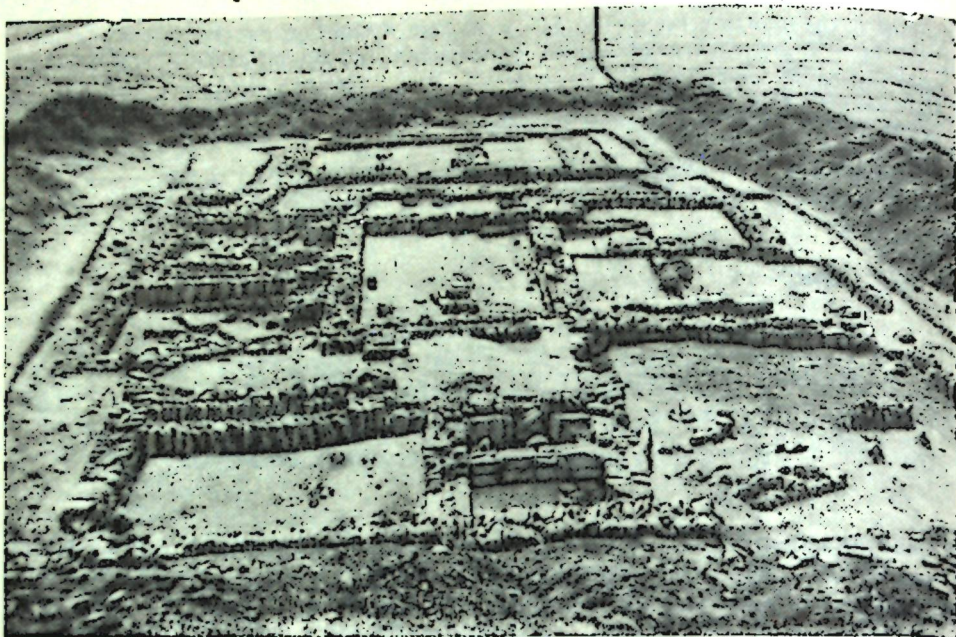

Рис. 1. Натакиси. Остатки здания IV—V вв.

Рис. 2. Основание церкви III в. с сырцовыми стенами

в красный цвет. Церковь имеет вход с северной стороны (рис. 2). Датруется она III в. н. э. и тем самым представляет собой пока что наиболее раннюю христианскую церковь на территории Грузии.

Особенно интересные материалы выявлены на самой возвышенной части городища: обломки расписанных красной краской больших глиняных

сосудов для хранения вина — квеври (т. е. пифосов)³ (рис. 3, 1), сосудов различных размеров и назначений (рис. 3, 2, 3), мисок, окрашенных в красный и коричневый цвета, кувшинчиков с воронкообразным венчиком, сосудов с белым ангобом, а также плоских и желобчатых черепиц. Большой интерес представляют сравнительно редкие в Восточной Грузии находки фрагментов аттической керамики IV—III вв. до н. э. и малоазиатских рыбных блюд и тарелок II в. до н. э.⁴

Найдены также наконечники стрел скифского типа.

Поселение городского типа в долине Натакиси возникло на рубеже IV—III вв. до н. э. и просуществовало вплоть до конца VII в. н. э. Найденные здесь капители дорийского ордера и архитрав свидетельствуют о паллиии архитектурно оформленных зданий. Присутствие античной импортной керамики указывает на торговое значение этого несомненно важного городского центра, что нашло отражение и в древнегрузинской исторической традиции. По нашему мнению, этот город был одной из важных составных частей первой столицы восточногрузинского царства — Иберии (именуемой в источниках «Дзуели Мцхета»⁵).

2. Городище Саркине расположено в 8 км к западу от Мцхета, на левом берегу р. Куры, на юго-западных склонах Саркинского хребта. Территория города огорожена крепостной стеной из сырцовых кирпичей и окружена труднодоступными оврагами.

«Город Саркине» не раз упоминается в древнегрузинских исторических источниках («Мокцеваи Картлисаи», «Картлиси Цховреба») как независимый и хорошо укрепленный город. Раскопками установлены его границы, система укреплений, этапы развития и экономическо-культурный уровень.

Обращает на себя внимание выгодное стратегическое положение местности, предназначенной для строительства города. Здания города, построенного на склонах горы, расположены на искусственных террасах. Основным строительным материалом служило дерево. Встречаются, по весьма редко, тесанные из песчаника квадры небольших размеров и сырцовый кирпич. В качестве строительного материала иногда использованы и весьма неудобные для обработки местные скальные породы. Здания были перекрыты плоскими и желобчатыми черепицами (размеры соленов 0,56×0,49×0,40 м), окрашенными в красный цвет.

При раскопках обнаружено немало памятников, выдающихся по своему значению как для истории этого города, так и истории культуры Иберии в целом, в том числе стеклянные фиалы александрийского производства, обломки краснолаковых и фаянсовых блюд (на участке III). Под рухнувшей кровлей довольно большого здания, на полу (на участке V) были обнаружены обломки терракотовых масок, «мегарской» чаши, малоазиатского веретенообразного бальзамария, бронзовая шкатулочная петля, золотые бусы, подвески, розетки и нашивки, бипирамидальная бусина, стружки, серебряная бляшка, бронзовые розетки и кольца, железные наконечники стрел, гвозди и т. д. Большинство этих предметов хорошо датируется II—I вв. до н. э.

Особо следует отметить терракотовые маски и статуэтки — блестящие образцы эллинистической пластики. Пока что восстановлены четыре маски и две статуэтки.

Одна терракотовая статуэтка (высота 38,5 см) представляет собой погрудное изображение молодого Диониса с небольшими рогами на лбу (рис. 4, 1), другая (высотой 38 см), должно быть, изображает Арнаду (рис. 4, 2). На принадлежность найденных там же трех терракотовых масок к мифологическим персонажам дионисийского круга указывает то, что у одной из них на ушах, оформленных в виде виноградных листьев, висят виноградные гроздья (рис. 4, 3—5).

По стилю от описанных масок отличается изображение мужского лица с крупными чертами и угрюмым выражением (рис. 4, 6).

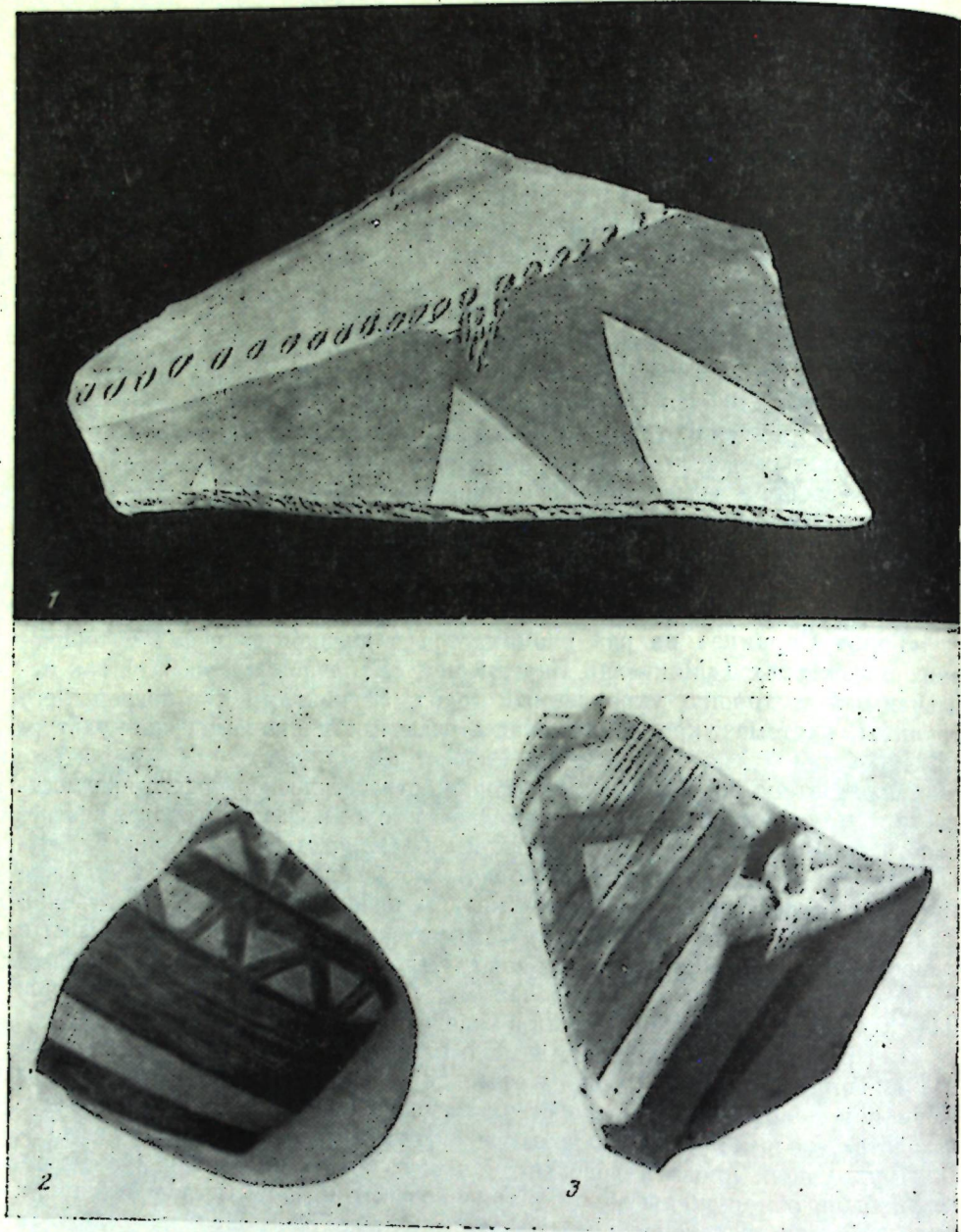

Рис. 3. Настакиси. Фрагменты расписной керамики IV—III вв. до н. э. (1—3)

Маски и статуэтки изготовлены в формах из хорошо отмученной глины, хотя и с неравномерным обжигом, и окрашены в красный цвет.

Если изображения Диониса и Ариадны связаны с образами эллинской мифологии, то некоторые из терракотовых масок, по нашему мнению, должны были изображать представителей местной знати. Наиболее вероятным кажется, что терракотовые маски служили для украшения интерьера здания общественного назначения и были расположены в один ряд, о чем свидетельствуют небольшие дырочки для шнура, которым они подвешивались к стене.

Найденные в Саркине терракотовые маски и статуэтки на основе стилистических особенностей и сопутствующих археологических материалов мы датировем II в. до н. э.

3. Городище, открытое нами в с. Дзаалиси, в 20 км к северо-западу от Мцхеты, в Мухранской долине, на берегу р. Нареквави, отождествляется с упомянутым Клавдием Птолемеем в его «географическом трактате» городом *Zlaissa*.

Раскопками 1971—1974 гг. установлено, что город занимал площадь свыше 70 га. Открыты развалины дворцовых и культовых сооружений, жилых и общественных зданий с черепичной кровлей, сырцовые стены которых были в свое время оштукатурены и расписаны, главный канализационный коллектор и канализационная система в целом, водопровод с глиняными трубами, бани (в том числе одна с мозаичным полом), атриум, мощенные кирпичом улицы и площади и др.

Остановимся несколько подробнее на бане (рис. 5).

Баня с мозаичным полом представляет собой прямоугольное в плане здание (12,5×6,5 м). Хорошо сохранилась нижняя часть — гипocaust, построенный с применением известкового раствора.

Баня состоит из трех отделений (горячее, теплое и холодное) одинаковых размеров, в плане напоминающих удлиненный овал. Длина ванного отделения с абсидой равна 5 м, а ширина 2,45 м. Ванна устроена в северной абсиде диаметром 2 м. Она имеет мозаичный пол, составленный из мелких кусков разноцветных камней. Бордюр мозаичного пола выведен двумя полосками (шириной 4,8 см), между которыми расположен растительный орнамент: цветы и стебли (рис. 6). На неповрежденной части мозаики сохранились изображения морской фауны: удлиненная раковина, голова дельфина и рыбы.

Ванное отделение соединяется с теплыми и горячими отделениями, на полу которых устроены калориферы (в длину 11, а в ширину — 5 рядов). Столбы калорифера составлены из кирпичей — прямоугольных (27×27×4 см, 27×13,5×4 см) и круглых (диаметром 17; 22,5; 23,5; 25,5 см). Сверху калорифер покрыт широкими керамическими квадратными плитами (58×58×5 см), залитыми известковым раствором толщиной 10—12 см, который служил полом.

Баня возведена из обожженных кирпичей, скрепленных известковым раствором. Стены были облицованы квадратными (27×27×2 см) и прямоугольными (40×36×2 см) плитами, имевшими, в углах выступы (высотой 5—9 см), которыми они укреплялись в стене. В свободном между стенами и плитами пространстве (ширина в 2—3 см) циркулировал горячий воздух, шедший из калориферов горячего отделения и смонтированных вертикально в стенах абсиды глиняных труб. Плиты снаружи были замазаны известковым раствором. При раскопках бани обнаружены обломки черепиц (соленов и калиптеров) позднеантичного типа, четырехугольные кирпичи, фрагменты глиняных лутернев и кувшинчиков с широкими плечиками, бронзового зеркала и костяное шило. Баня датируется нами II в. н. э. Она была частью и принадлежала несомненно представителю высшего и наиболее богатого слоя правящей знати Иберии.

На территории городища обнаружен также банный комплекс, состоящий из нескольких зданий, раскопки которых еще не завершены. От первого здания уцелели пол и цоколь, возведенный из прекрасно отесанных туфовых квадратов больших размеров (рис. 7). Лучшее остальных уцелели два отделения. Первое из них мы условно называем «зданием с алтарем». Другое являлось атриумом.

Здание с алтарем имеет длину 9,95 м, ширину в южной части — 2,60 м, в северной — 3,45 м. К нему примыкает пристройка длиной 3,2 м и шириной 2,22 м. Проход устроен между двумя колоннами. На расстоянии 1,98 м от цоколя северной стены на полу имеется углубление диаметром 0,45 м, предназначенное для алтаря (рис. 8). Цоколь и пол этого помещения устроены из прекрасно отесанных и плотно пригнанных друг к другу квадратов туфа (длина наибольшего квадрата 2,73 м, ширина 1,19 м). Цоколь возвышается над уровнем пола на 7 см.

Рис. 4. Саркиза. Статуэтки и терракотовые маски II в. до н. э.

- 1 — Дионис;
 2 — Ариадна;
 3—5 — изображения женских голов;
 6 — изображение мужского лица

К зданию с алтарем пристроен прямоугольный в плане (7,75 × 6,95 м) атриум, в центре которого устроен низкий четырехугольный (2 × 1,8 м) бассейн с фонтаном (высота его стен 0,17 м). Бассейн имеет бордюр шириной 0,52 м, а по углам — прямоугольные камни, на которых стояли четырехугольные колонны. К нему с восточной и западной сторон пристроены бани, и, следовательно, он представлял собой составную часть большого комплекса.

Второе здание представляет собой баню, построенную из булыжника на известковом растворе. Уцелел гипокауст. Баня имела три отделения (горячее, теплое и холодное). Северная ее стена — прямая, а к южной пристроены абсиды. Все отделения одинаковы по размерам (6,3 × 3,65 м) и соединены дверьми. Бассейн находился в холодной части, в южной абсиде. Полы теплое и горячее отделений устроены с калориферами (в длину 11 рядов, а в ширину 7). В качестве калориферов использованы прямоугольные кирпичи (35 × 27 × 4 см; 30 × 32 × 8 см; 41 × 30 × 9 см), встречаются и круглые кирпичи диаметром 30 см. В столбах местами сохранилось 19 кирпичей.

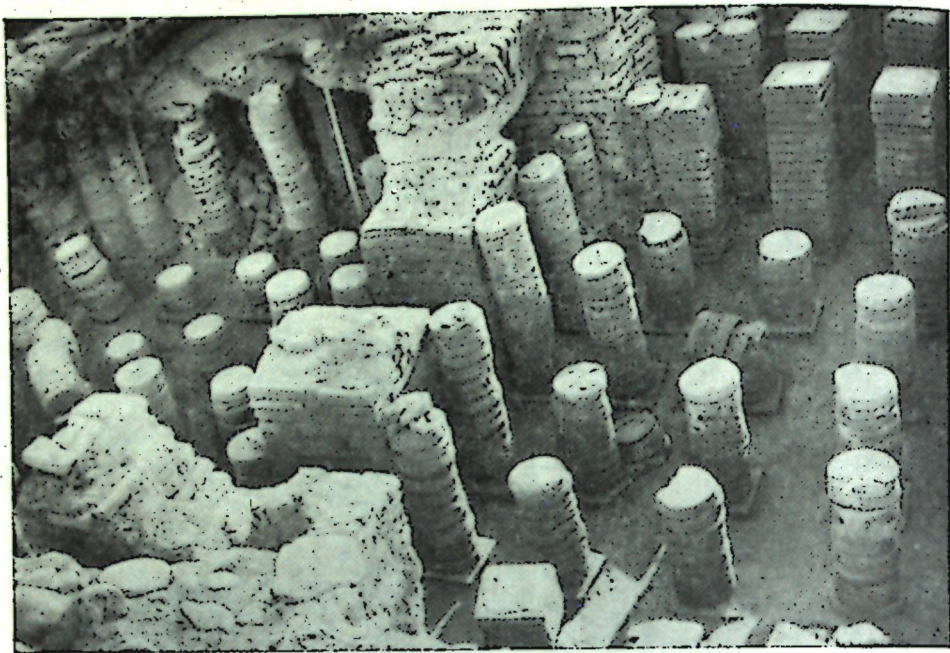

Рис. 5. Дзалиси. Часть гипocaustа бани II в. н. э.

Рис. 6. Фрагмент мозаики II в. н. э.

На втором участке городища, в его северной части, наряду с сырцовыми зданиями различных назначений открыты остатки здания дворцового типа с колоннами вдоль фасадной части. Между этим зданием и упомянутым выше банным комплексом найдены остатки ряда зданий с сырцовыми стенами, водопровода и канализации, мощенные булыжником площадки, погребения, а также часть открытого двора с мозаикой. Толстые слои угля и золы отражают историю разрушения и гибели этого

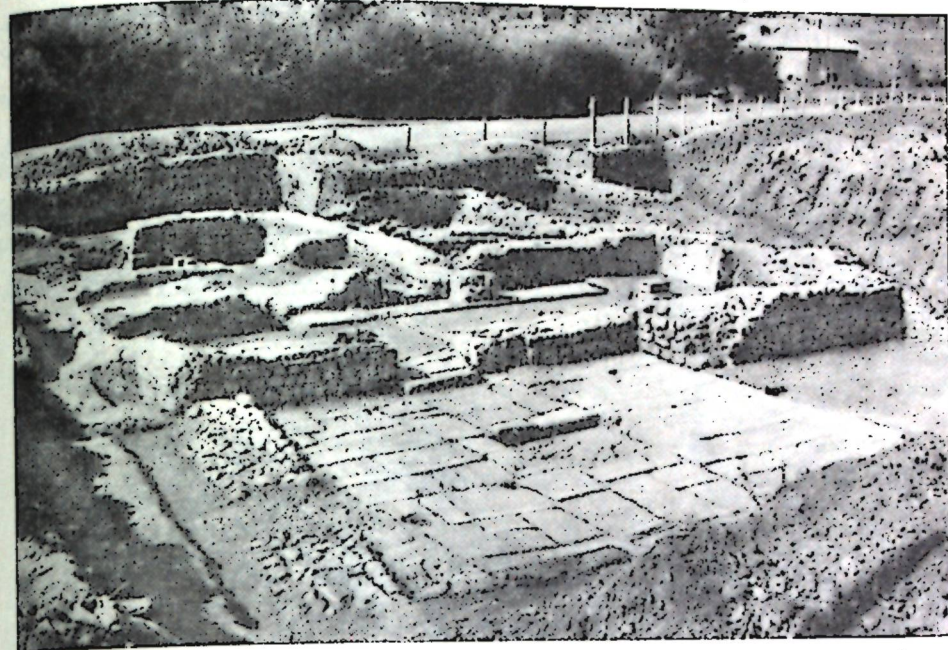

Рис. 7. Дзалиси. Банный комплекс с атриумом I—II вв. н. э.

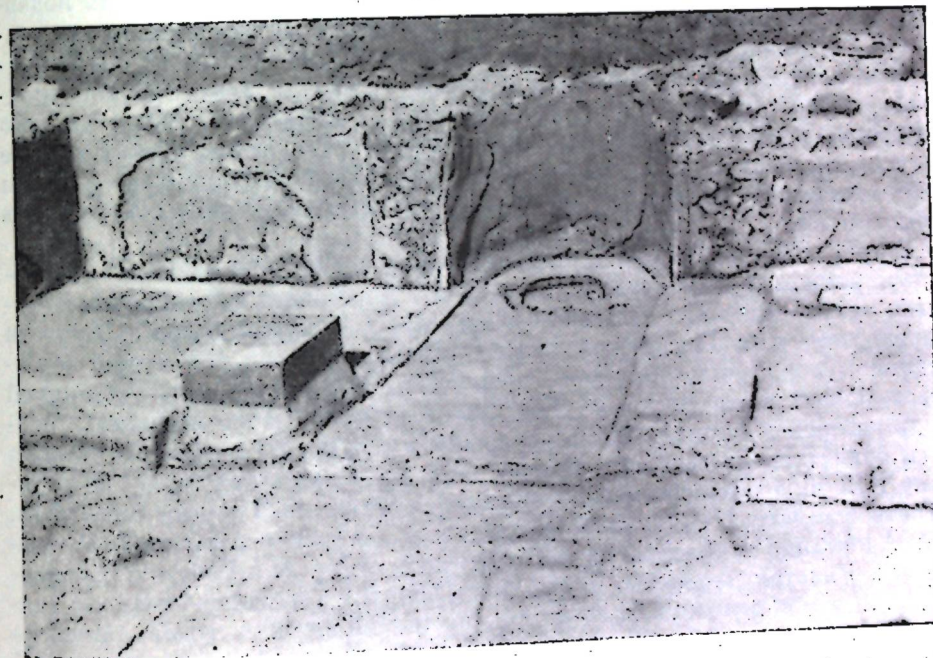

Рис. 8. Дзалиси. Здание с алтарем I—II вв. н. э.

города. Все здания, обнаруженные на городище, имели черепичное перекрытие. Во время раскопок найдены многочисленные обломки глиняной посуды, стеклянных изделий и оконного стекла, лутериев, маленькие круглые светильники, железные гвозди и другие предметы, которые позволяют довольно точно датировать отдельные здания и связанные с ними культурные слои. Основные сооружения относятся к I—IV вв. Город был сожжен в IV в., после чего здесь жизнь уже не возобновлялась.

- ¹ «Обращение Грузии». — В кн.: Памятники древнегрузинской агнографической литературы, I. Тбилиси, 1963, с. 81 (на груз. яз.). История Грузии. Под ред. С. Г. Каухчишвили, т. I. Тбилиси, 1955, с. 18 (на древн. груз. яз.).
- ² Бохоцадзе А. Итоги работ Настакисской археологической экспедиции. — ПАН в 1973 г., с. 45.
- ³ Аналогичная керамика, обнаруженная в Самадло, по мнению Ю. М. Гагошидзе, несет следы восточноанатолийского влияния (Гагошидзе Ю. Расписная керамика Самадло. — «Дзеглис Мегобари» (Тбилиси), 1970, № 23, с. 41—46, 85 (на груз. яз.)).
- ⁴ Waage O. Hellenistic and Roman Tableware of North Syria Antiochos-on-Orontos, IV, 1949, p. 7, tab. I, II; Jons F. F. The Pottery Tarsus (excavations at Gözlu-Kule). — In: Tarsus, I, p. 212, II, fig. 120, 23).
- ⁵ Бохоцадзе А. В. Настакиси, Саркизи, Дзалиси. — «Дзеглис Мегобари», 1973, № 33, с. 36—37, 100, 101 (на груз. яз.).

Ю. М. ГАГОШИДЗЕ

РАСКОПКИ ХРАМА I В. ДО Н. Э.
В ДЕДОПЛИС МИНДОРИ
(Восточная Грузия)

Дохристианские культы и культовая архитектура — одна из наименее изученных областей истории культуры древней Грузии. Вплоть до недавнего времени среди значительной части историков древнегрузинского зодчества бытовало мнение, что якобы дохристианская Грузия не знала специальных культовых сооружений и только принятие христианской религии поставило перед архитектурой задачу их создания. Считалось, что языческие культы в Грузии были настолько примитивны, что культовые ритуалы не требовали специальных храмовых зданий. Однако результаты археологических изысканий последних лет показали несостоятельность этого мнения.

В 1972—1974 гг. Шида-Картлийской археологической экспедицией Государственного музея Грузии имени С. Н. Джанашиа раскапывались остатки дохристианского храмового комплекса в 3 км западнее с. Арадети Карельского р-на Грузинской ССР, в междуречье рек Восточной и Западной Проне, левых притоков Куры. Здесь, в северной части обширной незаселенной ныне равнины Дедоплис Миндори (Поле царицы), площадь которой достигает 2500 га, находится весьма почитавшееся населением близлежащих сел святилище — небольшая каменная стела, по-видимому XIX в., с рельефным изображением конного св. Георгия-Змеборца, с соответствующей грузинской надписью, в которой сообщается, что князь Александр Папашвили посвятил эту стелу св. Георгию Саркейскому¹. Участок площадью около 20 га вокруг святилища считался священным и не распаивался вплоть до середины 30-х годов текущего столетия. Именно это обстоятельство, а также ряд странных на первый взгляд верований и легенд, связанных с этим святилищем и сохранившихся в местной среде, привлекли наше внимание к данной местности. К тому же в последние годы, после проведения Ташикарского оросительного канала, началось интенсивное освоение Дедоплис Миндори под сады и виноградники, что грозило уничтожением памятников культуры. Поэтому в 1972 г. было решено приступить к археологическим изысканиям. В результате разведок на Дедоплис Миндори был обнаружен ряд первоклассных памятников древности начиная с эпохи ранней бронзы и кончая ранним средневековьем. Стационарные раскопки в районе святилища в первый же полевой сезон, как и предполагалось, выявили остатки дохристианского храмового комплекса.

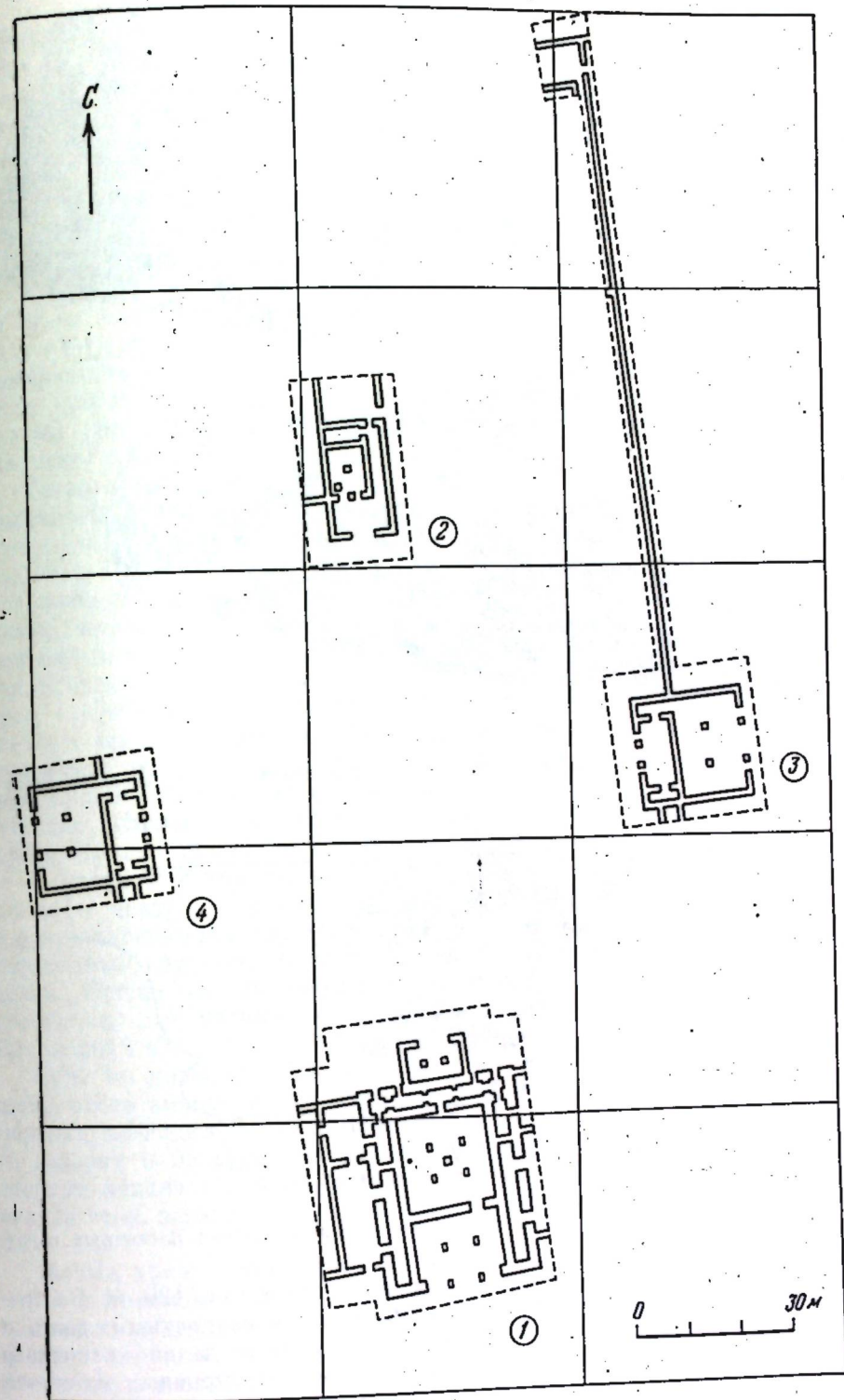

Рис. 1. Дедоплис Миндори

1 — Главный храм; 2 — Малый храм; 3 — Восточные ворота; 4 — Западные ворота

Комплекс представляет собой грандиозную систему одновременных построек, составляющих прямоугольник площадью около 6 га, ориентированный продольной осью с юга на север, с небольшим отклонением (рис. 1). В течение трех полевых сезонов раскопаны:

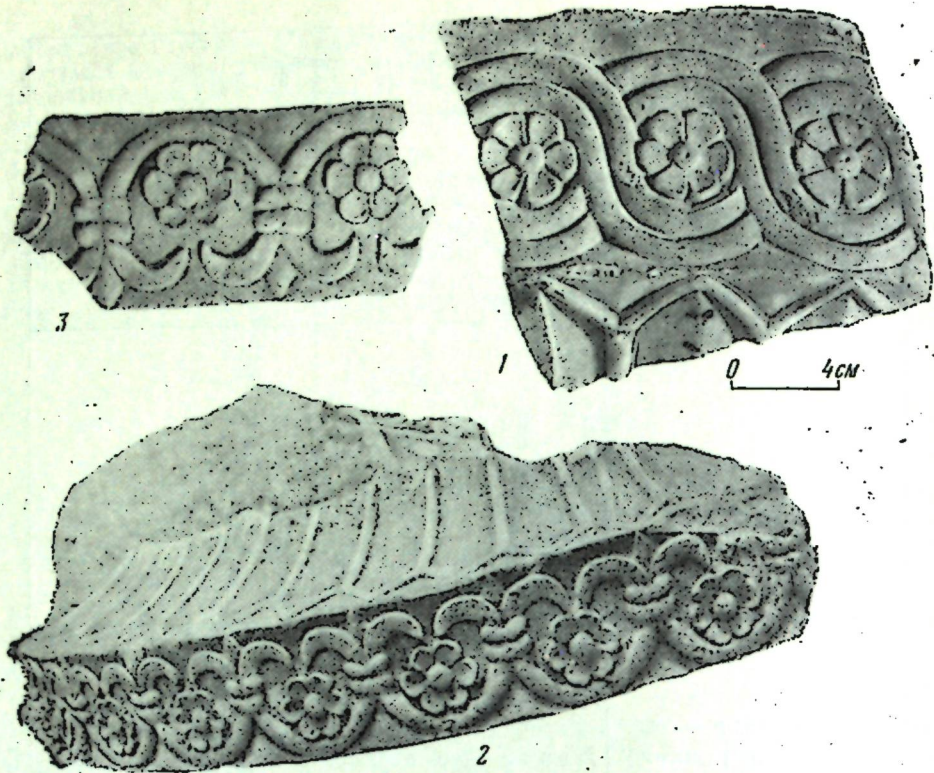

Рис. 2. Обломки капителей

1 — из северного портика Главного храма; 2, 3 — из внешнего портика Западных ворот

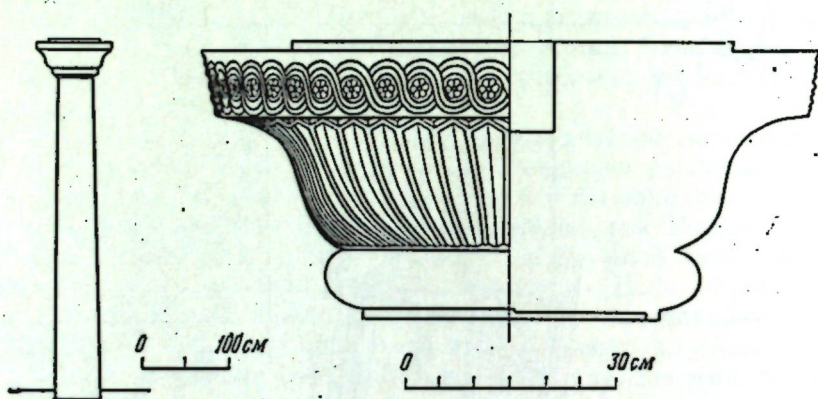

Рис. 3. Капитель и колонна (реставрация) внутреннего портика Восточных ворот

храмы, часть восточной внешней стены на протяжении 120 м, Восточные и Западные ворота, ведущие во внутренний квадратный двор, и частично несколько других помещений, в том числе и вне основного прямоугольника комплекса. Все стены возведены из сырцовых кирпичей стандартных размеров ($50 \times 50 \times 12$ и $50 \times 25 \times 12$ см) на булыжном основании. Балочные конструкции перекрытий, зафиксированные нами на полах помещений, некогда были скреплены железными четырехгранными коваными гвоздями длиной от 15 до 59 см и опирались на деревянные колонны, часть которых была увенчана резными капителями. Колонны не имели баз. Деревянные четырехугольные опоры колонн были вмазаны в толщу глинобитных полов.

Капителы изготовлены из прекрасного местного мелкозернистого карбонатного песчаника желтовато-белого цвета. Они покрыты резными рельефными «язычками» — лепестками лотоса, имеют гладкий полукруглый эхин и несколько отличаются друг от друга только орнаментом абака, украшенных пальметками и шестилепестковыми розетками (рис. 2). Выдающимися произведениями камнерезного мастерства. Прямые их аналоги нам неизвестны, хотя все отдельные элементы орнамента найдены множество параллелей в произведениях ахеменидского, парфянского и сасанидского искусства. Высота капителей 40 см, наибольший диаметр 90 см; верхний диаметр колонн 40 см (рис. 3).

Все раскопанные здания, за исключением центральной части Главного храма, имели черепичную кровлю. Черепицы были желобчатые и плоские с вертикальными бортами, а также широкие коньковые желобчатые. Поверхность их окрашена в красный цвет. Они несколько крупнее мидийских (длина их достигает 57 см) и отличаются от них отдельными деталями (формой выступов на плоских черепицах и калитерах и т. п.). На некоторых черепицах имеются знаки, нанесенные по сырой глине.

Главный храм (46×30 м) занимает южную часть комплекса (рис. 4). Открытый с юга обширный портик ведет в квадратную четырехколонную ячейку, в центре которой возвышается четырехугольная платформа ($1,60 \times 1,60 \times 0,15$ м) для алтаря. Дверь между портиком и ячейкой расположена асимметрично по отношению к центральной оси, очевидно с той целью, чтобы алтарь не был виден снаружи. Ячейку и портик с трех сторон окружает система коридоров, разделенных перегородками на три части, у каждой из которых есть самостоятельные наружные входы. Кроме того, в северной части коридора имеются четыре симметрично расположенных широких окна. В северной стене ячейки прорезана дверь, связывающая ячейку с коридором. К основному прямоугольнику храма с севера примыкает помещение типа айвана — открытый портик с двумя колоннами. Стены храма были оштукатурены и окрашены. Сохранились куски обмазки, покрытые красной, белой и синей красками.

Ячейка и портики имели плоскую кровлю с уступчатой ложным куполом в центре, над алтарем. У внешних галерей храма была односкатная черепичная кровля. В ячейке и южном портике стояли спаренные деревянные колонны, по-видимому оштукатуренные и не имевшие капителей. Пролет между колоннами достигает 5,5 м. В северном портике стояли круглые колонны с каменными капителями. Пролет между ними был около 3 м.

Судя по диаметру колонн (около 60 см внизу и 40 см вверху), общая высота айвана могла достигать 5—6 м, высота же ячейки и южного портика, по-видимому, была несколько больше — около 8 м. В пользу этого говорит и большая толщина стен ячейки (1,60 м) по сравнению со стенами айвана (1,10 м), а также подсчет количества рядов кирпичей в кладке стен, заваливших ячейку. Наибольшая сохранившаяся высота стен около 2 м.

Малый храм расположен в 90 м к северу от Главного. Здесь, так же как и в Главном храме, имелся открытый с юга портик, почти квадратная ячейка и двусторонняя обходная галерея. Но ячейка с портиком была связана не одной, а двумя дверями и имела всего одну, центральную, увенчанную каменной капителью колонну. Платформа алтаря конструктивно не отличалась от платформы Главного храма, имела одинаковую с ней высоту, но несколько меньшие размеры ($1,10 \times 1,10$ м). Черепичная кровля Малого храма, по-видимому, была двускатной.

Восточные и Западные ворота расположены строго симметрично по отношению к храмам. Каждые из ворот представляли собой обширные пропилеи с шестью колоннами, составленные как бы из двух неравных портиков, больший из которых обращен наружу, а меньший, двухколонный, — внутрь комплекса. По обе стороны внутреннего портика располо-

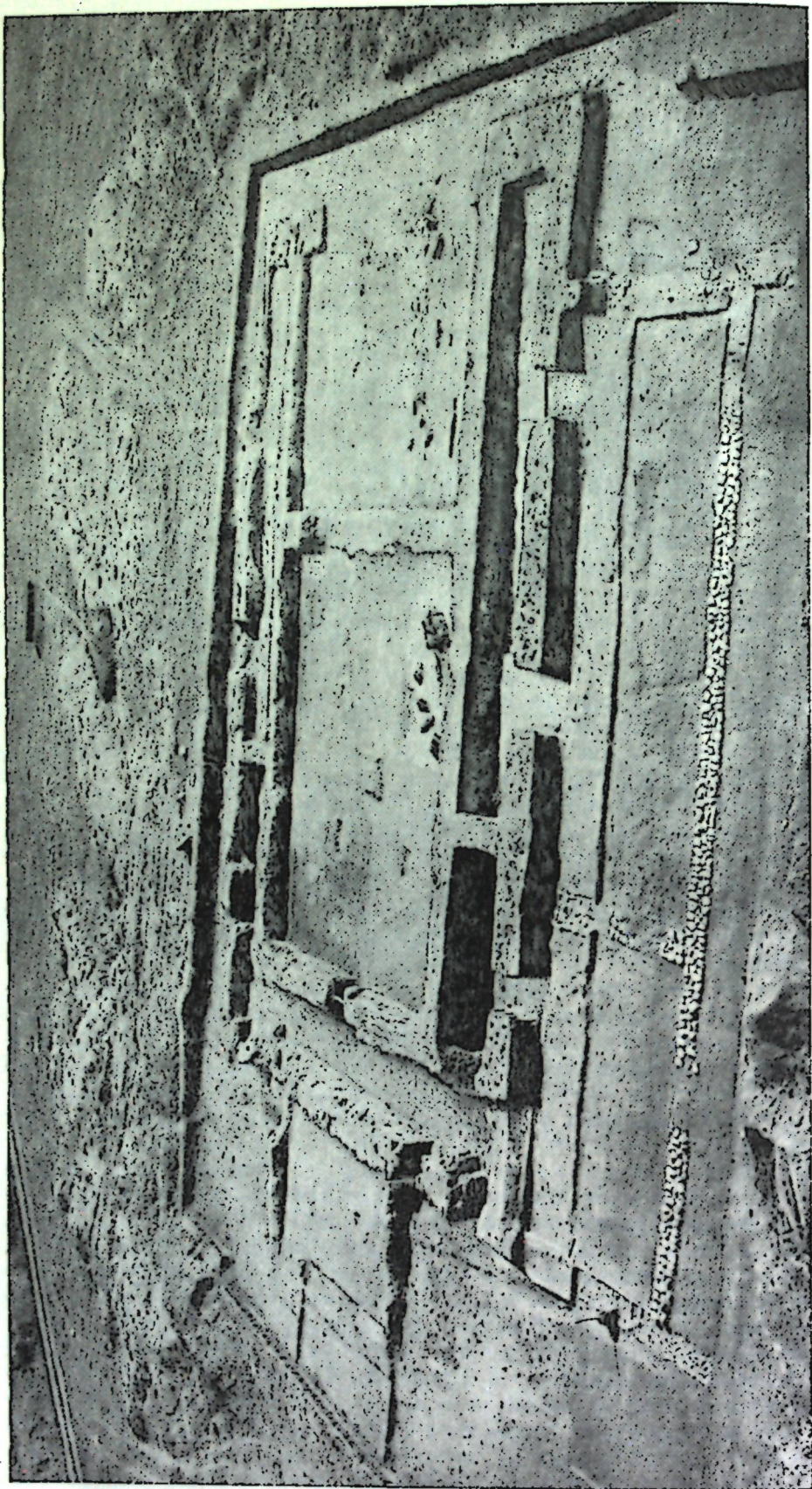

Рис. 4. Главный храм. Вид с запада

жены небольшие прямоугольные помещения, связанные с ним дверьми. Вещественных находок на территории комплекса сравнительно мало. Бросается в глаза почти полное отсутствие бытовых остатков (керамики, костей и т. п.). Только над центром Главного храма, в двухметровой толще земли, накопившейся в течение веков, встречались монеты XVIII—XX вв. и керамика от современной до раннесредневековой — явно приношения к разрушенному святилищу, а позже — к заменившему его святилищу св. Георгия Саркейского. Стела с изображением св. Георгия стояла точно над алтарем Главного храма.

Рис. 5. Золотая бляшка с рельефным изображением богини с полумесяцем над головой из клада, найденного в 1926 г. в окрестностях храма

Археологические материалы, найденные на полу Главного храма под завалом саманных стен (бронзовый браслет с вогнутой спинкой, цилиндрическая полихромная стеклянная бусина, черпощенные миски с поддонами и др.) относятся к I в. до н. э. — началу нашей эры. Комплекс был возведен, по-видимому, в I в. до н. э., и, вне всякого сомнения, одновременно, по единому замыслу. В пользу такого соображения говорят строгая симметричность комплекса, соразмерность отдельных его частей, стандартность деталей и строительных элементов. Например, во внутренний квадратный двор со всех четырех сторон выходили открытые портики одинаковых размеров с одинаковыми колоннами и капителями; равны по размерам внешние портики ворот и южный портик Главного храма; все стены одной толщины (в два кирпича — 1,10 м), за исключением более толстых (в три кирпича — 1,60 м) стен Главного храма и тонких перегородок в полкирпича в северном коридоре храма; одинаковы саманные кирпичи и черепицы; все 18 уже открытых капителей безусловно являются продукцией одной мастерской и т. д.

Храмы Дедоплис Миндори стоят в одном ряду с множеством храмовых и дворцовых зданий древнего и эллинистического Востока, главная архитектурная тема которых — колонный зал. Здания такого типа — с центральным колонным залом, открытыми портиками и обходными галереями — приняли окончательно заверченный вид в эпоху Ахеменидов (дворцы Персеполя, храм огня в Сузах и др.), но ряд своеобразий в решении плана Главного храма Дедоплис Миндори свидетельствует об его более молодом, чем ахеменидская эпоха, возрасте. Это в первую очередь — расчленение галерей, окружающих целлу и портик, на несколько самостоятельных помещений, что указывает на вырождение самой идеи обхода. Эти помещения несли иную функциональную нагрузку. Например, юго-восточный коридор служил хранилищем жертвенных животных: в нем обнаружено более 100 черепов благородных оленей с ветвистыми рогами, некогда прикрепленных к стенам (для этой цели черепа спилены, а в рогах просверлены отверстия), а также несколько кабаньих и козлиных черепов.

Своеобразие храма надо считать и наличие северного портика — айвана. Порттик этот не сообщается с другими помещениями храма, что также должно указывать на какие-то его особые функции. Расположение айвана с тыльной стороны храма невольно наводит на мысль, не имеем ли мы тут дело с подобием опистодома античного храма. Если это под-

твердится, то можно будет говорить об эллинистическом влиянии, но только о заимствовании идеи, а не архитектурных форм.

Храм погиб в результате сильнейшего пожара. Горевшая кровля целиком провалилась на пол и была закрыта развалинами стен. С тех пор развалины Главного храма никто не тревожил. Только в позднем средневековье здесь были вырыты две неглубокие ямы для случайных, явно криминальных захоронений. Остальные здания комплекса, к сожалению, сильно повреждены глубокой вспашкой последних лет.

Грандиозные, поистине «древневосточные» масштабы храмового комплекса Дедоплис Миндори, его расположение в географическом центре древней Иберии и полное отсутствие оборонительных фортификационных сооружений вокруг него свидетельствуют об общегосударственном значении этого святилища. Особый интерес представляет тот факт, что в средние века территория Дедоплис Миндори входила в царский домен и являлась уделом грузинских царей. Эти обстоятельства должны быть приняты во внимание при определении культов, которым были посвящены храмы Дедоплис Миндори. По некоторым данным, Главный храм мог быть посвящен какому-то женскому божеству типа авестийской Ардви (рис. 5), но это предположение сугубо предварительное, и окончательное суждение можно будет составить только после завершения раскопок всего храмового комплекса, а также обнаруженных в его окрестностях одновременных ему могильников и трех селищ, где, очевидно, должны были проживать члены храмовой общины, непосредственно обслуживавшей некогда святилище Дедоплис Миндори.

¹ Монастырь Сарке находится примерно в 15 км южнее Дедоплис Миндори на Тriaлетском хребте. Согласно легенде, записанной в селах Арадети, Цвери и Саголапени, св. Георгий «переселился» в названный монастырь чудодейственным образом именно с Дедоплис Миндори, с того места, где нами были выявлены развалины языческого храма.

Г. М. НЕМСАДЗЕ

ПОГРЕБЕНИЯ ИБЕРИЙСКОЙ ЗНАТИ ИЗ ЗГУДЕРИ

В живописном ущелье р. Дзама, являющейся правым притоком Куры, находится с. Згудери; местность же, непосредственно примыкающая к этому селу с юго-запада, ныне называется Зоврети. Согласно грузинским письменным источникам, в средние века Зоврети был небольшим городом; просуществовавшим вплоть до конца XVIII в.

Современное название с. Згудери произведено от слова «згуде» — «ограда» и в буквальном переводе на русский означает «огражденное место», т. е. город. В специальной литературе высказано мнение, что слово «згудери» в древнегрузинском, до появления заимствованного слова «калаки», обозначало вообще город.

Историк XIX в. П. Иоселиани, исходя, очевидно, из данных неизвестного для нас источника, в одной из своих книг отмечает, что г. Зоврети был построен иберийским царем Мирдатом в 113 г. н. э.¹

Раскопки, проведенные экспедицией Государственного музея Грузии в 1964—1966 гг.², некоторым образом подтвердили возможность того, что сообщение П. Иоселиани близко к действительности. Выявленные экспедицией материалы аналогичны известным материалам с памятников Бори, Багинети, Кдееети, Мцхета-Армази, Живвали, являвшихся пунктами, где, по всем данным, находились культурно-административные центры страны (Картлийского или Иберийского царства), представлявшие со-

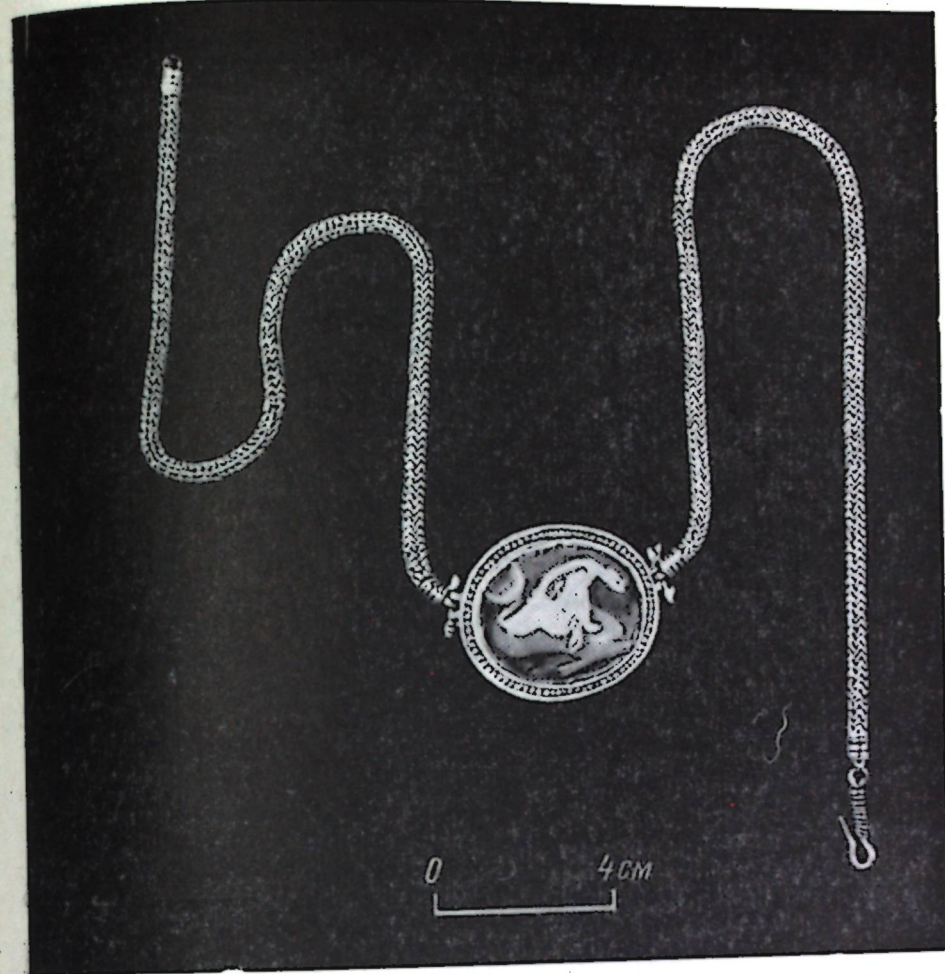

Рис. 1. Золотое ожерелье с камеей

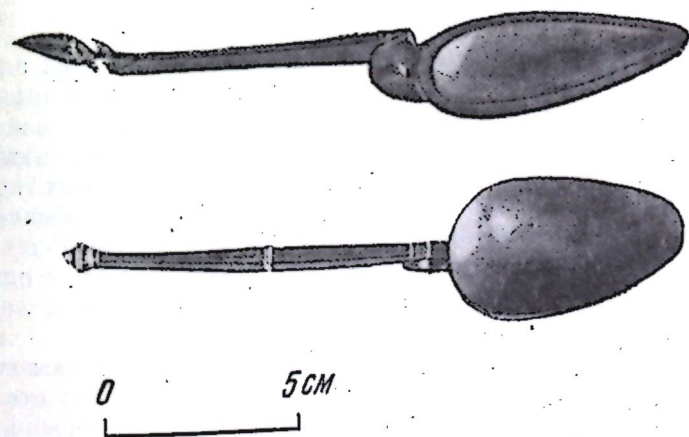

Рис. 2. Серебряные ложки

бой резиденции грузинских эриставов-пштакшей. По-видимому, один из таких центров был расположен и в ущелье р. Дзама, на торговой трассе, ведущей из Внутренней Картли в Переднюю Азию. Кстати, средневековый топоним Зоврети объясняется как «таможня».

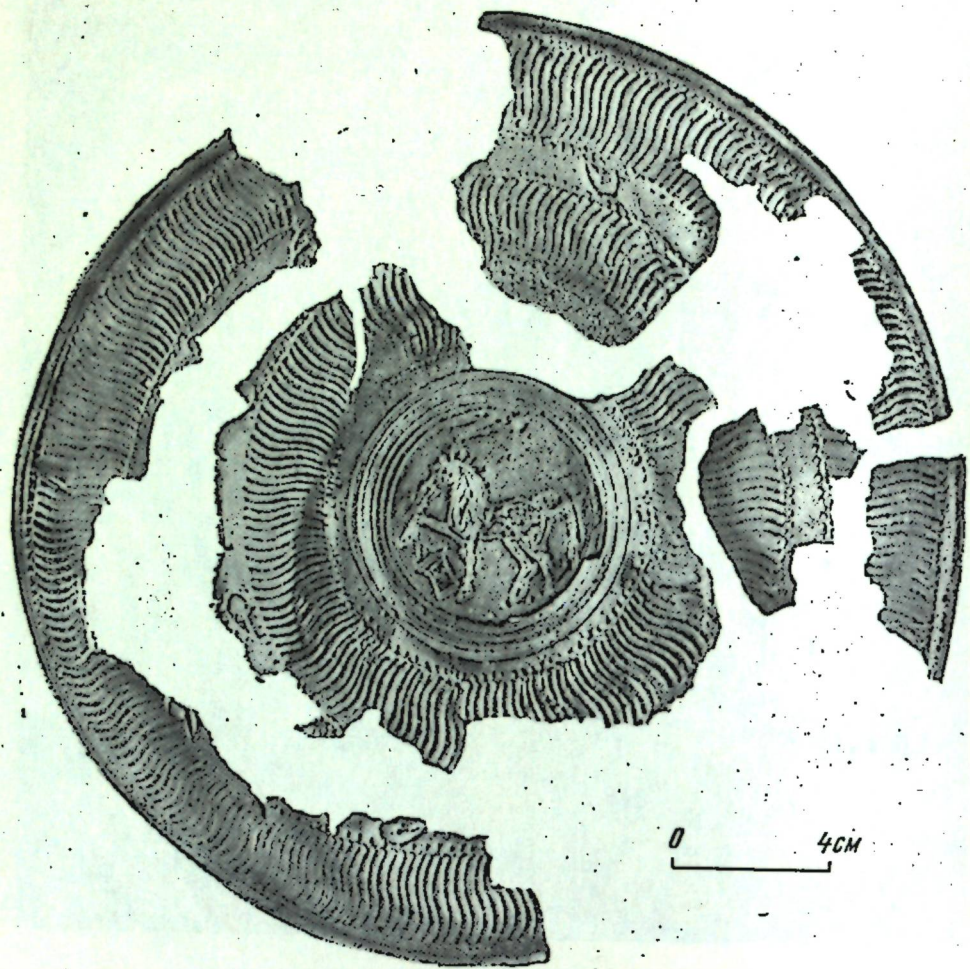

Рис. 3. Серебряная чаша с изображением лошади перед алтарем

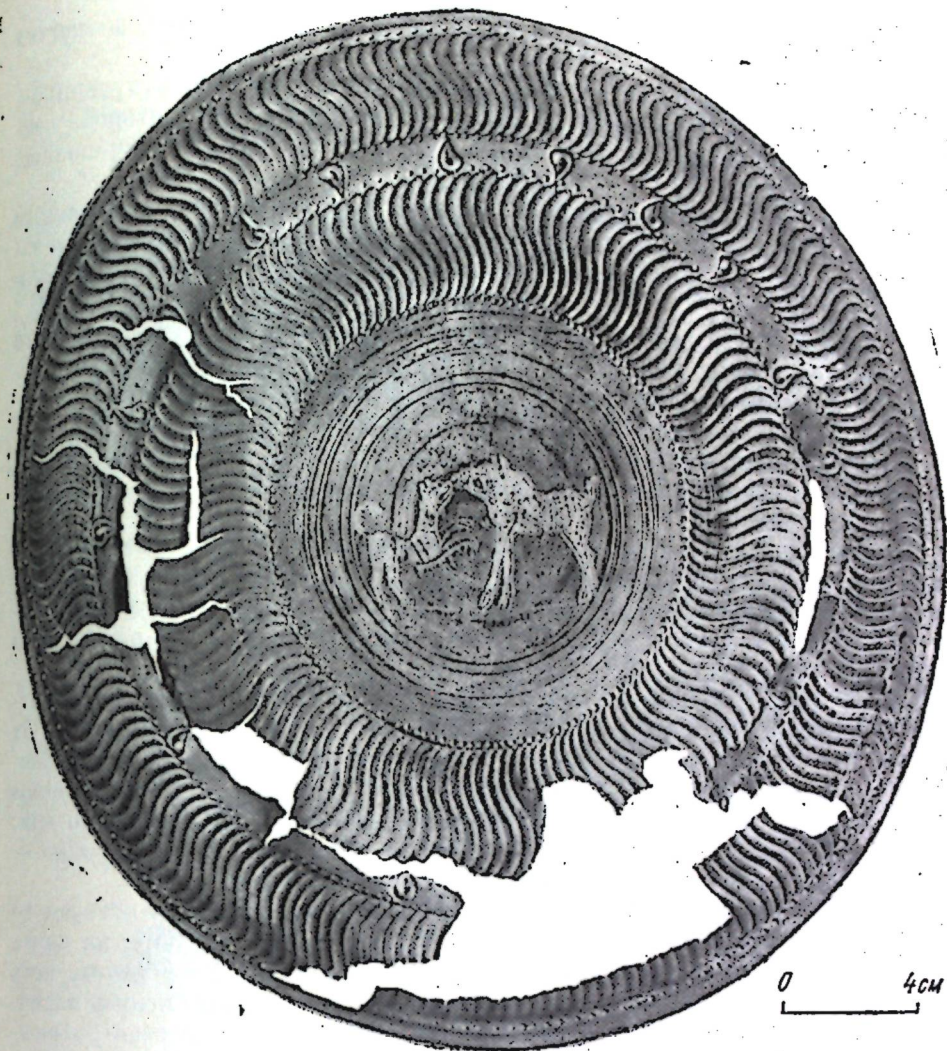

Рис. 4. Серебряная чаша с изображением собаки и вепря

Раскопками было установлено здесь наличие могильника эпохи поздней бронзы и железа, могильника позднеантичной эпохи, а также жилых и хозяйственных построек позднеантичной эпохи и средневековья.

Всего было раскопано шесть позднеантичных погребений, давших весьма значительный материал, датирующийся в пределах конца II—IV в. н. э. Погребения грунтовые; в трех случаях в наиболее богатых из них были зафиксированы деревянные саркофаги. Все погребенные лежали головой на запад. Погребение 3 было парное с одновременным захоронением. У восточной его стены, вне саркофага, лежало два конских скелета.

Погребения содержали богатый инвентарь, состоящий из золотых, серебряных и бронзовых предметов ритуального назначения; столовой посуды и украшений; золотых и серебряных римских и серебряных парфянских монет (всего 58 экз.)². В двух погребениях были обнаружены обычные для погребений иберийской знати начала нашего летоисчисления ножки от деревянных погребальных лож с серебряной обкладкой.

Золотые украшения Згудерского могильника обычны для римской эпохи. Это браслеты с перевитыми концами; составные серьги, украшенные гранатами, бирюзой и жемчугами; нашивные бляшки, розетки и трубчатые пронизки с гранатами; инкрустированные застёжки с плоскими прозрачными гранатами; перстни, обычные для II—III вв., украшенные камнями, среди которых несколько резных; великолепный портрет эллини-

стического типа, изображающий предположительно Александра Македонского, на выпуклом огненно-красном яхонте; грилл — фантастический синтез человеческой головы, протомы коня и птичьих ножек — изображение, охраняющее от дурного глаза, на гранате-пиропе; сердоликовая гемма с изображением орла, терзающего зайца; две геммы с греческими надписями, на одной — портрет бородатого мужчины сократовского типа (первоклассная работа III в.), на черном стекле, с негативной надписью Геллиу, на другой — парный портрет молодой четы с надписью Матрона, Кабриас, на гранате, вставленном в перстень явно III в.

В деревянном саркофаге 3 — наиболее богатом погребении згудерского могильника — на шее покойника находилось ожерелье, состоящее из эластичной золотой витой цепочки и овального медальона с камеей, вырезанной на сардониксе, — нимфа Нерейда в развевающейся накидке восседает на дельфине. Згудерская камей, безусловно, один из лучших образцов малого искусства римской эпохи (рис. 1). У этого же покойника на руках имелись использованные в качестве браслетов две цепочки от ожерелья вышеописанного типа.

Згудерские погребения дали богатую коллекцию римского серебра. Наиболее значительным является, к сожалению, сильно фрагментированное блюдо, орнаментированное листьями акафа и золочеными шишками. В центре блюда находилось окруженное лавровым венком позолоченное

изображение божественного орла — Юпитера, держащего в когтях молнию.

Не менее великолепным было также сильно фрагментированное блюдо с круговой греческой дарственной надписью, от которой сохранился остаток всего одного слова (Э)ХАРИСАМЕ(Н) — преподнес, подарил.

Греческими и арамейскими надписями снабжены также и остальные предметы серебряной утвари из Згудери: одно из гладких блюд, маленькое плоское блюдце, клинок с фигурными ручками и одна из двух ложек (рис. 2).

Употребление греческой письменности обычно для эллинизированного Востока, в частности для Грузии. Даже надпись официального характера, вырезанная от имени Веспасиана и найденная в Мцхете, исполнена греческим, а не латинским письмом. Что же касается арамейского алфавита, он также широко был распространен в Грузии, где, в частности, употреблялся его своеобразный вариант, названный академиком Георгием Церетели армазским.

Стилистически обособленную группу составляют четыре серебряных сосуда — три чаши и кувшины. Чаши однотипные, неглубокие, с гравированными изображениями животных в центре. На одной, сильно поврежденной, — резное золоченое изображение коня перед алтарем, на котором лежат шишка и два яблока.

Вторая чаша сохранилась лучше (рис. 3); в центре ее также имеется резное золоченое изображение лошади перед огненным алтарем. От центрального изображения исходят изогнутые лучи, ореолом окружающие его; тем самым вся чаша представляется как бы символическим изображением солнечного диска. Точных аналогий у этих чаш всего три; две из них найдены в Армази, в погребении питиахша Берсума, одна — в Бори, надпись которой упоминает питиахша Бузмихра.

Иное центральное изображение на третьей чаше (рис. 4); которая во всем остальном аналогична предыдущим чашам. Здесь друг против друга изображены собака с золочеными поясками и высоконогий вепрь, весь позолоченный. Вепрь, так же как лошадь и бык, по грузинским народным верованиям, является священным животным и связан с астральными культами.

Серебряный кувшинчик с рифленой поверхностью стилистически сближается с вышеупомянутыми чашами. Следует думать, что все четыре сосуда, как и ножки от погребальных лож, являются продукцией местных мастерских.

Большой интерес вызывают сильно фрагментированные остатки небольшой деревянной фигурки сидящего животного (льва?), обложенного тонким серебряным листом. Возможно, это часть погребального ложа; стилистически она также примыкает к вышеупомянутым предметам.

Помимо серебряной посуды в погребении найдены бронзовая патера и ойнохоя (рис. 5); подобные сосуды, как известно, являются в основном продукцией италийских мастерских I в. и засвидетельствованы в хорошо датированных комплексах I—II вв. н. э.

Згудерский могильник дал нам три бронзовых предмета, явно связанных с культом. Из них — две курильницы. Одна представляет собой голову быка с короткими рогами, с инкрустированными костяными глазами (рис. 6). Голова литая с тщательной вторичной доработкой мелких деталей поверхности. Высунутый язык заставляет предполагать, что мы тут имеем дело с отрубленной головой жертвенного животного. Тыльная сторона головы представляет собой изображение портала с двумя колоннами и двухстворчатой открывающейся дверью. Полая внутренность головы была заполнена углем и золой; благовошный дым выходил через сквозные отверстия поздрей животного.

Вторая курильница (рис. 7) является миниатюрной моделью храма с

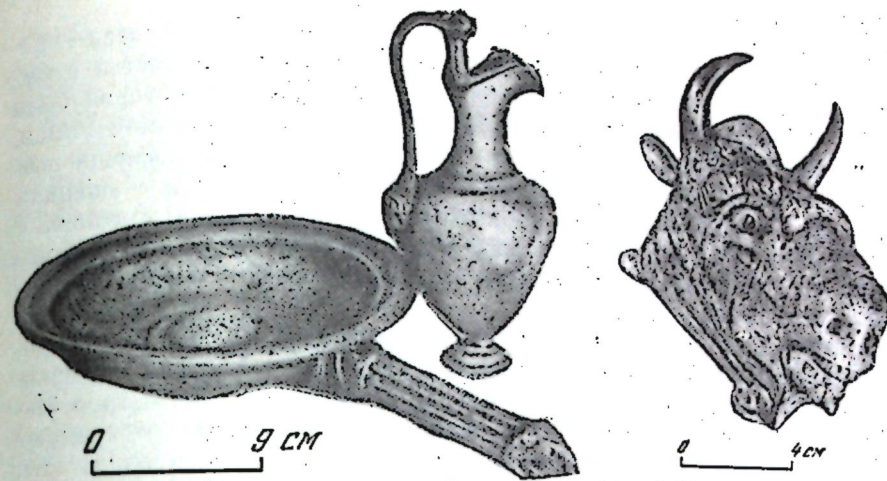

Рис. 5. Бронзовая патера и ойнохоя

Рис. 6. Бронзовая курильница

Рис. 7. Бронзовая курильница

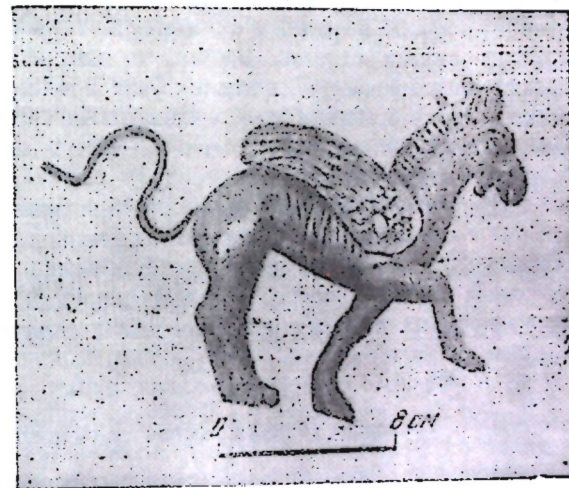

Рис. 8. Бронзовый грифон

куполом в виде шишки пинии, прорезанной множеством отверстий для выхода дыма. Курильница стоит на четырех ножках. Фасадная ее сторона представляет портал с двумя пилястрами и одностворчатой дверью. Внутренность курильницы также была заполнена углем и золой; она стояла в саркофаге 2 у правого локтя покойника.

Курильницы, оформленные в виде архитектурных сооружений, в том числе и храмов, как нам известно, довольно распространены в Сирии и Египте. Згудерские курильницы, очевидно, связаны с погребальным культом, но нет никаких оснований отрицать их использование и при других случаях отправления культа.

По-видимому, с культовыми представлениями была связана и бронзовая литая фигурка крылатого грифона с лучистой гривой, хвост и крылья которого приклепаны (рис. 8). Правая передняя нога грифона приподнята точно так, как у священных животных, изображенных перед алтарем. К культовым предметам следует отнести также два сильно поврежденных железных светильника на ножках, найденных в саркофагах 1 и 2.

Группа различных стеклянных сосудов, вне всякого сомнения, является импортной.

Как видим, материал, добытый в Згудери, очень разнообразен — наряду с местными изделиями имеются в значительном количестве и импортные. Очевидно, местная аристократия, представители которой были погребены в Згудери, старалась не отставать от моды, диктуемой Римом, и торговцы доставляли им по мере возможности предметы роскоши почти со всех концов тогдашнего мира. Связи античной Иберии с внешним миром — как с Западом, так и с Востоком — были весьма интенсивны и многосторонни; они должны были найти и безусловно нашли отражение также и в духовной жизни грузинского народа, в частности в его религиозных представлениях.

Результаты раскопок Згудерского могильника в значительной мере дополняют наши знания об общественном и культурном развитии Иберии. Здесь в первую очередь привлекают внимание материалы, которые в свете данных грузинских письменных источников и этнографии раскрывают сложную картину религиозной жизни Грузии первых веков нашей эры.

Древние астральные культы Грузии постепенно трансформируются под мощным влиянием персидского маизма; проникают сюда греко-римские культы, пуданизм. Все более и более популярным становится Митра — как в народе, что видно из этнографических данных, так и в высших кругах страны. Именно с митранизмом связывает большинство исследователей чаши с конями. Безусловно, к тому же кругу культа относится и курильница в виде головы быка — главного атрибута Митры. Весьма примечательно, что все подобные предметы найдены в могилах знати.

Грузинское язычество переживало острый кризис; различные культы в разных соотношениях сливались и смешивались с местными верованиями. Процесс этот завершился решающим шагом царя Мириана — объявлением христианства государственной религией Грузии. Тем самым Грузия взяла курс на Запад, противопоставив себя своему восточному соседу — Персии.

¹ Исследованы П. Города существовавшие и существующие в Грузии. Тифлис, 1850, с. 52.

² Немсадзе Г. М. Результаты работ, проведенных Згудерской археологической экспедицией в 1964—1966 гг. — В кн.: Археологические экспедиции Государственного музея Грузии (отчеты 1965—1966 гг.). Тбилиси, 1968, с. 45—55, табл. I—VIII.

³ Голенко К. В., Капанадзе Д. Г. Монеты, найденные в селении Згудери (Грузинская ССР) в 1964—1965 гг. — ВДИ, 1968, № 1, с. 160—166, табл. I—IV.

⁴ В книге С. Амиранашвили (*Amiranašvili S. Poklady Gruzie. Praha, 1971, obr. XVI*) по ошибке указано, что эта чаша из Армази.

Р. М. РАМИШВИЛИ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ АРАГВСКОГО УЩЕЛЬЯ

Более шести лет вдоль Военно-Грузинской дороги в районе строительства Жинвальского гидроузла Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР проводит археологические изыскания. За прошедшие годы Жинвальская комплексная археологическая экспедиция, помимо полевых исследований, охвативших большой отрезок ущелий Пшавской и Мтиулетской Арагви, вела разведочные работы¹.

Хронологический диапазон археологических памятников Арагвского ущелья огромен. В 1971—1973 гг. выявлено несколько памятников ка-

менного века². В самом Жинвали обнаружен многослойный памятник ранней и средней бронзы³, содержащий в верхних слоях керамику позднебронзового периода.

Среди памятников античного времени чаще всего встречаются могильники и поселения так называемого позднеантичного, или армазского, периода⁴. Памятники раннесредневекового периода и особенно эпохи Руставели обнаруживаются почти на каждом шагу. Само городище Жинвали является одним из значительных памятников средневековой Грузии⁵. В зоне затопления раскапываются и памятники позднефеодального периода.

Новый поток археологического материала и в связи с этим возросшая информация во многом изменили нашу точку зрения по некоторым вопросам истории Арагвского ущелья (а может быть, и Иберийского царства) и поставили нас перед новыми проблемами. В связи с этим, помимо практической деятельности, т. е. изучения и фиксации археологических памятников, расположенных в зоне строительства и будущего водохранилища, коллективу Жинвальской экспедиции приходится заниматься многими вопросами, среди которых выделяются проблемы взаимоотношения горных и низменных регионов Восточной Грузии и взаимоотношения с Северным Кавказом⁶.

Жинвали, возникший у входа в Арагвское ущелье, на перепутье древних дорог, как крупный экономический и политико-стратегический пункт, контролирующий большие дороги, идущие на север, дает значительный материал для уяснения этих узловых проблем. Особое внимание привлекает могильник и поселение позднеантичного, или армазского, периода в сел. Арагвиспире, где пятый год ведутся стационарные работы.

Арагвиспире находится в Душетском районе, на трассе Военно-Грузинской дороги, в 20 км от Мцхета (к северу). Поселение и могильник расположены на первой террасе правого берега Арагви (на территории совхозного виноградника). От обрыва первой террасы почти до самой Военно-Грузинской дороги, на узкой полосе шириной 150—200 м, разбросаны остатки зданий, булыжники и многочисленные обломки плоских и желобчатых черепиц. В центральной части поселения все перемешано. Но по уцелевшим от плантажа фрагментам кладок четко выделяются два строительных слоя (рис. 1). Строительные остатки верхнего горизонта представлены кладкой из булыжника, сохранившейся на уровне фундамента. Стены, по всей вероятности, были возведены из сырцовых кирпичей. Фундаменты верхнего строительного горизонта находились на глубине 0,3 м от поверхности земли. Характер кладки и строительных приемов нижнего слоя (глубина 0,7—0,9 м) пока еще не совсем ясен, но булыжник здесь более крупных размеров. Для обоих строительных слоев характерны глиняные изделия из хорошо отмученной глины светлого обжига, обломки столовой посуды и черепицы. Черепица, обнаруженная в нижнем слое, более крупных размеров и покрыта красным ангобом.

Верхний строительный горизонт очень схож с соответствующими слоями поселений в Згудери⁷, Настакиси⁸, Ахали-Жинвали⁹ и др., что дает возможность датировать его рубежом III—IV вв. н. э. Что касается нижнего слоя, хронологически не очень древнего, то он требует дополнительных исследований.

Большой интерес вызывает могильник, синхронный поселению. Грунтовая погребения, раскопанная в 1974—1975 гг., была расположена в юго-восточной и южной частях поселения (пока раскопаны жезла в юго-восточной и южной частях поселения (пока раскопаны 48 погребений). Часть погребений обнаружена на глубине 0,6—0,8 м, другие на глубине 1—1,5 м.

Типичное грунтовое погребение представляет собой яму овальной формы, на дне которой лежит один или реже два костяка в скорченной позе. Для инвентаря рядовых погребений характерны один-два гли-

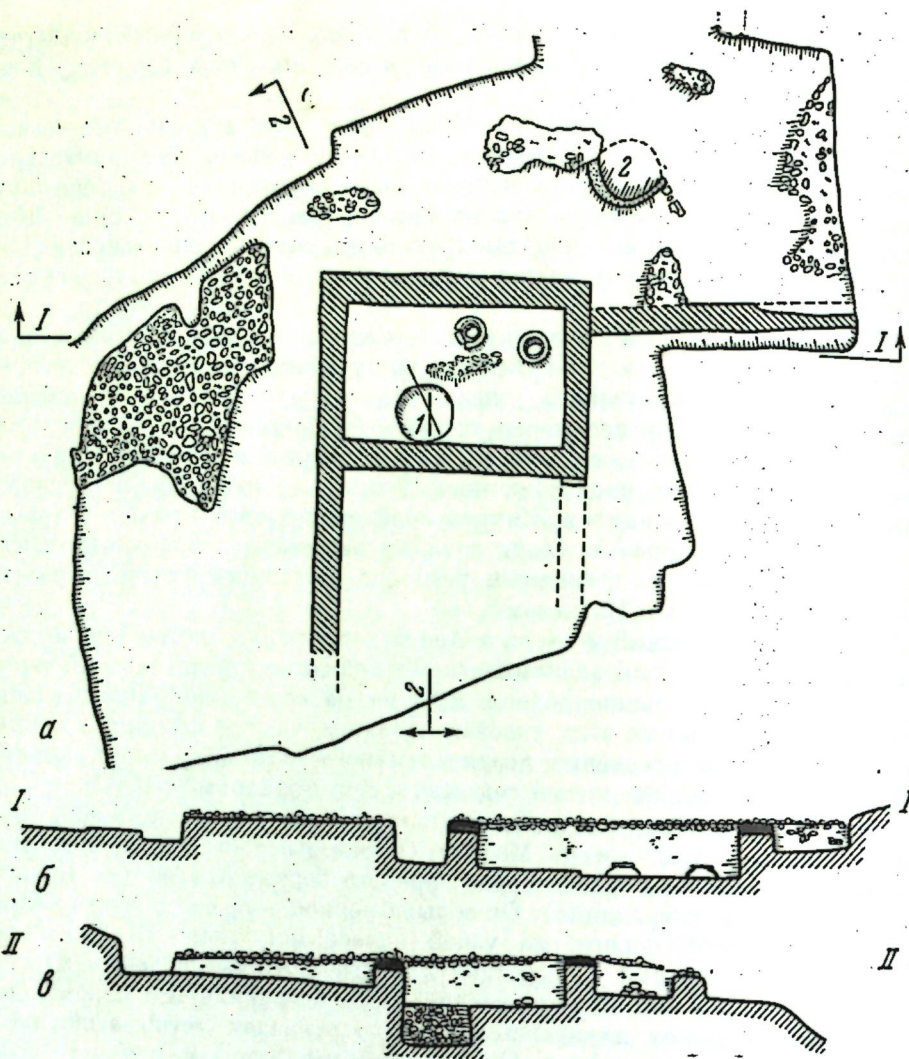

Рис. 1. План (а) и разрезы (б, в) остатков центральной горы поселения Арагвиспири (масштаб 1:50)

няных сосуда и украшения (бусы стеклянные, гагатовые, реже янтарные, перстни бронзовые и серебряные, часто с геммами, и др.).

В юго-восточной части могильника обнаружена также группа богатых погребений. Они, как и рядовые, являются грунтовыми. Никаких следов деревянных саркофагов в арагвиспирских погребениях не обнаружено. Но богатые погребения резко отличаются от рядовых не только по инвентарю, но в некоторых случаях и по обряду захоронения. Например, в трех погребениях (№ 10, 12, 13) засвидетельствовано захоронение на спине в вытянутой позе, головой на запад.

Погребение 9 обнаружено на глубине 1,5 м. В нем костяк находился на левом боку, в полускорченной позе, головой на запад. У изголовья покойника стояли два глиняных кувшина. В погребении обнаружены также: золотой медальон, инкрустированный алмандиновыми пластинками, золотые перстни, в том числе один с алмандиновыми вставками в стиле медальона, золотые полусферические пуговки, золотые серьги (рис. 2, 1), многочисленные бусы, в основном из стекла и агата, и др. Судя по костям и инвентарю, погребение принадлежало женщине.

Погребение 10 обнаружено на глубине 1,3 м в северо-восточной части раскопа. В нем был захоронен человек, лежавший в вытянутой по-

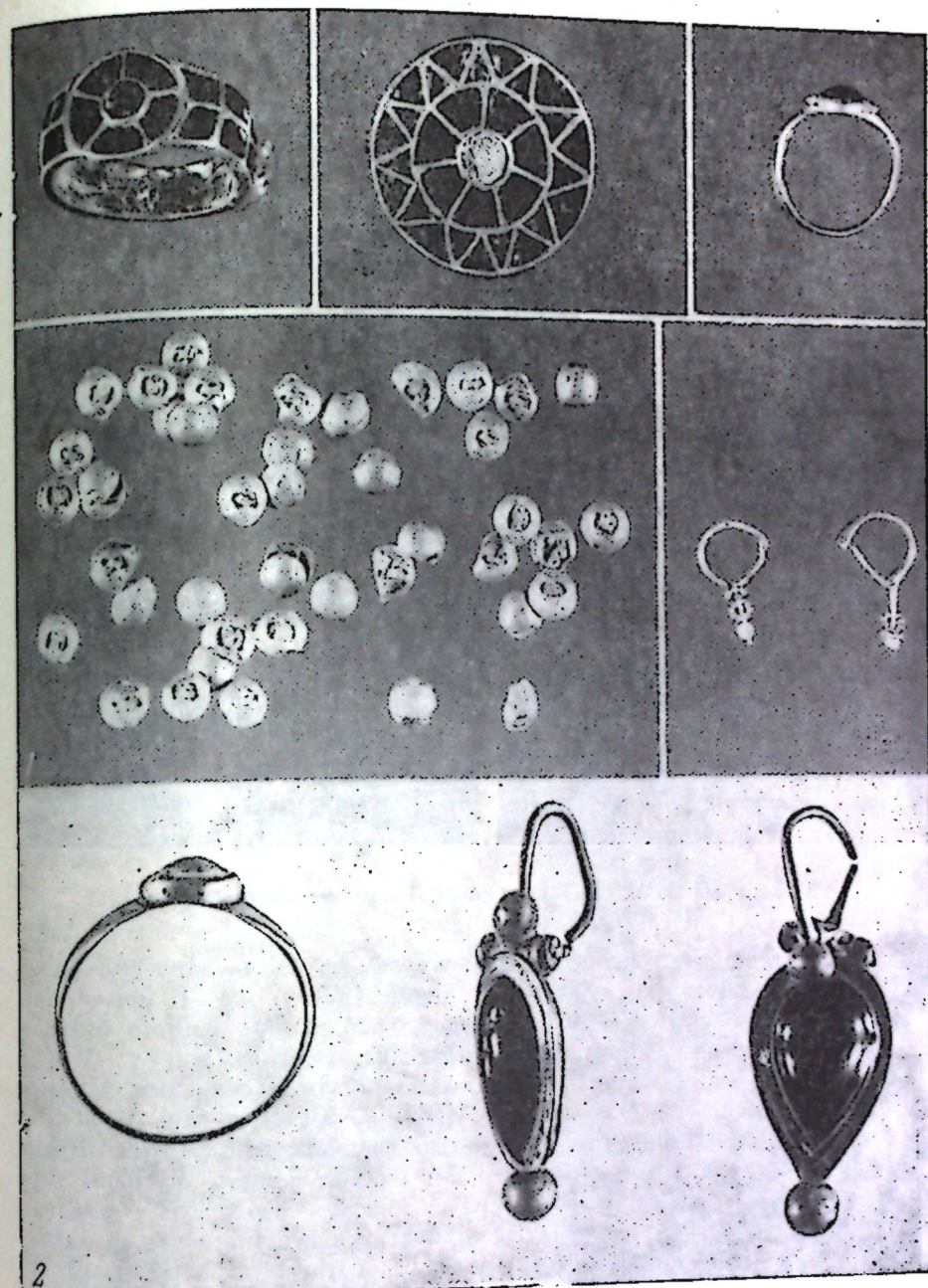

Рис. 2. Золотые украшения из погребения 9 (1) и серьги и перстень из погребения 10 (2)

зе, головой на запад. Правая нога ниже колена, видимо, еще при жизни была отсечена. В погребении были найдены: под головой серебряная позолоченная чаша, в центре которой изображен орел с раскрытыми крыльями и с короной в клюве (рис. 4, 1), пара золотых серег с гранатовыми вставками (рис. 2, 2), золотые и серебряные перстни, стеклянный бальзамарий, морская раковина, бусы и др.

Погребение 13 обнаружено на глубине 1,5 м, в северо-восточной части раскопа. Мужской костяк лежал в вытянутой позе, головой на запад. Под голову была положена серебряная чаша, на дне которой изображен стоящий конь перед жертвенником (рис. 4, 2)¹⁰. В юго-западной части погребения найдены два серебряных кувшина с рельефными изображениями сцен охоты (рис. 3). На одном кувшине изображен всадник,

Рис. 3. Серебряные кувшины со сценами охоты из погребения 13.

охотящийся на верпей (рис. 3, 1), а на другом кувшине дана сцена охоты того же всадника (рис. 4, 1) на оленей (рис. 4, 2). В погребении 13 обнаружены также серебряное блюдо (рис. 5, 1), золотой браслет, три золотых перстня (два из них с геммами), золотое ожерелье с плетеной цепочкой, инкрустированным алмандиновыми вставками круглым медальоном и подвеской из жемчуга (рис. 5, 2). В центре медальона перегородчатой эмалью изображена четырехлепестковая розетка. Кроме того, найдены золотая инкрустированная бляха, золотые пуговицы двух размеров от пояса, три золотых ауреуса, восемь серебряных монет и стеклянные сосуды, в том числе две полностью развалившиеся фиалы.

При анализе описанных здесь и других (богатых и небогатых) погребений в первую очередь привлекает внимание обряд захоронения. Как известно, в дохристианской Грузии была распространена преимущественно скорченная поза захоронения. Но на некоторых могильниках позднеармазского (позднеантичного) периода, в основном в мужских погребениях с богатыми комплексами (Армази, Згудери, Эрцо, Ахали-Живвали и др.), встречаются костяки в вытянутом положении, ориентированные черепом на запад. После утверждения христианства эта поза получает всеобщее распространение. Можно предполагать, что так называемая христианская, т. е. вытянутая, поза, засвидетельствованная в позднеармазских погребениях еще до официального принятия христианства, является или приметой социального различия, или же в ней можно видеть постепенное распространение христианского обряда еще до официального принятия иберами христианской религии.

Среди погребального инвентаря особое внимание заслуживают предметы из серебра, в первую очередь чаши и кувшинчики. Чаша с изображением орла с раскрытыми крыльями по своему художественно-

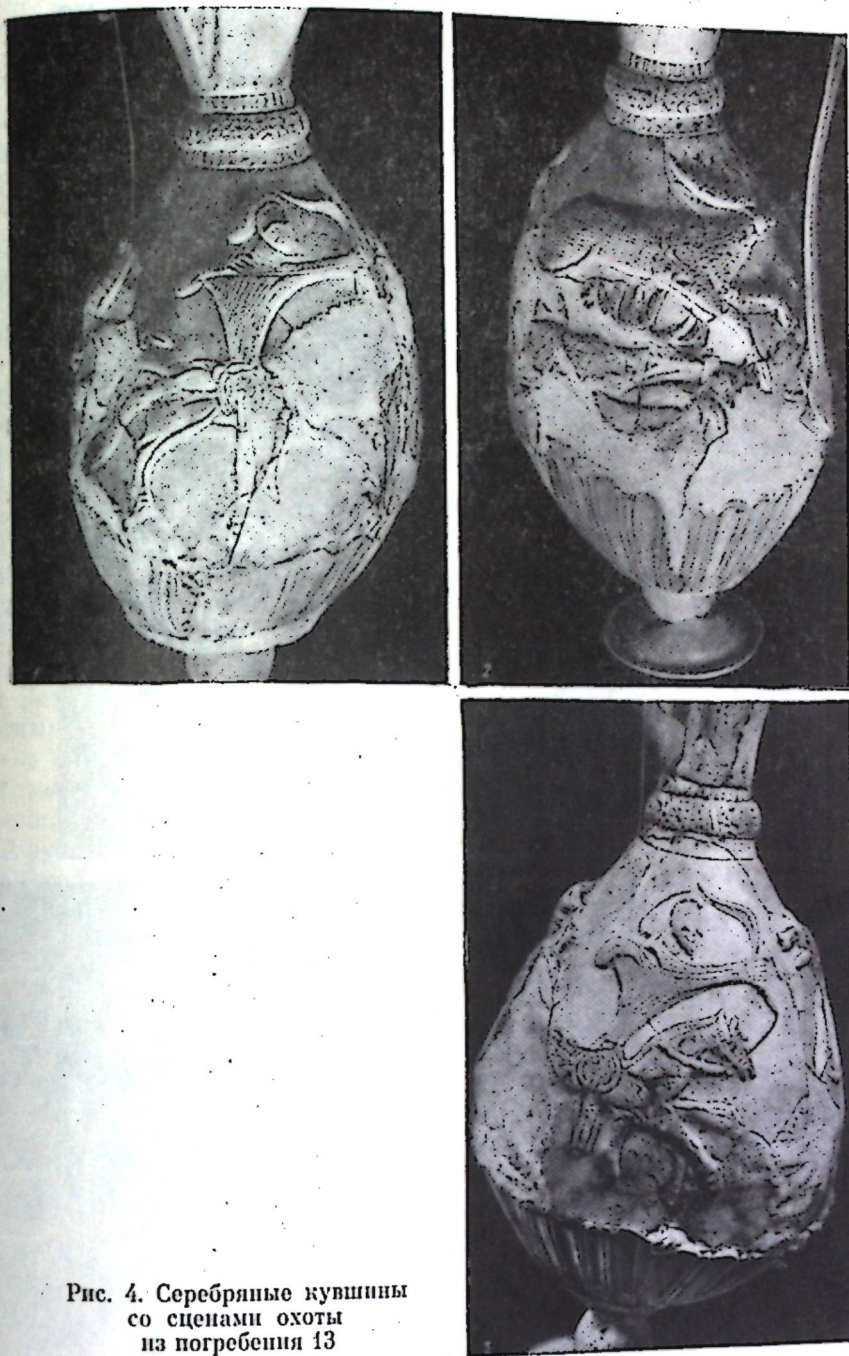

Рис. 4. Серебряные кувшины со сценами охоты из погребения 13

му оформлению и композиции очень напоминает серебряную чашу из третьего погребения Армазисхеви, где изображение орла осмысляется как символический знак власти¹¹, тогда как згудерское изображение орла трактуется как символ громовержца Зевса¹². Большое сходство имеет наш орел с геральдическим орлом на бактрийской чаше¹³. Изображение арависпирского орла с короной в клюве склоняет нас видеть в нем символ власти. Как армазская, так и згудерская чаши с орлом датируются второй половиной III в. н. э. Такую датировку полностью подтверждает присутствие в погребении 13 чаши с изображением коня перед алтарем. Изображения коня в Арависпире отличается мастерством исполнения и реалистичностью. К армазским¹⁴, борским¹⁵, згудерским¹⁶ и другим экземплярам прибавился замечательный образец

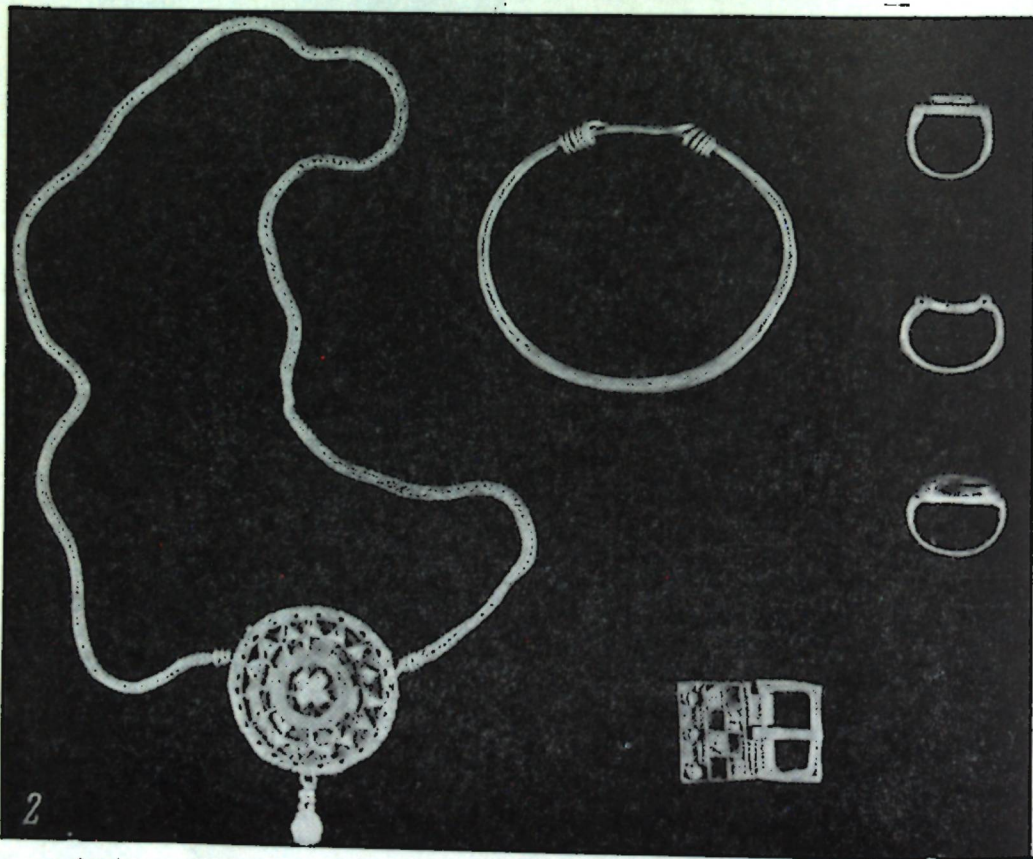

Рис. 5. Серебряное блюдо (1) и украшения (2) из погребения 13

позднеармазской торевтики, чем заметно расширился круг памятников, связанных с культом священного копы — символа солнца¹⁷.

Ценным пополнением грузинской торевтической коллекции можно считать серебряные кувшины из погребения 13. По форме арагвиспирские экземпляры (рис. 3) близко стоят к армазисхевским¹⁸, борским¹⁹, згудерским и другим кувшинчикам. Несмотря на общее влияние римской (по форме) и персидской (по сюжету) торевтики, мы склонны считать арагвиспирские кувшинчики произведениями местных (мцхетских?) мастеров.

Сюжеты охоты являются излюбленными²⁰ в сасанидской торевтике, но подобную нашим кувшинчикам трактовку мы в сасанидском искусстве пока что не находим. Иконография охотника и своеобразное выполнение изображения как будто не позволяет видеть в них правителей сасанидского Ирана или Грузии. По всей вероятности, на арагвиспирских кувшинчиках изображен какой-нибудь местный (в данном случае, может быть, Арагвского ущелья) правитель, по частному заказу которого, возможно, и сделаны рассматриваемые предметы.

Большой интерес вызывают золотые украшения с инкрустацией. Украшения подобного стиля известны в погребениях позднеармазского периода в Армази²¹ и Уреки²².

Для датировки могильника определенное значение имеют монеты, обнаруженные в погребении 13. Из трех золотых монет одна принадлежит римскому императору Валериану (254—260 гг.)²³, другая является местным подражанием ауреусу Валериана, третья тоже подражание, только ауреусу Августа. Серебряные монеты чеканены от имен Августа и Артабана II (10/11—38 гг.). Из этих монет для датировки важное значение имеют монеты Валериана, указывающие нижний хронологический рубеж комплекса из погребения 13.

Общий анализ погребального инвентаря и сравнительное изучение его отдельных компонентов дают возможность датировать Арагвиспирский могильник концом III — началом (или первой половиной) IV в. н. э.

Новые открытия в Арагвиспире заметно расширили круг оригинальных памятников типа Армазисхеви.

Богатые комплексы, подобные Армази, найденные в различных уголках Грузии, принято считать принадлежностью социальной верхушки, т. е. питиахов или эриставов²⁴. В эпоху общего хозяйственного и культурного подъема Иберийского царства, характеризующего первые века нашей эры, особенно заметно существующее на классовой основе имущественное неравенство.

Места же находок богатых комплексов, подобных арагвиспирским, принято считать центрами микрополитических единиц, где распространилась власть социально возвысившихся лиц²⁵.

Культура Армазисхеви, куда вписываются новые находки из Арагвиспире, формируется на рубеже нашей эры и высшего уровня достигает в III—IV вв. По своему содержанию она богата и оригинальна, так как является синтезом западной (греко-римской), восточной (иранской) и местной культур, где, по археологическим данным, превалируют элементы самобытной грузинской культуры. Необходимо отметить также, что в Иберийском царстве в III—IV вв. яснее вырисовывается влияние сасанидской культуры²⁶.

¹ Рамишвили Р. М., Цигланадзе Л. Г., Джорбенадзе В. А. и др. Предварительные результаты работ Жинвальской археологической экспедиции в 1971 году. — В кн.: Археологические исследования в Грузии в 1971 году. Тбилиси, 1972, с. 117—123; Рамишвили Р. М. Жинвальская археологическая экспедиция в 1971 г. — «Мацне», 1971, № 4, с. 167—170. О раскопках в Жинвали краткие отчеты с 1972 г. систематически публикуются в сборнике «Археологические открытия».

² Полевые археологические исследования в 1972 году. Тбилиси, 1973, с. 67—68.

- ³ Рамишвили Р. М., Джорбенадзе В. А., Цигланадзе Л. Г. и др. Живальская экспедиция.— В кн.: Полевые археологические исследования в 1973 г. Тбилиси, 1974, с. 54—55.
- ⁴ Там же, с. 55—56.
- ⁵ Там же, с. 56—59.
- ⁶ Рамишвили Р. М. Живальская экспедиция в 1972 году.— «Мацне», 1973, № 1, с. 186—187.
- ⁷ Немсадзе Г. Итоги работ Згудерской археологической экспедиции в 1964—1966 гг.— В кн.: Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1969, с. 45—56 (на груз. яз.).
- ⁸ Бочададзе А. Итоги работ Настакисской археологической экспедиции.— В кн.: Полевые археологические исследования в 1973 г. Тбилиси, 1974, с. 44—47.
- ⁹ Рамишвили Р. Живальская экспедиция в 1972 году.— «Мацне», 1973, № 1, с. 182—183.
- ¹⁰ Серебряная чаша, как и все остальные предметы, реставрируется в лаборатории Государственного музея Грузии.
- ¹¹ Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Калаидадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А.— В кн.: Мцхета, I, Тбилиси, 1955, с. 58, рис. 29 (на груз. яз.).
- ¹² Немсадзе Г. Указ. соч., с. 46.
- ¹³ Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 119.
- ¹⁴ Мцхета, I, с. 55—57, рис. 27—28.
- ¹⁵ Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909; Придик Е. Новые кавказские клады.— МАР, 1914, вып. 34.
- ¹⁶ Немсадзе Г. Указ. соч., с. 49, табл. II, рис. 2.
- ¹⁷ В связи с культом коня в Грузии см.: Куфгин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, с. 200—218.
- ¹⁸ Мцхета, I, с. 35, рис. 12, с. 96, рис. 56.
- ¹⁹ Придик Е. Указ. соч., табл. III, рис. 1—4.
- ²⁰ Кинжалов Р. В., Луконин В. Г. Памятники культуры Сасанидского Ирана. Л., 1960; Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971; Фрей Р. Указ. соч.
- ²¹ Мцхета, I, с. 48, табл. III.
- ²² Апакидзе А. М. Памятники позднеантичного времени из Уреки.— ВГМГ, 1947, XIV—В.
- ²³ Монеты определил сотрудник института Г. Дундуа.
- ²⁴ Мухелишвили Д. Л. Город Уджарма. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Иберия. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).
- ²⁵ Рамишвили Р. М. Некоторые вопросы периодизации истории Грузии феодальной эпохи в свете новых археологических открытий.— В кн.: Материалы научной сессии, посвященной памяти Г. А. Ломтатидзе. Тбилиси, 1975, с. 25—27.
- ²⁶ Мачабели К. Г. Несколько памятников сасанидской торевтики в Грузии.— «Мацне», 1972, № 3, с. 48—72.

Ц. О. ДАВЛИАНИДЗЕ

О НЕКОТОРЫХ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛАХ РАННЕАНТИЧНОЙ ЭПОХИ ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ

В фондах отдела археологии Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа хранятся до сих пор не опубликованные материалы, случайно обнаруженные на территории юго-восточной Грузии (исторической Квемо Картли) в селениях Ахалсопели и Кумыси.

В июле 1966 г. на западной окраине сел. Ахалсопели, расположенного по правому берегу верхнего течения р. Алгети (Тетрицкаройский р-н Грузинской ССР) случайно был обнаружен древний могильник: во время прокладки траншей местными жителями было вскрыто пять погребений — небольших каменных ящиков (длина до 1 м, ширина до 0,5 м), а найденный в них инвентарь был доставлен в Государственный музей Грузии.

Каменные ящики были обнаружены примерно на глубине 0,6 м; каждая из стенок ящиков была выложена из двух — четырех каменных глыб и перекрывалась цельной плитой. Человеческих костей в погребениях обнаружено не было, за исключением челюстей с зубами, оказавшихся в трех погребениях. Во всех трех случаях эти кости находились у се-

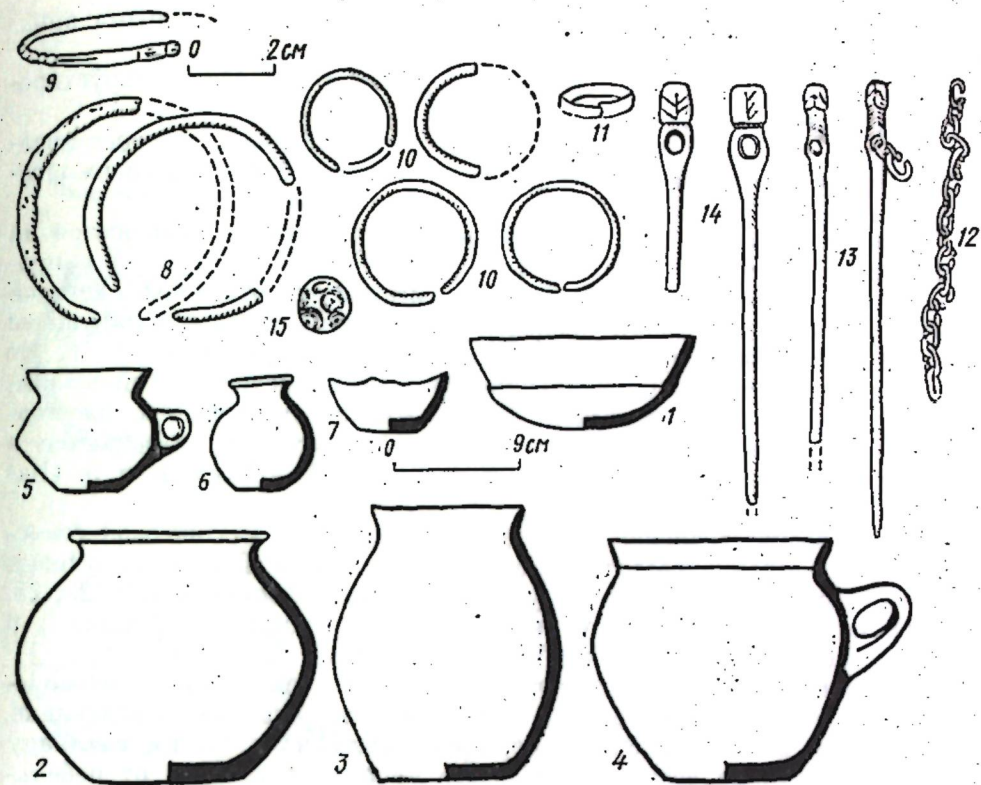

Рис. 1. Инвентарь погребений Ахалсопелского могильника

1—7 — глиняные сосуды; 8, 9 — бронзовые браслеты; 10—11 — бронзовые кольца, 12 — бронзовая цепочка; 13, 14 — бронзовые булавки; 15 — стеклянная буса

веро-западной стенки погребения, что, по-видимому, указывает на ориентацию покойников с северо-запада на юго-восток.

По свидетельству очевидцев, в углу каждого из погребений у изголовья покойника лежало два или три глиняных сосуда. Восстановить состав отдельных погребальных комплексов оказалось невозможным. Из обнаруженного инвентаря в Отделе археологии Государственного музея Грузии хранится ряд глиняных, бронзовых и стеклянных предметов.

Глиняные сосуды: фиала желтовато-розового обжига высотой 7 см (рис. 1, 1); горшок желтовато-розового обжига, толстостенный, высотой 17 см (рис. 1, 2); горшок желтовато-розового обжига высотой 19 см (рис. 1, 3); горшок одноручный, желтоватого цвета, высотой 17 см (рис. 1, 4); кувшинчик одноручный, черного обжига, толстостенный, высотой 8 см (рис. 1, 5); кувшинчик желтоватого цвета, толстостенный, высотой 7,5 см (рис. 1, 6); обломки нижней части кувшинчика с диаметром дна 3,7 см, черепок розоватый, тонкий, на поверхности сохранились остатки красной краски (рис. 1, 7). Ряд обломков различной глиняной посуды.

Предметы из бронзы: обломки браслета из проволоки круглого сечения, толщиной 0,3 см (рис. 1, 8); обломки браслета из проволоки овального сечения, со стилизованным изображением змеиной головки на концах (рис. 1, 9); кольцо диаметром 3 см и обломки трех колец из проволоки круглого сечения (рис. 1, 10); кольцо из тонкой пластины, с заходящими концами, диаметром 1,7 см (рис. 1, 11); цепочка (рис. 1, 12); булавки длиной 7 см с призматическими головками, круглыми стержнями и отверстием у шейки. Головка и шейка украшены вдавленным геометрическим орнаментом (рис. 1, 13); булавки с широкими плоскими

головками шириной 0,8 см, украшенными вдавленным «елочным» орнаментом (рис. 1, 14).

Стеклобисна — голубая, сферическая, глазчатая (пикрустированная), диаметром 1,2 см (рис. 1, 15).

Для датировки Ахалсопелского могильника наибольший интерес представляют глиняная фиала и бронзовые булавки с призматическими головками.

Фиала относится к тому особому типу фиал, которые появляются на территории Грузии в раннеэллинистический период (VI—V вв. до н. э.) и продолжают бытовать с некоторыми видоизменениями отдельных деталей вплоть до эллинистического периода. Такого типа фиалы обнаружены на могильнике у бешташенской крепости, в погребениях V в. до н. э.¹, в Земо-авчалском могильнике того же периода², в Тейшебанском погребении послеурартской эпохи³. Аналогичные фиалы, изготовленные из другого материала (бронза, серебро, стекло), встречаются в погребениях несколько более позднего времени — V—IV вв. до н. э. (Вани⁴, Алгети⁵).

Период распространения бронзовых булавок с призматической головкой пока что ограничивается также VI—V вв. до н. э. Подобные булавки в значительном количестве обнаружены в каменных ящиках 1, 3, 23, 25, 26, 39, 44, 61 могильника у бешташенской крепости⁶, в Цхнети⁷, в Земо Гостибе⁸ среди материалов VI—V вв. до н. э.

Датировке Ахалсопелского могильника этим периодом не противоречат и другие перечисленные выше предметы, обнаруженные в могильнике.

В 1967 г. в Гардабанском р-не, приблизительно в 1,5 км к западу от сел. Кумыс, на возвышенном месте по правую сторону от небольшого Шпнатехского ущелья, называемого «Цвара», было обнаружено в результате разрыва несколько погребений типа каменных ящиков. Часть найденной в этих погребениях глиняной посуды и трехлопастной бронзовой наконечник стрелы «скифского» типа были доставлены в Государственный музей Грузии.

В том же году при обследовании территории могильника был расчищен каменный ящик длиной 1,20 м, шириной 0,55 м и высотой 0,55 м. Погребение ориентировано с востока на запад. Костяк лежал на правом боку с сильно подогнутыми ногами, руки были согнуты и фаланги пальцев лежали перед лицом.

Перед лицом находилась также глиняная фиала розоватого обжига высотой 5 см (рис. 2, 19). У затылка стоял глиняный кувшинчик желтовато-розоватого обжига высотой 7,8 см (рис. 2, 18), у ног — кувшинчик розоватого обжига с трехлиственным венчиком, высотой 15,5 см (рис. 2, 20). Вдоль спины лежали железный наконечник копья (рис. 2, 16) и обломки рукоятки ножа (рис. 2, 17).

Из инвентаря случайно обнаруженных погребений Кумысского могильника в Государственном музее Грузии хранятся следующие глиняные предметы: кувшинчик розоватого обжига с семью вертикальными желобками и с остатками красной краски на поверхности, высотой 9,2 см (рис. 2, 1); фиала кружковидная с черными пятнами, высотой 6,2 см (рис. 2, 2); миска с загнутым внутрь венчиком, высотой 3,7 см (рис. 2, 3); фиала желтоватая высотой 5,5 см (рис. 2, 4); фиала розоватая со следами красной краски на поверхности, высотой 5 см (рис. 2, 5); кувшин глиняный с остатком носика розоватого обжига, высотой 24,6 см (рис. 2, 6); ойнохоя розоватого обжига со следами красной краски на поверхности, высотой 30 см (рис. 2, 7); кувшин с носиком розоватого обжига, с красноокрашенной поверхностью, высотой 33 см (рис. 2, 8); кувшин розоватого обжига, с красноокрашенной поверхностью, высотой 27,8 см (рис. 2, 9); ойнохоя розовато-желтоватого обжига высотой 31,5 см, с остатками красной окраски на поверхности (рис. 2, 10); горшок черновато-сероватого цвета, одноручный, с сетчатым лощеным орнаментом на пле-

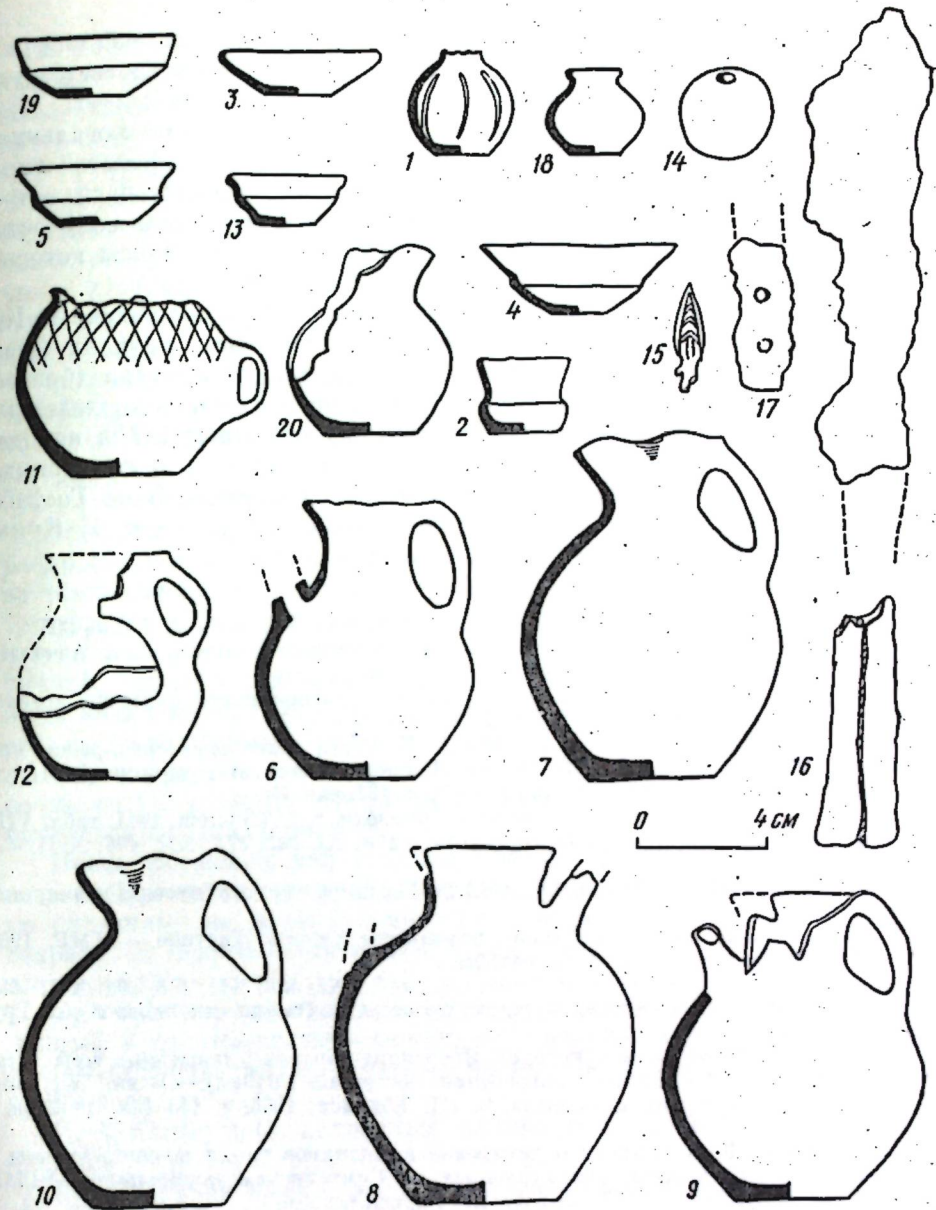

Рис. 2. Инвентарь погребений Кумысского могильника

1—12, 18, 18—20 — глиняная посуда; 14 — бусина стеклянная; 15 — бронзовый наконечник стрелы; 16 — железный наконечник копья; 17 — фрагмент черешка железного ножа

чиках, высотой 15 см (рис. 2, 11); кувшинчик желтовато-розоватого обжига высотой 20 см (рис. 2, 12) и обломки других сосудов.

В том же могильнике найдены бусина стеклянная, сферическая, зеленовато-голубоватая, полупрозрачная, диаметром 2,7 см (рис. 2, 14) и бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с короткой втулкой и шпилем, с рельефным «елочным» орнаментом между лопастями с одной из сторон, длиной 2,9 см (рис. 2, 15).

Среди глиняной посуды, обнаруженной на территории Кумысского могильника, заслуживают внимания кувшины с носиками и ойнохоя. Оба типа сосудов входят в употребление на территории Грузии с раннеакхеменидского периода. Второй тип становится наиболее характерным среди погребального инвентаря эллинистического периода. Кувшины с носиками на территории Грузии встречаются сравнительно редко в комплексах

V в. до н. э. Оба упомянутых типа сосудов известны из материалов Бешташенского⁹, Кекетского¹⁰ и других могильников соответствующего периода, а также из культурных слоев Ховлегора¹¹ и т. д.

Среди металлических орудий и оружия из Кумысского могильника заслуживает внимания бронзовый наконечник стрелы «скифского» типа. Подобные наконечники начиная с раннехеменидского периода часто встречаются на территории Грузии. В частности, в значительном количестве они обнаружены в грунтовых погребениях Самтавро, комплексы которых хорошо датируются второй половиной VII—VI в. до н. э.¹²

Таким образом, материалы, обнаруженные на Ахалсопелском и Кумысском могильниках, объединены присутствием в обоих случаях фиал, кувшинчиков и горшков. На основании же других материалов (бронзовые украшения из Ахалсопели, сосуды с носиками и ойнохой, железный наконечник копья и обломки пожа из Кумыси) оба могильника находят себе аналогию в могильниках у бешташенской крепости и в синхронных памятниках — Кикети, поселение Ховлегора, Земо Авчала, Земо Гостибе, Тейшебаини и т. д. Это дает основание датировать предметы из Кумыси и Ахалсопели тем же периодом — V в. до н. э.

¹ Менабде М. В., Давлианидзе Ц. О. Каталог 1. Тбилиси, 1968, табл. XII, 388, 395.

² Коридзе Д. Л. Погребальный инвентарь одного каменного ящика из Земо Авчала.— ВГМГ, 1956, т. XIX — В, с. 215 (на груз. яз. с русск. резюме).

³ Мнацаканян А. О., Тиранян Г. А. Новые данные о материальной культуре древней Армении.— «Известия АН Армянской ССР», 1968, № 8, с. 76.

⁴ Хоштария Н. В., Пугуридзе Р. В., Чкония А. М. Итоги археологических работ, проведенных 1961—1963 гг. в северо-восточной части Ванского городища (на груз. яз. с русск. резюме).— Вани, I. Тбилиси, 1972, с. 133, рис. 58.

⁵ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Трпалети, т. I. Тбилиси, 1941, табл. VIII.

⁶ Менабде М. В., Давлианидзе Ц. О. Указ. соч., табл. XI, 342, 375; XII, 406; XIII, 424, 425; XIV, 474.

⁷ См. в «основном фонде» Отдела археологии Государственного музея Грузии, инв. № 198—16:7.

⁸ Чубинишвили Т. П. Археологические памятники ущелья Гостибе.— ВГМГ, 1960, т. XVI-B, с. 23 (на груз. яз. с русск. резюме).

⁹ Менабде М. В., Давлианидзе Ц. О. Указ. соч., табл. XI, 352; XII, 378, 403; XIII, 455.

¹⁰ См. в фонде «Малых экспедиций 1 Отдела археологии Государственного музея Грузии», инв. № 40—58:23.

¹¹ Толордава В. А. Материалы к истории Иберского царства в последние века I тысячелетия до н. э. (Кувшинные погребения Восточной Грузии).— В кн.: Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. III. Тбилиси, 1963, с. 143 (на груз. яз. с русск. резюме).

¹² Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике.— ВГМГ, 1957, т. XIX—A, XXI—B, с. 127 (на груз. яз. с русск. резюме).

М. Н. САГИНАШВИЛИ

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ ТБИЛИСИ

Для изучения торгово-экономических взаимоотношений Иберии в римское время большое значение приобретают находки стеклянных сосудов, обнаруженных в большом количестве во многих пунктах древней Грузии. Особенно многочисленны и разнообразны сосуды, найденные в крупных городах античной Иберии — во Мцхете и Урбинси. Но нельзя оставлять без внимания и сравнительно малые коллекции, так как очень часто именно они дают значительную информацию о производстве и ареале античного стекла. С этой точки зрения привлекает внимание небольшая коллекция стекла из Тбилиси, содержащая несколько редких типов стеклянных сосудов.

В 1957 г. в одном из районов г. Тбилиси, в Грмагеле, при производстве земляных работ на территории Пластмассового завода, случайно были открыты памятники античной эпохи. Среди найденных здесь предметов следует отметить алабастр, остающийся пока уникальным не только для Грузии, но и для всего Закавказья. Он представляет собой толстостенный бальзамарий из синего стекла высотой 12,5 см с плоским дисковидным венчиком, узкой и высокой постепенно расширяющейся шейкой и низким туловом, закарничивающимся коническим донышком. Вместо ручек к плечикам алабастра асимметрично приделаны два уплощенных налета разной формы (рис. 1, 1). Сосуд украшен «перьевидным» орнаментом синего, беловатого и светло-желтого цветов¹.

Рассматриваемый тип стеклянных сосудов получил наименование «алабастров» от алебастровых бальзамариев, имитациями которых они и являются². Однако следует отметить, что стеклянные бальзамарии-алабастры отнюдь не копируют с точностью свои алебастровые прототипы и имеют самостоятельные пути эволюции формы.

Этот тип стеклянных сосудов египетского происхождения был широко распространен по всему древнему миру. Сосуды делали главным образом из темно-синего, беловатого, желтоватого, черного, а позже из красноватого стекла³. Процесс их изготовления состоял в следующем: к заготовке сосуда с песчаной сердцевинной, пока стекломасса оставалась еще пластичной, прилепляли комок расплавленного стекла и от него быстро вытягивали нить, накручивая ее на заготовку. При изготовлении одного сосуда, по-видимому, работали два человека, один из которых держал заготовку в требуемом положении, а другой вытягивал нить, накладывая ее на сосуд, и потом придавал ей желаемое направление при помощи определенных инструментов.

После формовки для сглаживания поверхности сосуда его раскатывали на мраморной доске. Место, откуда начинали вытягивать нить, легко различимо на многих алабастрах. На шейке тбилисского экземпляра сохранился белого цвета налет в виде плоской пуговки, откуда вытягивалась нить.

Орнамент на бальзамариях редко бывает идеально правильным. Утопченные, в художественном отношении совершенные формы среди древнеегипетских изделий встречаются чаще, чем в продукции более позднего времени⁴.

П. Фоссинг дает подробный анализ и хронологию стеклянных алабастров⁵.

Рассматривая алабастры разных форм, различную их орнаментацию, П. Фоссинг выделяет среди них группу веретенovidных алабастров, которые в свою очередь подразделяются на сосуды, украшенные перьевидным орнаментом (рис. 2, 1) и фестонами (рис. 2, 2). Встречаются также алабастры, орнамент которых представляет собой комбинацию обоих узоров (рис. 2, 3)⁶.

Тбилисский сосуд относится к группе веретенovidных алабастров, украшенных перьевидным орнаментом. Ближайшей аналогией ему является алабастр I в. до н. э.— I в. н. э. из Беляусского могильника в северо-западном Крыму⁷. Аналогичны тбилисскому также алабастры из Пантикапея и из Горгиппии, хранящиеся в Государственном Эрмитаже⁸.

Веретенovidные алабастры с фестонами известны из Греции, Сирии, с Кипра и Сицилии⁹. Фестонами украшен и алабастр, признаваемый А. Кизой египетским изделием¹⁰. Алабастры с перьевидным орнаментом найдены в Италии (в Анконе, на могильнике II—I вв. до н. э., и в Орнавассо, вместе с республиканскими денариями 88—84 гг. до н. э.)¹¹. Алабастры из Сирии¹² датируются II—I вв. до н. э. На экземплярах, хранящихся в Музее Торвальдсена в Копенгагене, которые по форме весьма близки к тбилисскому алабастром, представлен комбинированный фестонно-перьевидный орнамент¹³.

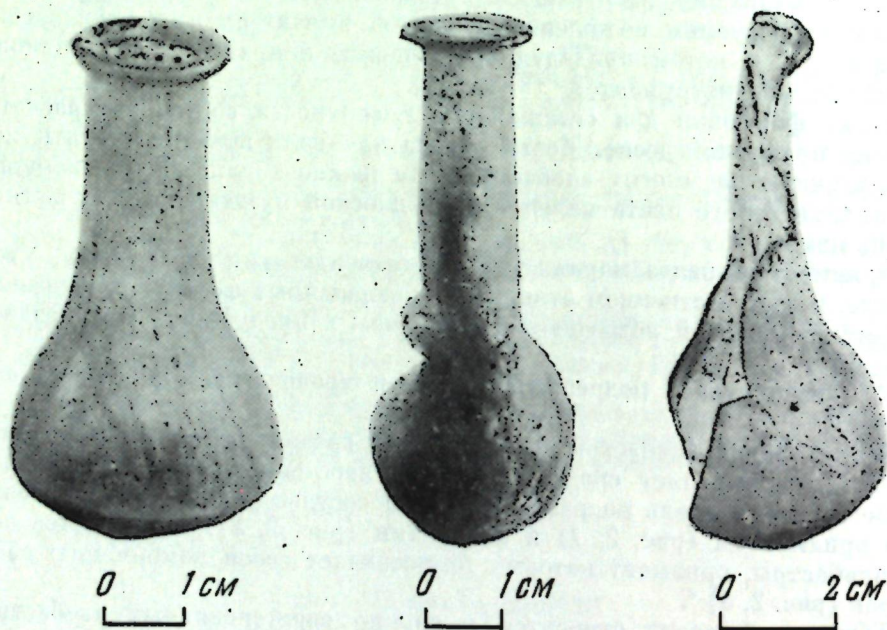
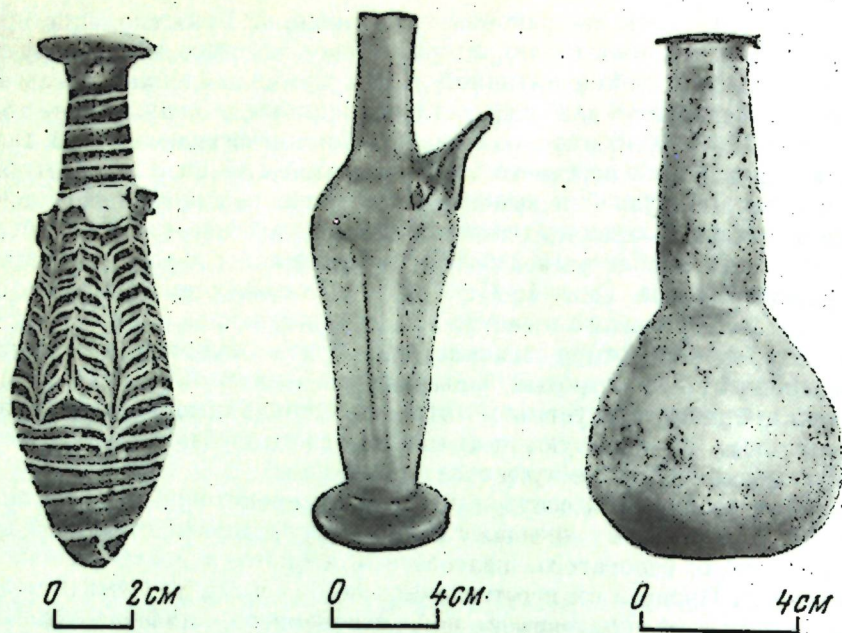

Рис. 1. Стекланные алабастры из Грмагеле. Тбилиси

По нашему мнению, наиболее распространенными эти типы алабастров становятся в последних веках до нашей эры, особенно во II—I вв. В I в. н. э. они встречаются в виде пережитков, а позже не встречаются вовсе. Думаем, что наиболее вероятная дата тбилисского алабаstra — I в. до н. э.—I в. н. э. Ввиду того, что это случайная находка и мы не имеем сопровождающего инвентаря, более точная датировка невозможна.

Что же касается происхождения подобных алабастров, то они считаются продукцией египетских мастерских¹⁴. Мы полагаем, что к числу последних надо отнести и найденный в Грмагеле алабастр.

Не менее интересен другой сосуд, найденный в 1957 г. на территории Пластмассового завода. Это толстостенный одноручный кувшинчик из голубоватого прозрачного стекла, с высоким цилиндрическим горлом, высоким корпусом, бока которого вогнуты с четырех сторон, и вогнутой в центре ножкой. Венчик сосуда отбит. От ручки сохранилась нижняя часть. Высота кувшинчика 18 см (рис. 1, 2)¹⁵.

Аналогичный кувшинчик с Самтаврского могильника (Мдхета) несколько отличается от рассматриваемого экземпляра как качеством стекла, так и частично формой¹⁶. Этот тип стеклянных сосудов был распространен в I—II вв. и считается сирийским изделием¹⁷.

В Грмагеле в 1957 г. было найдено еще два сосуда. Один из них бальзамарий из зеленоватого прозрачного стекла высотой 16 см, с плоским загнутым внутрь венчиком, высоким горлом, резко отделенным от грушевидного, сильно выпуклого тулова, и с чуть вогнутым доньшком. Стекло прирзовано (рис. 1, 3)¹⁸. Сосудик аналогичен колбовидным бальзамариям I—II вв. с Урбнисского некрополя¹⁹. Большинство исследователей считает подобные сосуды сирийскими изделиями²⁰.

Второй сосудик, высотой 5 см, изготовленный из беловато-зеленого прозрачного стекла, имеет загнутый венчик и плоское дно²¹. Стекло плохого качества, со множеством пузырьков разных размеров и форм (рис. 1, 4). Такие сосуды характерны для первых веков нашей эры.

В Грмагеле, на территории Пластмассового завода, археологические предметы были найдены также в конце 1960 и в начале 1961 г. Из двух найденных тогда стеклянных сосудов²² один — толстостенный бальзамарий из зеленоватого прозрачного стекла, с плоским венчиком, высоким горлом, резко отделенным от тулова, и плоским дном (рис. 1, 5). Стекло невысокого качества, прирзовано; сосуд частично реставрирован. Он аналогичен бальзамариям, которые считаются местной продукцией²³. Другой сосуд — тонкостенный бальзамарий из беловатого прозрачного стекла, с отогнутым венчиком, высоким горлом, непосредственно переходящим в расширяющееся к плоскому доньшку тулово. Стекло низкого качества, со множеством пузырьков (рис. 1, 6). Оба сосуда принадлежат к группе колбовидных бальзамариев, широко распространенных в первых веках нашей эры. Они должны быть датированы I—II вв.

Как мы могли убедиться, коллекция сосудов из Грмагеле содержит пять разных типов стеклянных сосудов. Один из них — алабастр — изготовлен песочно-сердечниковым методом, все остальные сосуды изготовлены выдуванием (кувшинчик выдут в форме, остальные же свободно дутые).

Сосуды тбилисской коллекции, так же как и стеклянные сосуды, найденные в других центрах Иберии, показали, что в римскую эпоху Иберии одновременно бытовали как импортные, так и местные стеклянные сосуды.

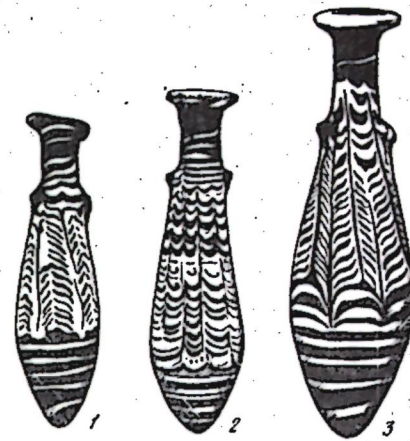

Рис. 2. Стекланные алабастры
1 — с перьевидным орнаментом
2 — с фестонами;
3 — с комбинированным орнаментом

- ¹ Сосуд хранится в Государственном музее Грузии, инв. № 5—57:1. Опубликовано: *Коридзе Д. Л.* Новые археологические находки на территории Тбилиси.— Газ. «Тбилиси», 19 июля 1958 г.
- ² Schmidt R. Das Glas. Berlin, 1912, S. 10
- ³ Kisa A. Das Glas im Altertums, Bd III. Leipzig, 1908, S. 405.
- ⁴ Kisa A. Op. cit., S. 405.
- ⁵ Fossing P. Glass Vessels before Glass-blowing. Copenhagen, 1940, p. 110.
- ⁶ Fossing P. Op. cit., p. 112, fig. 84, 85; Kisa A. Op. cit., S. 404.
- ⁷ Дашевская О. Д. Раскопки памятников античной эпохи в северо-западном Крыму.— АО 1970 г. М., 1971, с. 265.
- ⁸ Voščinina A. J. Frühantike Glasgefäße in der Ermitage (Gruppe der Salbgefäße in der Sandkem-Technik).— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock-16. Jahrgang», 1967, S. 558, Taf. 124, 2. А. И. Вошинина датирует их III—II вв. до н. э.
- ⁹ Fossing P. Op. cit., p. 112.
- ¹⁰ Kisa A. Op. cit., S. 404, рис. 81.
- ¹¹ Fossing P. Op. cit., p. 113.
- ¹² Neuburg F. Glass in Antiquity. London, 1949, tab. XIV, 44.
- ¹³ Fossing P. Op. cit., p. 112, fig. 84.
- ¹⁴ Fossing P. Op. cit., p. 32; Kisa A. Op. cit., S. 404.
- ¹⁵ Хранится в Государственном музее Грузии, инв. № 6—57:6.
- ¹⁶ Лордкипанидзе О. Д. Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. н. э.— «Труды Тбилисского государственного ун-та», 1957, 65, рис. 8; Угерелидзе Н. Н. Стекло в древней Грузии. Тбилиси, 1961, табл. 8.
- ¹⁷ Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 10; он же. Античный мир и Картлийское царство. Тбилиси, 1968, с. 75.
- ¹⁸ Хранится в Государственном музее Грузии, инв. № 6—57:7.
- ¹⁹ Сагинашвили М. Н. Стекланные сосуды Урбинского могильника. Тбилиси, 1970, № 152, 153. Некоторые исследователи датируют такие сосуды II—III вв. (см.: *Bucovata M.* Vase, Antice, Desticla la Tomis, Mazeul de Archeologe. Constante, 1968, p. 118, 119, N 245.
- ²⁰ Аракелян Б. Н., Тицацян Г. А., Хачатурян Ж. Д. Стекло древней Армении (I—IV вв.).— В кн.: Археологические памятники Армении, 3. Ереван, 1969, с. 37, № 33; *Isings C.* Roman glass from dated finds. Groningen—Djakarta, 1957, 28a; *Vessberg O.* Roman glass in Cyprus.— «Archaeologica Opuscula» (Lund), 1952, VII, p. 133, tab. 7.
- ²¹ Хранится в Государственном музее Грузии, инв. № 6—57:8.
- ²² Хранится в Государственном музее Грузии, инв. № 6—61:9 (диаметр венчика 2,5 см, диаметр донышка 2,6 см) и инв. № 6—61:10 (высота 6,6 см, диаметр венчика 2,5 см).
- ²³ Сагинашвили М. Н. Указ. соч., № 143, 146.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБНО	— Абхазское научное общество
АО	— Археологические открытия
ВДИ	— Вестник древней истории
ВГМГ	— Вестник Государственного музея Грузии
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЗКОРГО	— Записки кавказского отдела Русского географического общества
ИАИЯЛИ	— Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулна Академии наук Грузинской ССР
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ЧИНИИ	— Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института
МАГК	— Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России
Мацне	— Вестник отдела общественных наук Академии наук Грузинской ССР (на груз. яз.)
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ПАИ	— Полевые археологические исследования в Грузии. Тбилиси
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ТАИЯЛИ	— Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулна Академии наук Грузинской ССР
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ТОИПКГЭ	— Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
АК	— Antike Kunst
AJA	— American journal of archaeology. Princeton
BCH	— Bulletin de correspondance Hellenique
DAGR	— Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines
ESA	— Eurasia septentrionalis antiqua Helsinki
RA	— Revue archeologique
RE	— Pauly — Wissowa — Kroll. Real-encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
SC	— Scythica et Caucasia

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Археологические исследования в Колхиде

А. Ю. Кахидзе. Раскопки могильника Пичвиари	4
Т. К. Микеладзе. Некоторые итоги раскопок поселений VI—V вв. до н. э. в районе устья р. Риони (Фасиса)	12
Г. К. Шамба. Предварительные итоги работ на Эшерском городище	23
Д. А. Хакугайшвили. Новоткрытые памятники древнеколхидской металлургии железа	29
Т. К. Микеладзе, М. В. Барамидзе. Колхидский могильник VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвзани	33
О. Д. Лордкипанидзе, Р. В. Пугуридзе, Н. Н. Магиашвили. Раскопки в Вани в 1973—1974 гг.	39
В. А. Толорбава. Погребение с черепичным перекрытием из Даблагони	48
Н. Ш. Кизурадзе, Г. А. Лордкипанидзе. Дапнарское селище и могильник (К проблеме сельских поселений Колхиды)	55
Г. Ф. Дундуа. Клад римских монет I—III вв. из с. Эки	64
Р. В. Пугуридзе. Колхидские амфоры из Вани	68
Н. Н. Магиашвили. Афины и Колхида в эллинистическую эпоху	71
А. М. Чкониа. К изучению колхидского златокузнечества	75
Е. Г. Гоголашвили, Д. Д. Качарова. Керамика Колхиды VI—IV вв. до н. э.	77
А. Р. Магомедов. Топоры колхидско-кобанского типа в Дагестане	81

Археологические исследования в Иберии

Ю. М. Газошидзе. Городище Самадио	83
Г. Р. Цвигишвили. Результаты работ на «Цихна-гора» (1971—1974 гг.)	87
А. Бокочадзе. Настакиси, Саркизе, Дзалиси — города Иберии античной эпохи (Некоторые результаты полевых исследований)	93
Ю. М. Газошидзе. Раскопки храма I в. до н. э. в Дедоплис Миндори (Восточная Грузия)	102
Г. М. Немсадзе. Погребения иберийской знати из Згудери	108
Р. М. Рамизаши. Новые открытия на новостройках Арагвского ущелья	114
Ц. О. Давлянидзе. О некоторых неопубликованных материалах раннеантичной эпохи из юго-восточной Грузии	122
М. Н. Сагинашвили. Стекланные сосуды из Тбилиси	126
Список сокращений	131

Античные памятники Колхиды и Иберии

КСИА, вып. 151.

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е. П. Прохоров. Художественный редактор Н. Н. Бласин.
Технический редактор Н. Н. Плохова. Корректор Н. С. Бургер

Сдано в набор 21/IV-1977 г. Подписано к печати 20/VII-1977 г.
Формат 70x108/16. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 11,53. Уч.-изд. л. 11,8.
Тираж 3450. Т-12943. Тип. зак. 2208. Цена 1 руб.

Издательство «Наука», 117483, Профсоюзная ул. 94-а
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-89, Шубинский пер., 10